

ИЗЪ БОЕВЪ У ОЗЕРА НАРОЧЬ. — Ренегосцировка съ боемъ.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

Съ войны.

«Ушедшія тѣни».

Какъ средь тумана очертанья
Въ молочной, сѣрой мглѣ встають,
Какъ днѣи войны воспоминанья
То исчезаютъ, то влекутъ...
Они, какъ книги позабытой
Давно закрытыя листы,
Хранятъ намъ жизни пережитой
Воспоминанья и черты...
Какъ много было дѣей лишенья,
Картинъ пожарницъ, нищеты,
Но сколько въ горестяхъ смиренья
И средь геройства—простоты!
Какъ тамъ, дая тѣхъ, кто самъ душою
Позналъ средь боя ликъ войны,
Въ газетахъ, присланныхъ порою,
Казались странны и смѣшны
Страницы яркихъ описаній,
И ложный пафосъ длинныхъ строкъ.
Всѣхъ тѣхъ, кто истинныхъ страданій
Вообразить себѣ не могъ,
Кто лишь въ покоѣ кабинета
Стихи воинственно слагалъ...

Средь днѣи сраженій я встрѣчалъ
Другого скромнаго поэта.
Въ немъ было много юныхъ силъ,
Онъ былъ веселый, смѣлый, милый...
Далекій мыслью отъ могилы,

Какъ жизнью онъ не дорожилъ!
Въ бояхъ Ивангорода раненъ,
Подъ Ломжей былъ онъ вновь въ строю.
Я помню... вечеръ былъ туманенъ;
Мы были третій день въ бою;
Атаку ждали на разсвѣтѣ.
Въ халупѣ были мы вдвоемъ,
Въ свѣчи мерцающемъ отсвѣтѣ
Онъ говорилъ мнѣ о быломъ,
Читалъ лирическія сказки,
Съ печальной дымкою мечты,
То говорилъ про грезы, ласки.
То съ тихой грустью простоты
Сраженій дѣлалъ описанья...
Я слушала, сжавшись въ уголокъ.
Трещали выстрѣлы... Мерцанье
Ракетъ свѣтилось вдалекѣ...
Мы съ нимъ разстались какъ-то смутно,
Спѣша скорѣй къ своимъ частямъ.
Шель бой!.. Почти ежеминутно
Рвались снаряды здѣсь и тамъ.
Свѣмъ былъ каждый занятъ дѣломъ,
Полкъ шелъ въ атаку за холмомъ.
Подъ вечеръ въ домъ опустѣломъ
Фельдфебель мнѣ сказалъ о немъ:
— Они шли справа пулемета,
Вотъ въ томъ лѣсу, гдѣ крикъ вдали...
— Онъ раненъ? — Шель, — отвѣтилъ
кто-то, —

Пропалъ безъ вѣсти... Не нашли...
Сдвинуло сердце мнѣ страданье,
И ясно вспомнилось съ гусской
Свѣчи дрожащее мерцанье
Средь жалкой комнаты пустой,

Стихи послѣдніе поэта,
Знакомый образъ, полный силъ,
И мигъ, когда съ нимъ до разсвѣта
Я о минувшемъ говорилъ...
Кругомъ сливалось все въ туманъ,
Трещали выстрѣлы вдали...

Лишь черезъ мѣсяцъ, на полянѣ
Въ густомъ лѣсу его нашли...
Подъ бѣлымъ слоемъ свѣжой пыли
Онъ точно спалъ безгрѣшнымъ своимъ...
Черты его спокойны были...
Онъ взялъ окопъ... И умеръ въ немъ!

Кн. Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

Веской.

(Разсказъ).

И.
Когда Толя пробѣгалъ мимо гостиной,
тамъ все еще играли въ карты, а «она»,
сидя за круглымъ столикомъ, что протявъ
зеркала, конечно, опять кокетничала съ
этимъ Гибздаловымъ...
Останавливаться было некогда.
Придерживая за пазухой омятую записку
и букетъ особенной кроваво-красной
гвоздики, которую все-таки удалось украсть
въ парникахъ съ пробной грядки, Толя
на-ходу жестикулировалъ свободной рукой
и шепталъ:

— Опять?!.. Ну, ужъ это чортъ знаетъ
что... это... это безобразіе... Сегодня же
выясню...

Путь въ «ея» комнату былъ свободенъ.
Правда, въ концѣ коридора видѣлась ба-
бушка, но она, склонивъ голову, созерцала,
какъ ея любимецъ, мопсъ Френчикъ,
уписываетъ свой ужинъ. Бабушка востор-
женно напѣвала дикимъ надтреснутымъ
голосомъ:

— Ахъ, Френечка, душечка,
Толстенькій, кругленькій!
Ахъ, въ кого-жъ мы уродились?!
И, прерывая пѣніе, сюсюкала:
— Скази: уродились мы въ папоцку,
а толстенькій въ мамоцку...

Толя быстро юркнулъ въ дверь и,
плотно притворивъ ее, почувствовалъ се-
бя въ полной безопасности.

Черезъ настѣжъ открытыя окна лился
голубоватый лунный озѣтъ. Въ комнатѣ
пахло цвѣтущимъ садомъ, ночной росистой
свѣжестью, духами и еще чѣмъ-то неудо-
вимымъ, но особенно прекраснымъ. Нѣ-
сколько разъ вздохнувъ съ наслажденіемъ
полной грудью, онъ извлекъ помятую
гвоздику и записку: оглянулся, ища, куда
бы положить все это такъ, чтобы «она»
сразу замѣтила...

— Конечно, въ зеркало непременно по-
смотреть!

Онъ положилъ и букетъ и записочку на
туалетный столикъ, рядомъ съ очутившимся
тамъ почему-то зонтикомъ, — тѣмъ са-
мымъ, отъ котораго въ незабвенный ве-

черь 26 мая, она оторвала и подарила ему на память светло-голубую кисточку... О, эта кисточка, вместе с другими реликвиями—шпурком от ботинка, двумя засохшими цветками и огрыском маринованной груши, которую она кушала, хранится у него в ящике комода, в красивой чеканной шкатулке, откуда безжалостно выброшена коллекция старинных монет и медалей.

Выходя из комнаты, Толя не удержался от искушения поцеловать рукав «са копота», висевшего на спинке кресла, и, сразу почувствовав себя счастливым, выскочил стремглав из комнаты, а в коридор столкнулся с бабушкой.

Френчик, степенно бжавший некогда впереди хозяйки, шархнулся в сторону от испуга, выкут не своим голосом и, по обыкновению, не узнав «своего», тотчас хрипло зазаял, задирая вверх тупую морду.

— Жарко, бабушка!—пролетела злополучный влюбленный. — А... а... тут, знаете ли, у Надежды Львовны, окна открыты... так и зашел, знаете ли... продувает... прохлада...

— Что?!

— Прохлада, говорю...

— Да, да... прохлада, прохладой, а я вот что должна тебе сказать, сударь... Ты зачѣм опять Френчика дразнил сегодня... А?!.. Ты думаешь, я не видѣла?.. Выходить собачка на прогулку, никого не трогает, гребется себѣ на солнышкѣ, а ственно поплыла дальше за Френчиком, который, сердито басикует единственным глазом, брезгливо протяжало что-то в родъ:

— Оставьте, оставьте этого дурака, красная и отъ гнѣва и отъ духоты бабушка, грузно шлепая туфлями, величе-

пра... аю, не стоит связываться!

НЪ ГЕОРГІЕВСКОМУ ПРАЗДНИКУ 3-го ІЮЛЯ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Древнѣйшее изображение св. Георгія Побѣдоносца, въ видѣ фрески, въ Староладонскомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Въ текствѣ рукописнаго подлинника греческаго происхожденія записки о русскихъ гербахъ, св. Георгій описанъ такъ: «Св. Георгій возрастомъ младъ, подобіемъ темно-русы, ликомъ прекрасенъ вѣлыми, волосы русы изъ черна, кудренаты, округлены, аки бы подстрижены; приволока—верхъ киповарь, исподъ—лазорь; поганымъ багрянцы; въ сапоги желтыя одѣянъ, злато на вохрь; одѣянъ весь въ броняхъ: доспѣхъ златъ, клѣтчаты, шлемъ на головѣ бѣлы, а на немъ крестъ; щитъ при лѣвомъ плечѣ видѣнъ; при правомъ бедрѣ видѣнъ лукъ и саадакъ со стрѣлами; въ правой рукѣ копѣе, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ; вер-цало круглое у сердца, свѣтло».

— Па... ажалста!.. Скаж... жите, какъ напугали?!

Въ своей комнатѣ Толя тщательно занялся туалетомъ: соорудилъ съ великимъ трудомъ изъ коротко-стриженныхъ волосъ прямой (какъ у Гибзидова!) проборъ, вылилъ на себя чутокъ не помфлакона духовъ, которые сегодня утромъ выпросилъ у мамы, и затѣмъ, надувъ щеку, внимательно раз-смотрѣлъ въ зеркаль «свои усы», бритые уже четыре раза бритвой лакея Гаврилы, стараго друга Толи!

— Однако, что же я скажу?—думалъ онъ, отступая отъ зеркала и принимая рядъ живописныхъ позъ.

— Я васъ звалъ... Нѣтъ!.. Я васъ при-гласилъ, многоуважаемая... или лучше—просто: Надежда Львовна я... гм... я... что бы... гм... А вдругъ не придетъ?! Разсердитесь, или за ужинкомъ всеѣмъ покажете записку и опять дядя будетъ говорить чепуху... будутъ смѣяться. Нѣтъ, она не способна на такую под-лость! Да и вообще... что-жъ особен-наго:

«Многоуважаемая (съ какимъ бы на-слаждениемъ онъ написалъ: Наденька, моя жизнь, моя радость, восторгъ, упо-еніе... Ахъ, Господи, да мало ли еще какъ?!) Надежда Львовна!

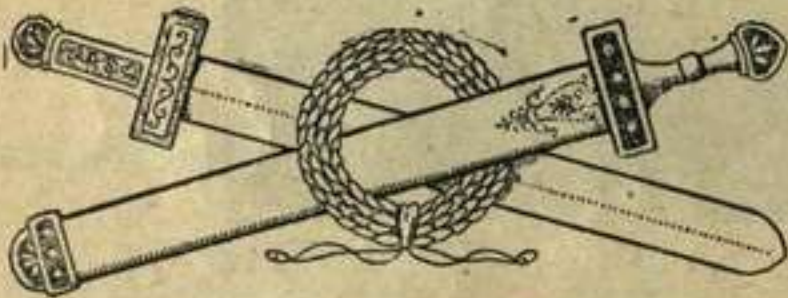
Пожалуйста приходите послѣ ужина къ бѣлой скамьѣ со столкомъ: я хочу сказать вамъ одну очень важную вещь.

Вашъ Анастолій Н.

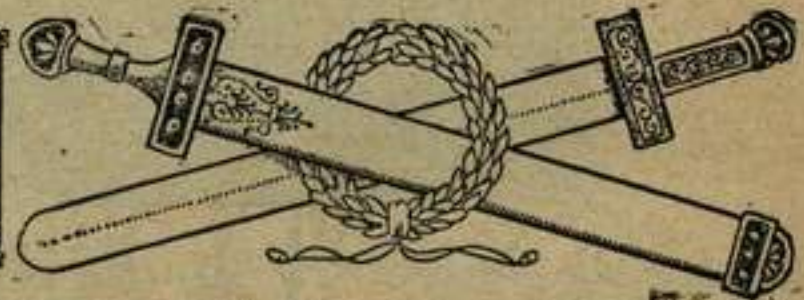
P. S. Только никому не говорите!»

— Паничъ, пожалуйста ужинайте!—пре-вразъ его размышленія Гаврилы и, по-скариывая ботинками, — они почему-то у него всегда скрипѣли,—подошелъ къ сто-лу, выложивъ туда контрабанду: та-бакъ «Дюбекъ лямовный» и коробку гильзъ «Нимфа».

— Не замѣтила!—радостно подумалъ Толя и, уже взбираясь по лѣстницѣ къ себѣ на антресоли, принялъ независимый, гордый видъ и небрежно бросилъ (со-всеѣмъ, какъ Гибзидовъ!) вслѣдъ давно ушедшей бабушкѣ:

Павшіе смертью храбрыхъ.

Поручикъ В. Н. Дергачевъ.

Капит. К. Х. Зафировъ.

Поручикъ В. А. Айдаровъ.

Прaporшч. Н. А. Ротинъ.

Подпоруч. К. В. Мысовскій.

Шт.-кап. В. В. Шмановъ.

Капитанъ А. В. Бѣлицій.

Прaporшч. В. П. Колушевъ.

Корнетъ П. П. Демидовъ.

Шт.-кап. К. П. Шапиловскій.

Герои войны, питомцы Аракчеевскаго Нижегородскаго корпуса.

— Спасибо, Гаврила Захарыч!.. Гм... что-то я хотел вам сказать... да забыл... гм... Да вот что! Вы не слышали, когда уйдет... этот... Алексей Алексеевич?

— Вы про барина Гибздилова?

— Ну, да!

— Не могу знать, панитъ; слышалъ, они баринъ говорили, что, должно, скоро уйдутъ, да... не уйдутъ они теперь... Гаврила выразительно подмигнулъ, а Толя, покраснѣвъ, направился къ дверямъ и, чтобы замаскировать смущение, спросилъ дѣловымъ тономъ:

— А что-жъ, Захарычъ, помогла вашему сыну эта Тагуновская «шентуха»?

II.

Толя обѣдалъ вокругъ дома и черезъ заднее крыльцо, черезъ буфетную, дѣвъ вслушавъ косматого Ральфа, дождавшаго что-то, очевидно, краденое, прошелъ въ столовую. Въ гостиной двигали стульями, громко поворили, смѣялись, а Толя съ бьющимся сердцемъ ждалъ, когда войдутъ... когда войдетъ «она»...

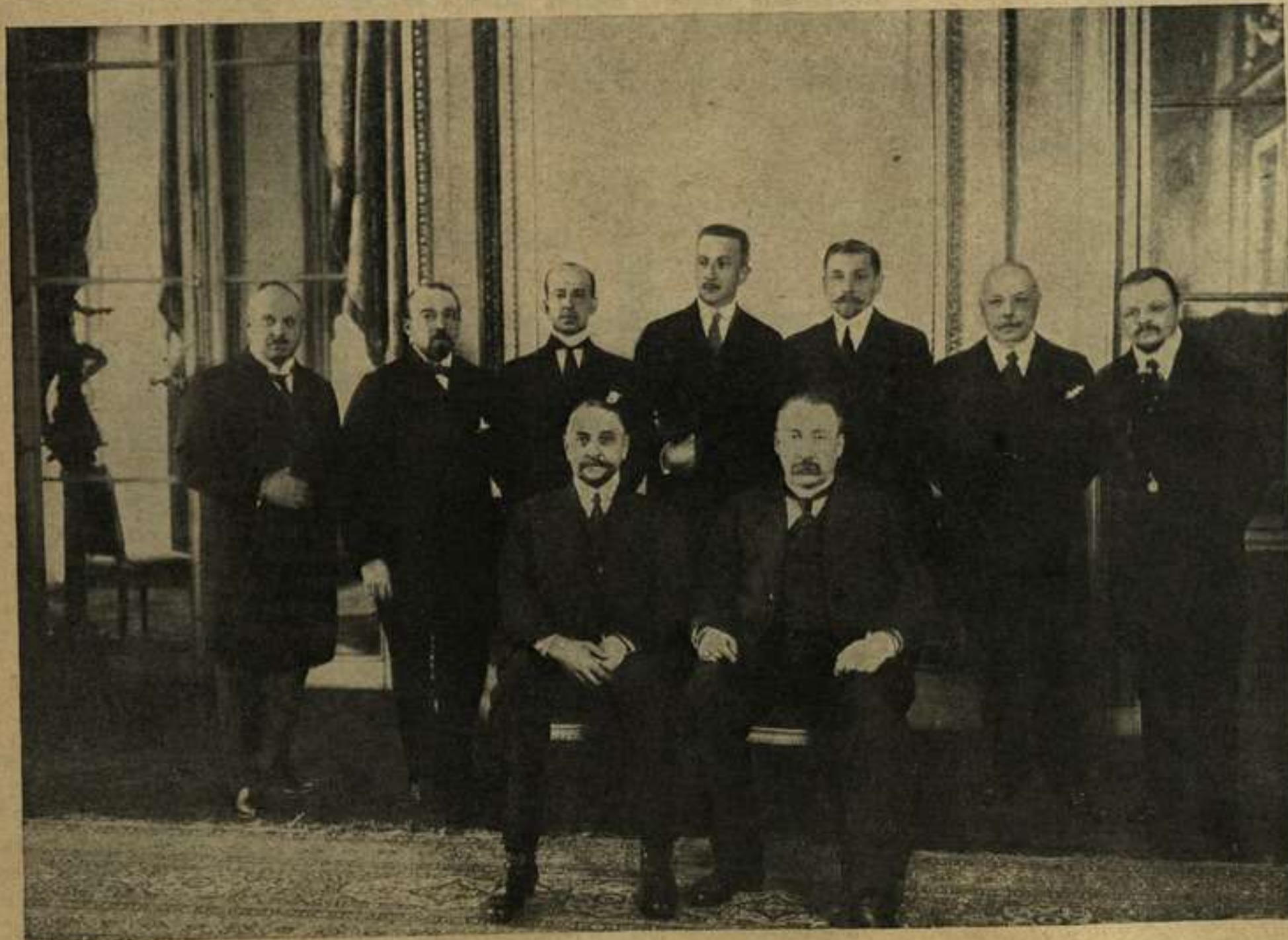
Ольга Степановна уже въ дверяхъ говорила что-то негодующимъ тономъ следовавшему за ней Васючку Мотковскому (очевидно, выговаривала за карточный промах!), а онъ толстый, гладко выбритый, съ отпороченными ушами-шариками, аппетитно жевалъ пухлымъ румянымъ ротомъ и, флегматично отбекая тусклымъ взоромъ строй бутылочъ и закусокъ на столъ, какъ бы говорилъ всѣмъ своимъ видомъ:

— Да, да, конечно, я далъ маху, но все-таки... все-таки начну съ рюмочки старки и закушу... Чѣмъ бы закусить?

Дядя Алексей Степановичъ громко хохоталъ и закусилъ. Когда вслѣдъ за хозяйкой всѣ усѣлись за бесконечнымъ столомъ, Толя взглянулъ на него, какъ на неистощимый запасъ, такъ въ сторону Надежды Львовны. Она сидѣла за правую руку отъ него и что-то оживленно рассказывала своему сосѣду справа, Гибздилову... Хоть онъ и очень внимательно слушалъ—даже склонилъ голову—но Толя казался, что онъ думаетъ не о ея стоявшей при дядѣ не то приживальщице, а о конченномъ картѣ, лежавшемъ коомъ, не то управляющимъ «конскимъ передъ нимъ на тарелкѣ».

Ему дружно вторили его неизмѣнные слушатели—докторъ и панъ Жгудевскій, слушалъ—даже склонилъ голову—но Толя казался, что онъ думаетъ не о ея стоявшей при дядѣ не то приживальщице, а о конченномъ картѣ, лежавшемъ коомъ, не то управляющимъ «конскимъ передъ нимъ на тарелкѣ».

РУССКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СОЮЗНИКОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

На переднемъ планѣ: справа — государственный контролеръ Николай Николаевичъ Покровский, слева — товарищъ министра торговли и промышленности В. В. Прилежавъ.

СЪБЕРНЫЙ ФРОНТЪ. На заставѣ.

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

Онъ ревнивымъ взоромъ пристально всматривался въ лицо своего врага и какъ это ни странно, не могъ не любоваться имъ. Ахъ, больше того: вѣдь въ послѣднее время онъ старался копировать всѣ движенія Алексея Алексеевича, подражалъ интонациямъ его красиваго голоса, самой манерѣ говорить. Его вмѣстѣ и восхищали и возмущали темно-каріе наглые глаза Гибздилова, его характерный твердо очерченный ротъ съ чуть-чуть выдающейся нижней губой, но особенно отвлече-

тлень и въ то же время особенно замѣчательнень былъ тотъ задорный, веселый огонекъ, который загорался въ этихъ глазахъ всякій разъ, когда Алексей Алексеевичъ медленно (какъ бы нехотя!) поднимая темныя рѣсницы, взглядывалъ на «нее».

«Подлецъ!»—думалъ Толя, но каждый вечеръ продѣлывалъ передъ зеркаломъ незбройныя гримасы, подражая этому «трусому», этому «подлому» взгляду...

Незавидѣлъ онъ также его прекрасныя бѣлыя, почти женскія руки съ великолѣпными розово-перламутровыми ногтями... Ненавидѣлъ, презиралъ, называлъ бабьими, но съ нѣкоторыхъ поръ Толя сталъ тщательно чистить свои собственныя руки и вазелиномъ, и глицериномъ, и козьимъ-кремомъ (даже губной помадой), отпустилъ длиннѣйшіе ногти, которые, впрочемъ, нѣрѣдко забывалъ чистить...

Уже въ концѣ ужина «она» посмотрѣла въ сторону Толи. Поймавъ его взглядъ, украдкой передразнила, комично перекосивъ ротъ и вытаращивъ глаза, а потомъ, лукаво улыбаясь, погрозила пальцемъ и снова отвернулась къ Гибздилову.

— Читала!

Сердце Толи сжалось... Онъ покраснѣлъ.

— Тоса!—сказала Ольга Степановна,— ты что-то плохо кушаешь сегодня? Здоровъ?

— Я ѣмъ, мама... Я здоровъ...—пробормоталъ еще что-то насчетъ духоты и спряталъ пылающее лицо за стаканомъ смородиноваго кваса, который насильно выпилъ залпомъ.

— Х-хо... хо... хо!—раскатисто захоталъ дядя, — пора «надеждъ» и грусти нѣжной... Не плачь, не журыся, хлопче... Какъ ты думаешь, Стасъ,—обратился онъ къ Жгудевскому, — вѣдь влюбленъ хлопче?

Жгудевскій, продолжая жевать, любовно закивалъ и замычалъ.

«Ну, начинается представленіе!»—подумалъ Толя, давась вторымъ стаканомъ кваса, и въ головѣ мелькнуло: «Никто, никто не понималъ этого замкнутого юношу!»

Къ счастью, разговоръ перешелъ въ первую любовь вообще.

Докторъ продекламировалъ стихи, вѣ-

СЕРБСКАЯ ВОЙСКА.

Немцы считали сербскую войска, лишённую родины, уже погибшей армией, но эта армия ожила и, спасённая союзниками, вернулась на Балканский полуостров для того, чтобы возвратить себе родную землю.

Фотография снята в Визерте (во Тунисе), перед отправкой Сербов в Салоники.

когда сочинённые им в честь предмета первой любви:

«Как звезда небеса, лучиста,
Как цветочек полей, душиста,
Въ платьи бѣломъ изъ батиста,
Соня, ты ко мнѣ пришла» и т. д.

Дядя рассказал «забавный случай» о томъ, какъ его влюблённый денщикъ забылъ на лестницѣ собственные Алекси Степановича чокчиры, которые ему было поручено вычистить, и что изъ этого вышло... Словомъ, Толю оставили въ покое. Однако, онъ все-таки сидѣлъ какъ на иголкахъ и нетерпѣливо крутилъ уголь салфетки... Наконецъ, не выдержавъ муки, попросилъ разрѣшенія встать, неловко отодвинувъ стулъ, неловко, задвывая сидящихъ, добрался до Ольги Степановны и, поблагодаривъ за ужинъ, выбѣжалъ изъ столовой, больно ударившись о край буфета, и вышелъ въ садъ.

Полк. Петръ Никитичъ Буровъ. Раненъ и тяжело контуженъ. Награжденъ Георгиевскимъ Оружіемъ и орденомъ св. Георгія 4 ст.

РУССКАЯ ВОЙСКА ВО ФРАНЦИИ.

Наши солдаты въ стальныхъ защитныхъ насакахъ, какия присвоены теперь французскимъ войскамъ, идутъ изъ лагеря.

III.

Садъ благоухалъ цвѣтущими, събижи отъ росы липами, утопая въ густыхъ тѣняхъ, только мѣстами на дорожкахъ на газонахъ лежалъ голубоватыми пятнами лунный свѣтъ, а въ недвижной дремотной тишинѣ явственно несло отъ рѣки каньонъ опьяенныхъ лунной ночью лигушекъ...

Гдѣ-то совсѣмъ близко, втрояно, около людскихъ, затренькала балабайка и высокой тенорокъ неторожко заплѣлъ, ухарски вытигивая окончаніе стиховъ:

А и шо то за шумъ зачинился,
То комаръ та на мушкѣ оженился,
Винь увязъ сибѣ жинку-невеличку,
Шо не мѣ шиты, прѣсты ни вариты,
Шо не мѣ съ комарикомъ добре жить...

Политивъ той комаръ въ чисто поле,
Въ чистое поле въ зелену дуброву,
А и сивъ той комаръ на дубочку,
Звисивъ свои ниженьки на клячку.
Гдѣ увязался шура-бура,
Вона того комарика съ дуба сдула,
А и шо-то лежитъ за покойникъ:
Чи павъ-генераль, чи полковникъ,
Старой мухи полубовни... нѣтъ!

«Якубъ поеть!» — соображалъ Толя, льбясь, пручая послѣ яркаго свѣта свои глаза къ смутному полумраку... Онъ стоялъ на крокетной площадкѣ, потомъ медленно побрѣлъ къ бѣлой скамьѣ со столикомъ...

Ему стало грустно... Какъ хорошо было еще такъ недавно, когда «она» прѣехала къ нимъ въ Дубровку, съжая, веселая милая, какъ сама весна! Какъ привѣтливо она принимала его робкое ухаживанье, его букеты и тѣ маршированные и сушенныя трушки, котормя онъ съ такимъ удовольствіемъ воровалъ для нея у экономаки... Какъ чудно было вмѣстѣ слушать соловьевъ, кататься на лодкѣ, забывать далеко-далеко за Дубровку, даже за дядину Кашперовку и Тягуны... Въ камышахъ рвала купавы, бѣлыя лиліи съ длинными тапучими стеблями, онъ плѣлъ вѣнокъ, а она, смѣясь, надѣвала его на голову... Ахъ, какъ хорошо было, чудно, великолѣпно!

Вотъ здѣсь, за этимъ столикомъ, онъ каждое утро читалъ ей вслухъ «Путяевцевъ» Сальиса (такъ видѣ и не дочитали!), а она, слушая, вышивала гладью, когда двѣ лѣды не было писемъ отъ ея мужа, лейтенанта Хвощинина, ухватившаго въ плаваніе; тутъ же онъ одиноко мечталъ темными звѣздными ночами о томъ, какъ черезъ три года кончить гимназію, поступить въ «путейскій» и сдѣлаетъ Надѣ предложение, а она разведется съ мужемъ, или мужъ умретъ... Впрочемъ, пусть живетъ, зачѣмъ ему умирать: конечно, мужъ не любитъ Надѣ такъ сильно, такъ глубоко, какъ любить онъ, Толя, — никто такъ любить не можетъ и не сумѣетъ, поэтому Хвощининъ

СВЯЩЕННИКЪ-ГЕРОЙ.

Священникъ *** Сибирскаго стрѣльцоваго полка, о. Онуфрій Рѣбуха.

Тысячи верстъ прошелъ полкъ изъ своихъ безконечныхъ походахъ, и всегда впередъ его, пѣшкомъ шель полковникъ священникъ. Передъ боемъ въ окопахъ и на заставахъ солдаты всегда видѣли передъ собою своего «пастыря добраго» въ вѣтрахъ и съ крестомъ въ рукахъ. Когда полкъ впервые испыталъ ужасы «Канюва дыма», во время ожесточеннаго боя съ врагомъ, и здѣсь о. Онуфрій, самъ полумертвый, ободрялъ дерущихся и отсутствовавшихъ умирающихъ. Дѣла съ солдатами въ боевые труды и опасности, противопоставляя одинъ крестъ смертельной опасности, священникъ-герой, въ тяжелыя минуты кроваваго испытанія, замѣчая усталость бойцовъ, громкимъ голосомъ, покрывающимъ шумъ боя, звалъ ихъ: «Съ Богомъ, впередъ!» Смѣлый полкъ, хотя представлялъ къ двумъ наградамъ: георгиевскому знамену и отличію на шапкахъ. Гордые эти, сибиряки говорятъ: «У насъ и батюшка по полку!» См. № 14459 «Нов. Врем.»

Тутъ же, неожиданно для себя, Толя почувствовалъ «настоящую любовь», возвышенную, прекрасную, переполнившую его душу счастьемъ. Тутъ же онъ утѣшалъ ее, подавая «дурную радость», когда двѣ лѣды не было писемъ отъ ея мужа, лейтенанта Хвощинина, ухватившаго въ плаваніе; тутъ же онъ одиноко мечталъ темными звѣздными ночами о томъ, какъ черезъ три года кончить гимназію, поступить въ «путейскій» и сдѣлаетъ Надѣ предложение, а она разведется съ мужемъ, или мужъ умретъ... Впрочемъ, пусть живетъ, зачѣмъ ему умирать: конечно, мужъ не любитъ Надѣ такъ сильно, такъ глубоко, какъ любить онъ, Толя, — никто такъ любить не можетъ и не сумѣетъ, поэтому Хвощининъ

Сестра милосердія Георгиевской общины Вѣра Федоровна Церницкая. Награжд. Георг. мед. 4-й и 3-й степ. и золотой за усердіе, за дѣятельность втеченіе 20 мѣсяцевъ на войнѣ.

томъ, какъ черезъ три года кончить гимназію, поступить въ «путейскій» и сдѣлаетъ Надѣ предложение, а она разведется съ мужемъ, или мужъ умретъ... Впрочемъ, пусть живетъ, зачѣмъ ему умирать: конечно, мужъ не любитъ Надѣ такъ сильно, такъ глубоко, какъ любить онъ, Толя, — никто такъ любить не можетъ и не сумѣетъ, поэтому Хвощининъ

ОБМѢНЪ ПРИВѢТСТВИЯМИ МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ.

72-й шотландский полк (The Seaforth Highlanders 72-nd Regimental District 72-nd and 78-th Regiment) прислалъ привѣтъ въ нашу армию своимъ «близкимъ» — 72-му пех. Тульскому полку. На обратной сторонѣ этого привѣтственнаго письма изображены «хайлендеры». 72-й пѣхотный Тульский полкъ отправилъ рисунокъ, изображающій братаніе шотландскаго хайлендера съ русскимъ солдатомъ на фонѣ типичнаго русскаго сѣвернаго пейзажа съ маленькой церковью среди хвойнаго лѣса, и отвѣтилъ привѣтствіемъ, написаннымъ по образцу старинныхъ грамотъ: «Славные союзники! Богъ братски соединилъ васъ съ нами въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Въ высокаторжественный день рождения Его Королевскаго Величества Короля Георга V, имя котораго намъ дорого, какъ нашимъ боевымъ товарищамъ, примите нашъ русскій привѣтъ и поздравленіе. Господь дасть намъ побѣду, а наше братаніе пусть останется вѣчнымъ! Сиффордскимъ хайлендерамъ 72-го полковаго дистрикта 72-го и 78-го полковъ слава и громкое «ура!»

дать развѣтъ, а самъ тоже можетъ жениться, ну, хотя бы на кузень Досѣ: она богатая и красивая (конечно не такая, какъ Нади, но все-таки...). Словомъ, все устроится великолѣпно!

Вотъ на той сторонѣ скамьи Толя вырвалъ буквы «Н» и «А», сломавъ при этомъ свой красивый ножикъ со штампованной рукояткой (чортъ съ нимъ!).

А потомъ... потомъ дядя привезъ этого Гибзидова, «своего тезку», этого отпратительнаго человека съ подлымъ взглядомъ, бабьими руками, мерзкимъ пробормотомъ... Все, все измѣнилось, и для Толи начался рядъ непрерывныхъ мукъ. Всюду: и на верховыхъ прогулкахъ, и на лодкѣ, и на теннисѣ, и на крокетѣ, около Нади былъ Гибзидовъ; чтеніе «Пугачевцевъ» прекратилось; Толю избѣгали, въ его присутствіи говорили о пустякахъ, о погодѣ, напримѣръ, а наединѣ (онъ самъ слышалъ!) Алексѣй Алексѣевичъ называлъ ее «моя дорогая», гулялъ съ ней на! Ей, очевидно, вразилось такое обращеніе руку. А она... Она была возмутитель- шеніе...

Полк. Ал-дръ Григорьевичъ Мухинъ. † 28 апр. 1916 г. отъ втораго раненія, полученнаго въ бою 21 апр. въ Карпатахъ, при занятіи горы Макуви. Нагр. орденомъ св. Георгія 4 ст., чиномъ полковника и 8 боевыми наградами.

Толя терзался ревностью, ходилъ подпирывать. На верховыхъ прогулкахъ мрачнѣе почти... На крокетѣ съ наслажденіемъ крокировалъ шаръ Алексѣя Алексѣевича, загонялъ его на газонъ, стараясь «убить обѣ столба», когда тотъ тягавая мундштучныя поводья и незаставлялся «рауберомъ» и, погощенный мѣтно щекоча Сулеймана каблуками, преслѣдованіемъ своего кровнаго врага, заставлялъ его горячиться, приплясывать самъ никогда не взыгрывалъ и подвѣдывалъ на мѣстѣ, а когда наконецъ отпускалъ, партеровъ. На теннисѣ всегда игралъ и тотъ отъ недоумѣнія дѣлалъ громадъ противъ Алексѣя Алексѣевича, стараясь шай прыжокъ, высоко вскидывая заднія уличить его въ незнаніи правилъ, сноноги, Толя хотя часто прикусывалъ языкъ рилъ изъ-за всякаго «аутъ», а подавая отъ толчка, но былъ въ восторгѣ, считая мячъ на квадратъ Гибзидова, дѣлалъ себя эффектнымъ въ роли «смѣлаго укрупасные плоскіе удары, даже проткнулъ тителя дикаго мустанга». булавкой одинъ изъ мячей, чтобы онъ не Но недавно Гибзидовъ сказалъ:

ВЪ ДЕРЕВНѢ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

«Что пишутъ о войнѣ?» — Маленькіе читатели за газетой.

Знаменитый артистъ Императорской русской оперы въ Петроградѣ (баритонъ), Иванъ Александровичъ Мельниковъ. Незабвенный въ лѣтописи русскаго музыкальнаго искусства исполнитель партій Руслана («Русланъ и Людмила» — Глинки), Владиміръ Красное Солнышко («Рогнеда», Островскаго), мельникъ въ «Русалкѣ», Даргомыжскаго, и т. д. Къ 10-лѣтію со дня его смерти.

тиснутый мяч... Ну успокойся же, милая, что за чепуха в самом делье... Дай я вытру тебе слезки... Вот так и вот так, а теперь посмотри на меня...

— Подемь на лодку,—сказала она. Толя видял, как они медленно прошли мимо: она задумчиво опустив голову, Гибдилов, небрежно обмахиваясь шляпой и напевая:

Nous allons nous promener
Bras dessus, bras dessous
Au galerie à vingt sous,
Mais dépêche-toi de t'habiller,
Afin d'être bien placés.

В голове Толи несся ураган мыслей, отчаяние сменилось злобой. Хотелось бить за ними, ударить ее, непременно по щеке, бросить ей в лицо какое-нибудь оскорбительное слово, убить, растерзать его, укусить до крови его «бабью» руку, или сейчас утопиться в реке, на их глазах... И то жар заливал его голову, давя за ушами, то холод сковывал по спине, заставляя вырагивать.

Entendre des chansons—
Ça me rend tout folichon...

Донеслось с реки. Брикнула цыпль лодки, и весла ударились о воду... Он как-то жалко, совсем, как щенок, которому наступили на ногу, вскрикнул и, упав у подножья липы лицом в мокрую траву, до боли стискивая коровьи бугристые корни, разрыдался...

Василий Афанасьев.

Вуаль.

Ты надвела вуаль—и, как будто, черта меж тобою и мною лежит,
Смутно вижу тебя, ты, как будто, не та,
И наемьшка, мне чудится, в твои скользит.

Под вуалью не легче ль бывает солгать,
Блудность скрыть из румянца пятно?
В нем, порой, словно тайны какой-то печать
И бывает лицо так зловеще темно.

Огь способен в равнища влизать скрывать
Тый ядь,
Он пердко счастливцу знаком:
Откровеннее речь, откровеннее взгляд
Первых встреч — под неясным его лоскутком.

А последняя встреча? Поблекнувших
Грезь,
Когда тщетно прошедшего жаль?...
На углы горьких уст, на следы горьких слез
Не тебя ль надвывают, двуличный вуаль?

В. Вальде.

Мелочи.

Преступность в Германии.

У нас до сих пор находят люди, которые не могут отрешиться от сантиментально-нашего взгляда на страну Шиллера, Гёте и Канта. Даже в вопросе германских зверств, которых сейчас уже никто не ршится отрицать или оправдывать, кроме самих Немецев, явных и тайных, они искренно или неискренно проводят черту между германским народом и германскою армией, развращенной милитаризмом. А, наталкиваясь на безпримёрное безсердечие и глумление мирного немецкого населения,—даже женщин, даже детей,—над нашими путешественниками и нашими стократ несчастными пленными, они и тут видят лишь отражение того же милитаризма: извращенное патристическое чувство, выродившееся в лютую ненависть к врагу и подлую потребность мстить ему, когда он беззащитен.

ЕМУ ЖАЛКО!

— Приятного аппетита, ваше величество!
— Ах, Ветман! Какой там приятный аппетит, когда подумаешь, что мой народ издыхает от голода.

„Le Bire“.

Самый большой город на свете.

Это Нью-Йорк, быстро обогнавший все европейские столицы. По данным американского журнала «Literary Digest», каждые четыре года Нью-Йорк увеличивается на площадь крупного города в роду Бостона или Сант-Луи.

Население его крайне разнообразно. Немцев и Австрийцев в Нью-Йорке больше миллиона, Русских 735.000, Ирландцев 674.000 человек. Ни в одном городе мира не проживает столько Евреев.

Каждые четыре минуты в Нью-Йорке рождается новый маленький гражданин. Каждые полчаса основывается новое предприятие, каждые сорок пять минут проглатывает свою деятельность одну из прежних.

В Нью-Йорке 38.000 фабрик; они работают на капитал в три с лишним миллиарда рублей и производят товаров на 5½ миллиардов.

Бюджет Нью-Йорка достиг в прошедшем году 800.000.000 руб.; долг города равняется 2¼ миллиардам и превышает на полмиллиарда долг Соединенных Штатов.

Под городом раскинута сеть водопроводных труб длиной в 5.000 километров. Содержание полиции обходится городу в 32 мил. руб.; полицейских агентов в Нью-Йорке 10.700 человек. На противопожарные средства Нью-Йорк тратит ежегодно 20.000.000 руб.

Каждый день через вокзалы Нью-Йорка проходит 290.000 прибывающих или отъезжающих пассажиров. Городские трамваи и прочие средства внутреннего передвижения по городу перевозят ежедневно 4.900.000 человек.

В Нью-Йорке 193 парков, площадью в 8.600 гектаров, 250 театров, 600 увеселительных заведений, 1.500 гостиниц.

Ежегодно в Нью-Йорке заседают не менее пяти конгрессов. Первой в Нью-Йорке 1.525; в городских школах учатся 800.000 учеников и преподают 20.000 учителей. Больниц 102 с 21.800 койками.

В Нью-Йорке 32 центральных почтамта, не считая бесчисленных почтовых отделений. Почтовая контора в деловом квартале получила в прошедшем году 70.000.000 р. дохода и израсходовала 22.000.000 руб.

Одним словом во всех отношениях Нью-Йорк побил рекорд всех городов мира.

На французском фронте.

Благодаря присутствию колоннальных войск во французской армии, траншеи западно-европейского фронта являются местами любопытное необыкновенное зрелище. Суданцы перенесли с собой на берега Мааса свои экзотические деревни, выстроив в недалеком резерве хижины с конусообразными крышами, похожими издали на шляпы мапдаринов. В начале кампании суданские полки, уходившие на недолгий отдых в близкий резерв, версты за восемь от траншеи, удовлетворялись крестьянскими домиками. Прошло несколько месяцев и солдаты обратились к начальникам с запросом, надолго ли затянется война.

— Возможно, на год или два,—получили они ответ.

Вскорь после этого суданцы энергично принялись за сооружение своих деревень, перенеся таким образом кусочек своей родины в далекую метрополию. Один из начальников армии, посетивший недавно фронт, замечал с улыбкой, глядя на жилища суданцев:

— Можно подумать, что находишься в отделе колоний выставки 1900 года.

Не менее любопытную особенность западно-европейского фронта составляют юре-солдаты. С объявлением войны все семинаристы Франции были мобилизованы, и многие священники не задумались сминуть сутану на тунику пехотинца.

В рядах солдат вы не узнаете, конечно, недавнего юре. Необходимо дожидаться момента, когда он возвращается к исполнению своих прежних обязанностей накануне праздника или для погребения своих павших товарищей. Настоящая война подняла религиозный дух Французов и смягчила все распри раздвигавшая досель церковь и государство.

Не всегда можно найти церковь на фронте; бывают случаи, когда приходится служить литургию в 500 метрах от боевой линии. Для этого стараются использовать защищенный от природы участок: ложбинку между холмами или заброшенную каменоломню, которых так много на севере Франции. Трудно

представить себя болѣе величественное и трогательное зрѣлище, нежели это богослужение подъ свистъ пуль и разрывы шрапнелей. Въ этихъ импровизированныхъ церквахъ исчезаетъ суровая дисциплина, царящая въ траншеяхъ. Чины и отличія не даютъ никому преимущества, офицеры и солдаты стоятъ вперемежку. По окончаніи богослуженія составляются группы земляковъ и ведутся оживленныя бесѣды на многочисленныхъ «raïois» (нарѣчіяхъ) Франціи. Жизнерадостные Французы не забыли также позаботиться и о развлеченияхъ.

Резервы развлекаются, устраивая импровизированныя театры и кабаре. Солдаты-художники рисуютъ декорации, солдаты-актеры выступаютъ на эстрадѣ. По фронту раскинуто свыше сотни подобныхъ театриковъ. На спектакли-gala приходятъ кромѣ солдатъ также и офицеры, для которыхъ устраиваются парадныя мѣста. На участкахъ фронта, занятыхъ англійскими войсками, спортивные развлечения вытѣсняють сценическое искусство. Футболъ, крокетъ и даже голловотъ развлечения англійскаго солдата въ минуты отдыха.

Недаромъ среди бумагъ взятаго въ плѣнъ германскаго штаба найдено было донесеніе авіатора, гдѣ онъ неопредѣленно упоминаетъ о нахожденіи близъ деревни Р. лагеря для умалишенныхъ солдатъ, бѣгавшихъ, какъ безумные, съ самыми дикими жестами. На дѣлѣ же оказалось, что германскій авіаторъ былъ свидѣтелемъ футбольнаго матча.

Мертвая долина и будущій климатъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ южной части Калифорніи, невдалекѣ отъ Невады, находится такъ называемая «Мертвая долина». Это длинная и узкая полоса, замкнутая съ сѣвера дюнами сыпучаго гесса, а съ юга залежами соли, указывающими на то, что нѣкогда здѣсь находилось озеро. Ширина ея доходитъ мѣстами только до 10—15

ПЕРЕДЪ СТАТУЕЙ ПОБѢДЫ.

Страшныя тѣни.

„Punch“.

миль, длина же около 280 миль. Мертвая долина самая безотраднѣя мѣстность не только Америки, но, быть можетъ, и всего міра. Нерѣдки дни, когда лѣтомъ термометръ Цельсія подымается до 135° выше нуля. Полина эта мало населена,— большинство иностранцевъ спасается бѣгствомъ или умираетъ. Между фермами, раздѣленными многими милями, нѣтъ никакихъ сообщений, мало кому придется въ голову отправиться съ визитами при такой удушливой жарѣ. Въ силу этого нерѣдки случаи, когда путешественникъ наталкивается на пустой домъ и находятъ разложившійся трупъ хозяина въ одной изъ комнатъ. Похоронивъ его, онъ пишетъ на дверяхъ дома: «Владѣлецъ, невѣстный мнѣ по имени, былъ похороненъ мною такого-то числа такого-то года». Исследователи, отважившіеся проникнуть въ эту забытую Богомъ мѣстность, заслушиваются не мало мрачныхъ исторій за время своей экспедиціи. Ученые Соединенныхъ Штатовъ утверждаютъ, что въ будущемъ, конечно весьма далекомъ, подобная участь грозитъ всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ. По ихъ мнѣнію, «Мертвая долина» являетъ собой яркій примѣръ постепенныхъ измѣненій геологическаго характера и связанныхъ съ этимъ перемѣнъ климата. Опираясь на то, что многія мѣстности Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ представляютъ подобный же характеръ по наружному виду, ученые утверждаютъ, что какъ озера, такъ и пески этихъ областей переживутъ впоследствии ту же эволюцію, какой подверглись мѣстности, окружающія «Мертвую долину».

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

BRITISH-AMERICAN TOBACCO CO., LTD.
LONDON.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКІЕ
ТРУБОЧНЫЕ ТАБАКИ и ПАПИРОСЫ.

Съ требованіями обращаться въ

СКЛАДЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТАБАКОВЪ, СИГАРЪ и ПАПИРОСЪ
АРИСТОТЕЛЕСЪ КАЛОГЕРОПУЛО.

Контора и оптовый складъ: Петроградъ, Ждановская набер. № 3. Телефонъ 153-98.

Опково-розничные магазины: 1) **Нуоккала**, противъ зданія вокзала. Телефонъ 16.
2) **Теріоки**, Большая дорога, д. Богомолова, возлѣ аптеки.

ЕДИНСТВЕННО УДОБНЫЕ
ДЛЯ ПОХОДА
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ.

съ отдѣльн. рефлекторомъ.
ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 33
Складъ новыхъ изобрѣтеній

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ,
СВѢЖІЯ,
ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА,

этотъ юный видъ и бархатистость кожи получается отъ употребленія Дермозона Д-ра Антона Мейеръ. Въ ближайшей аптекѣ Вы можете получить банку въ 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона. Утирайте его на ночь въ лицо, кончиками пальцевъ и Ваше лицо сдѣлается свѣжимъ, юнымъ и бархатистымъ. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

НОВАЯ КНИГА:

В. П. ОПОЧИНИНЪ

ВЪКЪ
НЫНѢШНІЙ

КНИГА РАЗСКАЗОВЪ.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время».

Новая книга:

И. Б. Смольяниновъ.

ЗАЩИТНЫЙ
ЦВѢТЬ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ).

Изданіе М. А. Суворина.

Цѣна 2 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и на станціяхъ желѣзн. дорогъ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

поступили въ продажу въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время» въ Петроградѣ (Невскій 40), въ Москвѣ и др. го-одахъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ РАЗСКАЗЫ
СЪ ФРОНТА

съ начала войны по октябрь 1915 года.

Съ официальнаго разрѣшенія по документамъ французскаго военнаго министерства обработаны и переведены Н. М. Лагономъ.

Шестое иллюстрированное и совершенно переработанное изданіе въ одномъ томѣ. 246 страницъ, съ 84 портр., видами, сценами войны и пр., съ 1 картой западнаго фронта и съ 18 планами мѣстныхъ операцій; въ художественной обложкѣ.

ОДОБРЕНЪ: Учен. Комит. Мин. Народ. Просвѣщенія, Учеб. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ и Знамен. Управл. Генеральнаго Штаба—для учебн. библиотекъ, среди учебн. заведеній, для народныхъ библиотекъ и читаленъ, военныхъ госпиталей и пр.

Изданіе Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время».

Цѣна 2 руб.

Изъ отзывовъ печати

«Отъ многихъ страницъ этихъ «Разказовъ» вѣетъ несомнѣннымъ ужасомъ, иная же трогательна до слезъ, полныя впазюловъ, которые просеются въ военныя грестоматія. Люди шли на вѣрную смерть и умирали со своимъ гимномъ на устахъ».

«Новое Время» 31 окт. 1915 г.

«Къ достоинствамъ этого труда слѣдуетъ отнести прекрасный переводъ, правильность описанія боевыхъ впазюловъ съ военной точки зрѣнія, обиліе схемъ и приложеніе большого числа частныхъ впазюловъ, рисующихъ доблесть французскихъ офицеровъ и солдатъ».

«Рус. Инвалидъ» 30 янв. 1916 г.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14490

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 9 (22) ЮЛЯ 1916 ГОДА.

№ 14490

ПЕРВОЕ ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЮЗНЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Въ центрѣ за столомъ (около камина)—предсѣдатель французскаго кабинета и министр иностранныхъ дѣлъ Брианъ, открывшій занятія конференціи; по правую руку Бриана—французскій министр торговли Клемантель, руководившій засѣданіями конференціи. Русскіе делегаты занимаютъ мѣста за правымъ столомъ; третій справа за этимъ столомъ—государственный контролеръ Н. Н. Пировскій, рядомъ съ нимъ—товарищъ министра торговли и промышленности В. В. Прилепинъ; дальѣ следуютъ представители нашихъ министерствъ: А. Л. Рафаловичъ, М. О. Батшевъ, Л. Г. Лесли, А. А. Половцовъ, В. Н. Лисенко, Б. А. Никольскій, Ю. И. Успенскій и др. За лѣвымъ столомъ, пятый справа—англійскій делегатъ, министр колоній Бонаръ Лоу.

Борь.

Въ польскій зной пройди столѣтнимъ борьмъ,

И не покажется ли онъ
Тебѣ таинственнымъ готическимъ соборьмъ,

Съ рядами сосенъ, какъ ряды колоннъ?
Не также ли въ немъ тишина святая,
Не также ли скупю сверху летятъ свѣтъ?
Не тѣ же-ль думы, небо созерцаи,
Находить въ немъ твоя душа, поэтъ?

Н. Вальде.

Дядя Димъ.

Разсказъ.

1.

Вадима Васильевича Мотыгина въ семьѣ и среди близкихъ знакомыхъ называли:

— Дядя Димъ.

Правда, рѣдко величали баринемъ, а больше — дядинькой, разумеется, за глаза. И несмотря на то, что ему было всего сорокъ два года, что онъ былъ очень хорошъ собой и необыкновенно молоджавъ, — никому, особенно сестрѣ, племянницѣ, племянникамъ, гимназистамъ Зезѣ и Женѣ, не приходило въ голову, что онъ не старый мужчина, могущій нравиться и любить. Что-то свое, привычное, домашнее, простое.

Именно—дяденька,—тотъ дядя Димъ, вдовой безъ средствъ, съ тремя дѣтьми и что содержать семью на свои трудовыя почти безъ образованія, могущаго дать деньги, любить, базугъ, выручаетъ, кусокъ хлѣба. И неизвестно, что бы случилось съ ней и дѣтьми, если бы на помощь не явился братъ, все тотъ же дядя выбираетъ наряды у Мерлиза.

Послѣ смерти мужа, ротмистра Куси-Димъ. Слѣдуетъ сказать, что съ годами обезпеченное, благодаря помощи, съ которыми Прасковья Васильевна, сестра Мотыгина,—прожила горькую, слѣдую, существованіе семьи сдѣлалось полную лишней жизни, — она осталась чѣмъ-то привычнымъ.

ВЕЛКИИ УЧЕНЫИ ЗА РАБОТОИ.

Илья Ильичъ МЕЧНИКОВЪ.

Род. 3 мая 1845 г. въ дер. Ивановкѣ, Купянскаго у., Харьковской губ.
† 2 июля въ Парижѣ.

— Дядя сдѣлаетъ,—говорили племян-

— Дяденька достанетъ прислугу.

И онъ дѣлалъ и доставалъ, забывая личную жизнь. А между тѣмъ Вадимъ Васильевичъ не былъ холостякомъ по природѣ: онъ очень любилъ дѣтишекъ, особенно маленькихъ, останавливался порой на бульварѣ, любилъ кажимъ-нибудь трехлѣтнимъ бутузкомъ. Сердце у него было пѣкное. Но вопросъ о женитьбѣ, изъ-за сестриной семьи, мѣшалъ этому; мѣшала жалость къ Прасковьѣ Васильевнѣ, безпомощной, привыкшей теперь къ спокойному житію; племянники, къ которымъ съ теченіемъ времени онъ привязывался все больше, не замѣчая ихъ иногда довольно безцеремоннаго эгоизма.

Вадимъ Васильевичъ стоялъ выше этого.

Занимая хорошее мѣсто, мотыгинъ все отдавалъ семьѣ, оставляя себѣ на бритые, травай, рѣдко театр, который очень любилъ.

Женщины...

Въ этомъ отношеніи онъ былъ крайне остороженъ, брезгливъ, опасливъ.

Любовь шла мимо. Ему было тридцать лѣтъ (онъ уже тогда взялъ на себя опеку сестры и ея дѣтей), блеснуло что-то въ родѣ увлеченія,—и погасло.

Впрочемъ, къ счастью. Вадимъ Васильевичъ любилъ посѣщать кладбище, часто ходилъ на могилу матери, свято имъ чтимой,—и здѣсь встрѣтилъ эту женщину.

Ничто вдовье, въ траурѣхъ, очень красивое и горько плачущее.

Женскихъ слезъ Мотыгинъ, вообще, не

выносила, подождать съ утѣшенемъ... и знакомство завязалось. Начались встречи. Вадимъ Васильевичъ запаздывалъ къ обѣду, изумляя и пугая сестру своимъ страшнымъ, разсыпаннымъ видомъ.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы окончилась эта встреча, если бы, приди какъ-то на минуту неутѣшной вдовы, Мотыгинъ не нашелъ незнакомки. Она нечаянно неведомо куда. Да и была ли она действительно вдовой, а не плакальщицей — на манеръ Мотыгановской?..

Вадимъ Васильевичъ посидѣлъ, подождать и ушелъ. Пришелъ еще разъ, еще, — никого. Тогда онъ пересталъ ходить и забылъ о незнакомкѣ.

Послѣ этого случая, онъ зажилъ еще ровнѣе...

Ходилъ на службу, вечерами репетировалъ съ племянниками уроки. Иногда, гостряча кого-нибудь изъ старыхъ семейныхъ и несчастныхъ съ женами товарищей, — говорилъ себѣ, словно утѣшаясь:

— Хорошо, что я не женатъ. Конечно, и у меня семья, а все же — вольный казакъ.

Вадиму Васильевичу стукнуло сорокъ два года, когда, простудившись, онъ схватилъ ревматизмъ, и докторъ послалъ его на воды.

Начальство, въ виду его долгаго служения и того, что онъ, вообще, очень рѣдко пользовался отпускомъ, — ссудило порядочной суммой на лѣченіе. И Вадимъ Васильевичъ, обезпечивъ на лѣто сестру и перевезя съ дѣтьми на дачу, уѣхалъ на Кавказъ en garçon.

Болезнь, въ сущности, не такъ ужъ сильно его мучила, да ужъ очень онъ засидѣлся и хотѣлось освѣжиться.

Вадимъ Васильевичъ никогда не путешествовалъ, давно не жилъ одинъ, свободно. И эта побѣда неожиданно пробудила въ немъ то, что казалось совсемъ почти угасло, — мужнину. Уже сидя въ вагонѣ, глядя на бѣгущія мимо картины, прислушиваясь къ чужимъ разговорамъ, встрѣчая чужія лица, особенно женскія, молодыя и красивыя, начиналъ испытывать удовольствіе свободы, жажду новизны и...

Онъ самъ хорошо не знаетъ чего.

Пріѣхавъ на курортъ, прежде всего озабочился приведеніемъ себя въ порядокъ: купилъ шляпу-папаму, бѣлую съ синей лентой, очень его украсившую, и зашелъ къ парикмахеру на главной улицѣ.

На вывѣскѣ значилось по-французски: *Alexandre Kouretreff — fron bouclé* и адюльтрожа. Последнее по-русски какъ и — «Александръ Курятовъ; стрижка и завивка волосъ»...

И вышелъ отъ него совсемъ джентльменомъ, или — дженменомъ, по выраженію брадобрея, весьма изящнаго кавалера съ туго завитыми кудрями и въ сомнительномъ фартукѣ.

Отдохнувъ въ номерѣ, Вадимъ Васильевичъ пообедалъ въ ресторанѣ и, выпивъ бутылку легкаго мѣтнаго вина, очутился на улицѣ.

Теплый вечеръ спускался надъ городомъ. Крупныя частыя звѣзды удивляли Вадима Васильевича, привыкшаго къ сверлому небу.

Волновали женскій смѣхъ, толпа на улицахъ, запахъ цветущихъ акацій и липъ, что-то сладкое, манящее.

Изъ соседняго лѣтняго театра призывно раздавались звуки военного оркестра.

Панцупая въ карманѣ бумажникъ, Мотыгинъ вошелъ подъ арку сада «Тиволи», освѣщенную разноцветными фонариками, и, принявъ изъ рукъ кассирши, косою на оба глаза, въ парикъ и фальшивыхъ брилліантахъ на костлявыхъ пальцахъ, билетъ перваго ряда, прошелся по садикъ, весьма скромному, но украшенному обычными столиками, стеклянными шарами и лакеями въ бѣлыхъ фартукахъ. Заслышавъ звонокъ, призывающій въ театръ, онъ вошелъ и сѣлъ на свое мѣсто.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ СОЮЗНИКОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

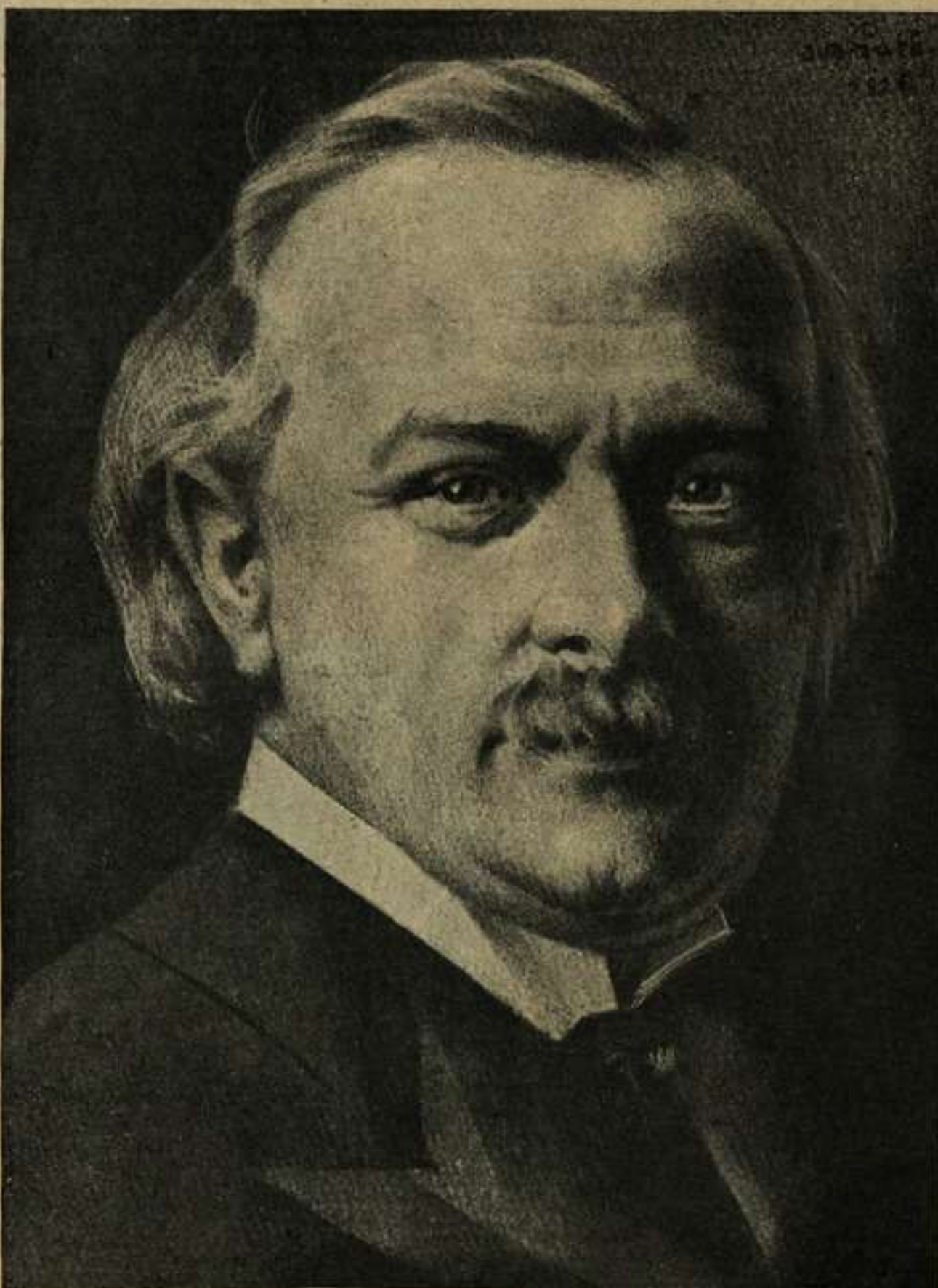
Зданіе французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ происходили занятія конференціи.

Заигралъ оркестръ. Шла старая оперетка «Передъ свадьбой». Оперетокъ, легкий, молодое, задорное ударило въ го- ретку «Передъ свадьбой». Оперетокъ, вообще, Вадимъ Васильевичъ не санш- комъ любилъ.

Но какъ только поднялся занавѣсъ и открылась бѣлая желтая комнатка, зазвучала пѣсенка Гяцинта:

Моя Роза такъ смѣла...

И впорхнула эта самая Роза въ коротенькой пейзажной юбочкѣ и назвномъ фартукѣ и чепчикѣ, — словно вино какое, ипривость кокетливой простушки.

Новый англійскій военный министръ Ллойдъ Джорджъ.
Со портрета, рисованнаго съ натуры Жаномъ-Викторомъ Гутье.

А эта женская заманчивая прелесть стройнаго тѣла въ костюмѣ мальчика... Занавѣсъ упалъ. Вадимъ Васильевичъ, отуманенный, тихо побрелъ въ свой номеръ.

Когда созрѣетъ виноградъ...

— неотвязно звучала въ его ушахъ пѣсенка пѣвицы и не давала уснуть добрую половину жаркой ночи.

На другой день утромъ, несмотря на жару, Вадимъ Васильевичъ, не пивъ чаю, вышелъ изъ дому, дошелъ до театра «Тиволи» и увидя съ удовольствіемъ сидящихъ за столами мужчинъ, вошелъ и спросилъ кофе. Затѣмъ, будто гуляя, прошелся мимо театра, гдѣ шла репетиція, и неожиданно увидѣлъ ту, которая привлекла его сюда.

Актрисы, мать и дочь Чаровниковы, сидѣли на скамьѣ у входа на сцену. Мотыгинъ узналъ Розу и по сходству догадался, что старуха — мать. И сейчасъ же почти побѣжалъ мимо, словно спасаясь.

— Лучше даже, чѣмъ на сценѣ... Боже мой! Бываютъ же такія... — думалъ онъ и, дойдя до выхода, не выдержавъ, вернулся и прошелъ — таки еще разъ.

На этотъ разъ его быстрый, жадный и робкій взглядъ былъ замѣченъ и принятъ. Что-то похожее на улыбку сверкнуло бѣлыми жемчугами зубовъ, глянуло темными глазами изъ-подъ большой, чисто опереточной шляпки.

Театральная мамаша, казалось, равнодушно слѣдила за полетомъ ласточекъ въ небесной вышинѣ.

Раздался звонокъ, зовущій на репетицію. Актрисы ушли.

Вадимъ Васильевичъ вспыхнулъ отъ радости, по-юношески повернулся на ножкѣ (ревматизмъ отпустилъ его) и направился въ кассу за билетомъ на второе представленіе съ участіемъ Лидіи Николаевны Чаровниковой.

Именно, Чаровниковой!

II.

Вадимъ Васильевичъ весьма скоро познакомился съ предметомъ своей страсти.

И какъ-то тоже весьма быстро всѣ поняли, что его привлекаетъ въ театрѣ.

Театральная мамаша встрѣтила ласково-фамилярно.

А Лидія...

Но Вадимъ Васильевичъ даже хорошо минутами не выдалъ ей лица.

Все сливалось въ какое-то обще-восторженное созерцаніе.

Послѣ поднесенія въ бенефисъ большого букета съ бирюзовымъ браслетомъ (если бы Прасковья Васильевна видѣла это!) Вадимъ Васильевичъ былъ приглашенъ бывать.

И Вадимъ Васильевичъ не замедлил воспользоваться приглашеніемъ. Ужъ очень онъ весь пылалъ и горѣлъ знойно, точно природа мстила на немъ за холодные холостенкіе годы.

Утро, предназначенное для визита къ Чаровниковымъ, выпало необычайно знойное, душное. Волнуясь, пытая, обливаясь горячей испариной, Вадимъ Васильевичъ натягивалъ сапоги, примѣрялъ костюмъ, разъ десять перевязывалъ галстукъ, не зная, на какой рѣшиться, и, кое-какъ дотянувшись до 2 часовъ, отправился къ Чаровниковымъ.

Сердце его замирало въ сладкой истомѣ. Въ послѣднее время онъ иногда совершенно забывалъ о сестрѣ, племянникахъ и даже совралъ въ послѣднемъ письмѣ, будто докторъ запретилъ ему уѣзжать до окончанія курса.

На дѣлѣ онъ былъ теперь совсемъ здоровъ.

Извозчикъ остановился на Д-ской.

Взобравшись по шаткой галереѣ, Вадимъ Васильевичъ невольно остановился и подался было назадъ.

— Маленькій, а 15 копѣекъ проситъ, каналья! — услышалъ онъ басистый голосъ театральной мамашы, и сама она показавшись съ мѣшкомъ зелени въ рукахъ.

За ней, выжимая мокрую кофточку, напѣвая, появилась дочь.

НА НАЕНАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Взводъ горной батареи въ стрѣлковой цѣли въ бою на Гюмишанскомъ направленіи.

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

При видѣ Вадима Васильевича, мамаша вскрикнула и исчезла съ крикомъ:

— Вадимъ Васильевичъ! извините! Сей-часть....

— Простите!... Я долженъ просить прощенія за равній приходъ...—звѣстала Мотыгинъ и замолчала, глядя на дѣвушку.

Актриса стояла передъ нимъ, спокойно держа мокрую кофточку, безъ малѣйшаго смущенія позволяя любоваться плечами, сквозившими въ прорѣхи старенькаго *matinée*.

И никогда не казалась она прелестнѣе, свѣжѣе, привлекательнѣе, какъ теперь въ этомъ бѣдномъ костюмѣ женщины, привыкшей къ лишеніямъ, живущей необремененнымъ, неблагодарнымъ трудомъ.

И жалость острымъ жаломъ проникла въ душу Вадима Васильевича.

Маменька наконецъ убрала комнату и Мотыгинъ проникъ въ обитель красоты, украшенную корзинками, старыми сундуками... Все было прикрыто тѣмъ-то пологомъ на ветхихъ театральные костюмы.

Вечеромъ онъ угощалъ въ ресторанѣ театра.

Затѣмъ какъ-то очень скоро началъ столоваться у старухи Чаровниковой, носилъ за Лидіей узлы изъ театра, и актрисы прозвали его почему-то:

— Вадимъ, не-спящій.

И онъ былъ весь полонъ какого-то чада сладкаго, словно бредъ, жилъ въ ожиданіи невидимаго счастья. И все молчалъ и только таялъ и выдыхалъ.

И такъ летѣли дни и подошла осень. Пустьъль мало-по-малу курортъ.

«Тиволи» доживалъ последние дни и то благодаря дивной погодѣ.

Наконецъ, пошла дожди, садъ закрылся, а Вадимъ Васильевичъ жилъ, откладывая отъѣздъ.

Изъ Москвы приходили отъ Прасковьи Васильевны письма съ призывами, и срокъ отпуска подходилъ. Театральная мамаша укладывалась, холодно и удивленно встрѣчая Мотыгина взглядомъ, говорившимъ:

— Только-то отъ тебя и было?

Лидія, вдругъ поблѣднѣвшая, похули-шая, глядѣла на Вадима Васильевича сказать ей:

странными, тоскующими глазами и словно все ждала чего-то.

И однажды, когда онъ смущенно заговорилъ объ отъѣздѣ, вдругъ заплакала, со-всѣмъ не по театальному.

И Вадимъ Васильевичъ понялъ, что лю-бить и, что самое ужасное, не можетъ сказать ей:

плакать, выставленный нѣмцами подѣ барановичами на другой день послѣ боя въ сѣверномъ морѣ.

На исполненіи планшета, оставленнаго Германцами послѣ отступленія, Нѣмцы къ свѣдѣнію польскаго населенія на польскомъ языкѣ написали: «Огромные успѣхи Нѣмцевъ на морѣ. Англійскія потери: 1 дредноутъ новѣйшаго типа 29.000 т. тоннъ, 2 бронированныхъ крейсера, 2 большіе крейсера, 3 подводныхъ лодки-торпеды, 1 подводная лодка; кромѣ того, большое количество поврежденныхъ судовъ. Нѣмцы потеряли: линейный корабль «Поммернъ», малый крейсеръ «Висбаденъ».

Съ фот. В. И. Шубской-Корсаковой, въ Москвѣ.

— Будь моею женой! И упалъ въ по-мерть, упалъ головою въ подушку и за-стоналъ отъ тоски.

Но никогда мысль сдѣлать Чаровникову своей любовницей не приходила ему въ голову.

Только женой.

И, получивъ на утро слезное письмо о деньгахъ, взвостъ въ гимназію за Зѣсю и Женю, сватовства подпоручика Ягдовскаго за Оленьку (не хватаетъ приданаго, хоть скромнаго),—понялъ, что не вы-браться ему изъ болота, и ухалъ краду-чись, словно воръ.

Прошло семнадцать лѣтъ, и Вадиму Ва-сильевичу исполнилось 60. Онъ былъ те-перь блѣднѣе, но стариковски красивый и очень бодрый. И жилъ одинъ; сестра, вы-давъ дочь за подпоручика, теперь уже под-полковника, жила у послѣдней, аккуратно, каждую недѣлю, жалуюсь въ письмѣ къ брату на коварство зятя и холодность до-чери, прося денегъ и продолжая жить у подполковника.

И Вадимъ Васильевичъ, продолжая слу-жить, посылалъ деньги.

Отъ Зѣси и Жени (оба служили гдѣ-то въ провинціи) письма приходили по два раза въ годъ, но Вадимъ Васильевичъ не сердилъ, какъ не сердился онъ на Прасковью Васильевну, бросившую его одного.

— Съ внучатами веселѣе,—говорилъ онъ.

Подъ старость одиночество все же томилъ его, но не вліяло на него.—Мотыгинъ за-велъ собаку и сталъ вечерами ходить въ кинематографъ.

Обыкновенно здоровый, онъ началъ чув-ствовать за послѣднее время приступы ста-раго ревматизма, теперь болѣе мучитель-ные, и поѣхалъ опять лечиться.

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ У БАРАНОВИЧЕЙ.

Наши воины, снабженные противогазами, готовятся къ атакъ.

Вышка на батарее, отсюда у насъ обозрѣвали неприятельскія позиціи.
Съ фот. З. Г. Шубской-Корсаковой, изъ Москвы.

Полк. А. А. Беридтъ. Былъ дважды контуженъ и затѣмъ убитъ. Награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ.

Коiffeur исчезъ!), садъ «Тиволи», разросшійся до неузнаваемости, и обмороженный театръ, гдѣ увидѣлъ молодую актрису. И Вадимъ Васильевичъ зашелъ въ садъ и, купивъ кресло, сѣлъ въ первый рядъ. Шла «Прекрасная Елена».

Было скучно, висло... Вечеръ выдался свѣжій.

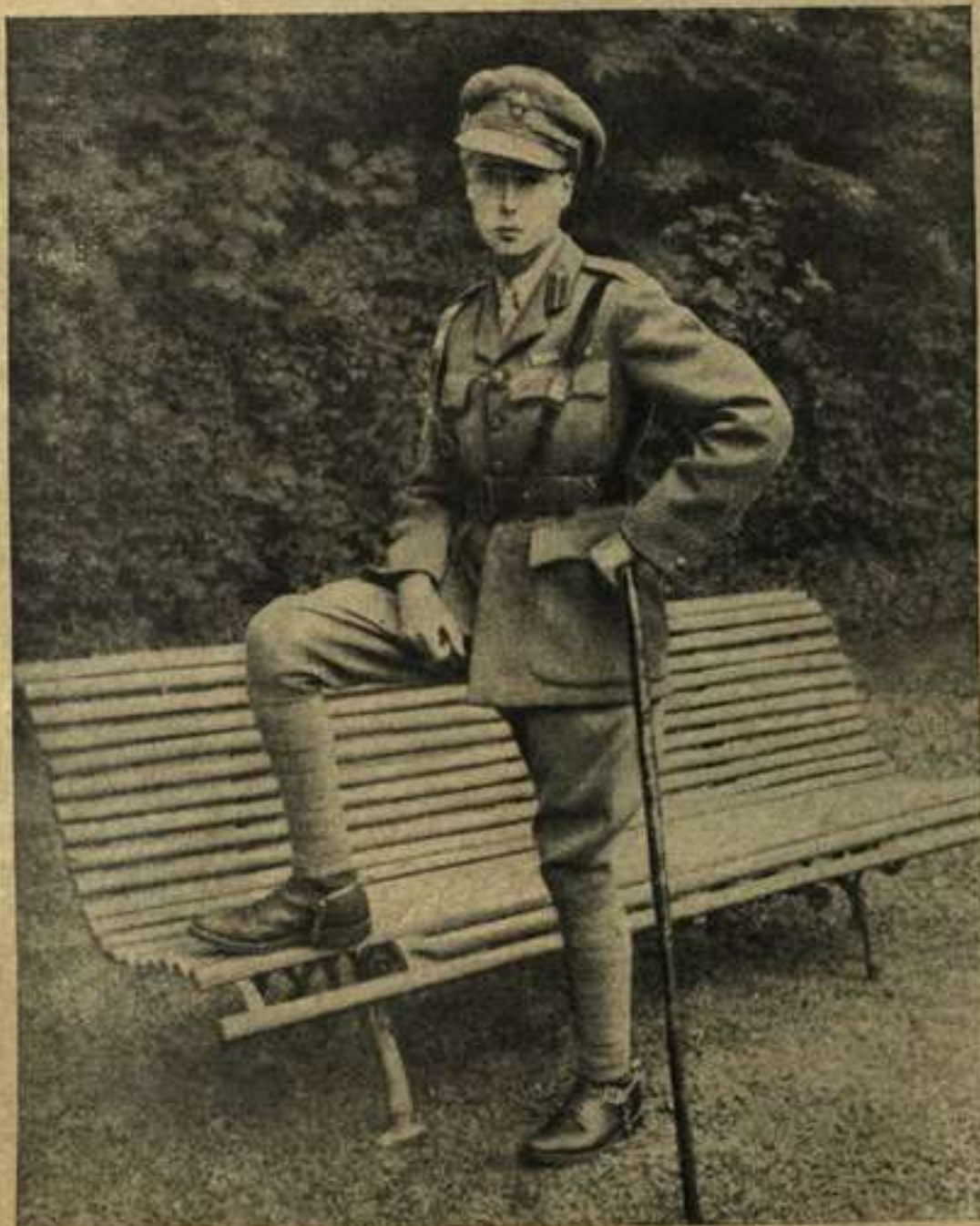
Оркестръ, весьма тощій, заигралъ:
Данн-ля-ля!

И на сцену выбѣжалъ Орестъ. Вадимъ Васильевичъ взглянулъ... и что-то близкое къ ужасу пробѣжало по нему. Въ старой, распылившейся, обтянутой тѣлеснымъ трико, даже не циничной, а жалкой и, можетъ быть, больной женщиной онъ узналъ Чаровникову...

И это было до того ужасно, что хотѣлось спрятаться подъ кресло отъ стыда.

И когда она зашла, визгливо и фальшипорта, гдѣ когда-то мелькнула передъ нимъ любовь; какъ-то само собою случилось, что верхнія ноты, Вадимъ Васильевичъ не выонъ прѣхалъ опять туда и опять увидѣлъ держалъ. Онъ вскочилъ и, путаясь ногами домъ, гдѣ брызнулъ. (Coiffeur Alessandre по чужимъ ногамъ, вышелъ изъ театра...

ПРИНЦЪ-СОЛДАТЪ.

Капитанъ англійской арміи, принцъ Уэльскій, ЭДУАРДЪ-АЛЬБЕРТЪ.
Фотографія снята съ наследника англійскаго престола въ день его рожденія.

Боже!... Въдъ она тогда была свѣжая, прелестная, а... теперь... И впервые за долгіе годы одиночества, въ сущности брошенный взлѣблянной имъ семьей, онъ почувствовалъ острую обиду на жизнь за себя и эту несчастную, позорившуюся изъ-за куска хлѣба.

Волчь.

Мой старый другъ! Съ какой усмѣшкой злою
Сказали вы: — «Любовь на склонахъ
лѣтъ?

Надъ головою полусѣдою
Насмѣшки болѣзненной вѣтъ.
Позоренъ, жалокъ этотъ поздній пламень,

Которымъ насъ порывы страсти жгутъ,
Когда въ отвѣтъ, какъ вмѣсто хлѣба
камень,

Намъ только жалость юную даютъ».
Мой старый другъ! Съ закатою женской
жизни

Тои страсти чашу горькую пріавъ,
Отвѣтомъ вашей укоризнѣ
Скажу—вашъ умъ мужской неправъ.
Сначала—да! Какъ въ тѣсной клеткѣ
львица,

Металась страсть, безсильна и гнѣвна,
И эта сердца темная страница—
Ненастной ночью помнятся она.

А онъ—какъ мальчикъ надъ живымъ
твореньемъ,
Надъ женскимъ сердцемъ властью подаренъ,

Съ жестокимъ юнымъ небреженьемъ
Мнѣ сердце рвалъ и мучилъ онъ.

Но время шло. Безумье львицы плѣнной
Въ огонь страданья жертвой сожжено,
Любовью матери священной
Изъ пепла встало вновь оно.

И повялъ онъ теперь — величію страданья
даннымъ
Отвѣтъ достойный въ каждомъ сердцѣ
есть!

Не камень, вѣтъ, не подаанье,
А гордость женская и честь,
Когда въ порывѣ вѣжности, смущенный,
Ко мнѣ прильнетъ упрямой головою
Мой сынъ, не плотью ванаушей рожденный,
А силой духа, вѣчной и живой.

Вѣра Рудичъ.

Поруч. М. Н. Руссетъ, раненъ.
Награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ.

Ощщій вѣтъ
уста...
Въ Троицкѣ
подсвѣтъ
режиссера

Лит

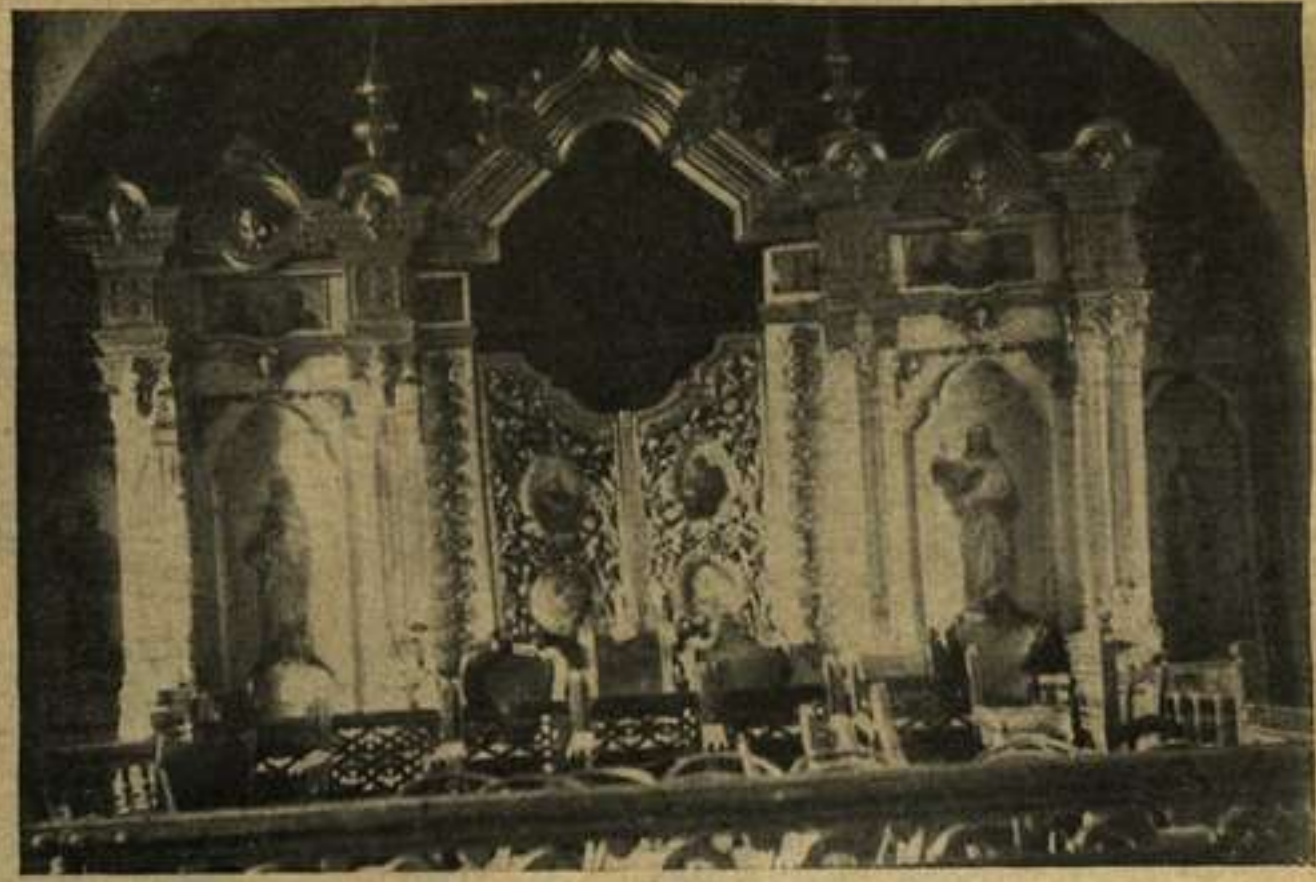
Берешь
вѣжности
то «Кораб-
щимъ на об-
недовѣр-
тять здѣсь
(sit venia-
такъ часто
шпорахъ. П-
пророки»,
честно по-
ство. Надо-
крывающей
и «автор-
ловыми» д-
убожество,
ханова, до-
ное для Р-
нней Герма-
на бродитъ
выраженію
Но вотъ
шпору съ
совершенно
ко серьез-
му «напр-
шпора г. П-
илю такіе
нашей «в-
ской) лице-
Объ бро-
пой точкѣ
ту же «пр-
если у г. П-
зательствѣ,
му, что о-
«военно-пу-
годаишней
«религіей»
еть сража-
Ибо, ка-
герон «
столькаго
стическое,
своихъ по-
ются на ч-
борьбы и
хотять с-
ховной ж-
шломъ, т-
склонны
борьбы е-

* А. Вл.
Германія
Георгій
сѣды о
1916. Стр

КЪ ОСВОБОЖДЕНІЮ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ ОТЪ НАШЕСТВІЯ ВАРВАРОВЪ.

Общій видъ лавры, очищенной нашими войсками отъ Австрійцевъ 3 Іюня. Осмотромъ лавры установлено кощунственное оскверненіе австрійскими войсками почти всѣхъ ея храмовъ. Въ Троицкомъ соборѣ въ алтарь порвана сорочица на престолѣ, а съ паникадыя помѣщены подсвѣчники и урнны; на жертвенникѣ найдены остатки пищи и газеты. Въ церкви архіерейскаго дома Австрійцами былъ устроенъ кафе-ресторанъ. Домовая церковь въ сниту была превращена въ казармы; иконостасъ въ ней былъ разбитъ.

Трапезная церковь во имя св. великомученицы Варвары, превращенная Австрійцами въ кинематографъ. Въ алтарь этой церкви помѣщались экранъ и оркестръ; иконостасъ съ царскими вратами былъ перенесенъ въ противоположную сторону церкви и служилъ перегородкой, отдѣлявшей зрительный залъ отъ комнаты съ вѣшалками и кассой.

Литературныя замѣтки.

Вѣра въ Россію *

Берешь съ недоверіемъ изыщія по вѣрности брошюрки, изданная какимъ-то «Кораблемъ», очень красиво плавующимъ на обложкѣ на всѣхъ парусахъ,—съ недоверіемъ, потому что боишься встрѣтить здѣсь ту интеллигентско-сектантскую (sit venia verbo!) литературу, которая такъ часто скрывается въ подобныхъ брошюрахъ. Надоли ужъ эти «обратные пророки», типа Максима Горькаго, благочестно поплеывающіе на свое отечество. Надоли и ихъ пустозвонство, прикрывающее насѣхъ набранными именами «авторитетовъ» и самодѣльными «дѣловыми» данными свое реальное партийное убожество,—типа брошюръ нѣкоего г. Суханова, доказывающаго, что самое выгодное для Россіи быть экономической колоніей Германіи. Много еще болотнаго тумана бродитъ въ русскихъ «сытыхъ», по выраженію Герцена, мозгахъ!.. Но вотъ приятное разочарованіе: брошюра съ гордымъ кораблемъ на обложкѣ совершенно иного типа. Онѣ даже настолько серьезны и хороши по такъ называемому «направленію» своему (особенно брошюра г. Вѣтрова), что я что-то не запомню такихъ во всей довольно обширной нашей «военной» (военно-публицистической) литературѣ.

Обѣ брошюры стоятъ собѣственно на одной точкѣ зрѣнія и высказываютъ одну и ту же «программу» (программу «чайній»). И если у г. Вѣтрова она вышла какъ-то осязательнѣе, то, можетъ быть, просто потому, что онъ сопоставилъ ее съ такой же «военно-публицистической» программой современной Германіи—съ той своеобразной «религіей», подъ хоругвью которой желаетъ сражаться эта Германія.

Ибо, какъ ни странно намъ слышать, а герои «Лузита́ни», «Португали» и столько другихъ претендуютъ на идеалистическое, даже на «религіозное» значеніе своихъ подвиговъ. Они отнюдь не соглашались на чисто-шкурное истолкованіе своей борьбы и ея волчьихъ приемовъ. Нѣтъ, они хотѣли связать свое хищничество съ духовной жизнью, какъ германской въ прошломъ, такъ и всего человечества, и даже склонны видѣть въ процессѣ теперешней борьбы естественное завершеніе того ре-

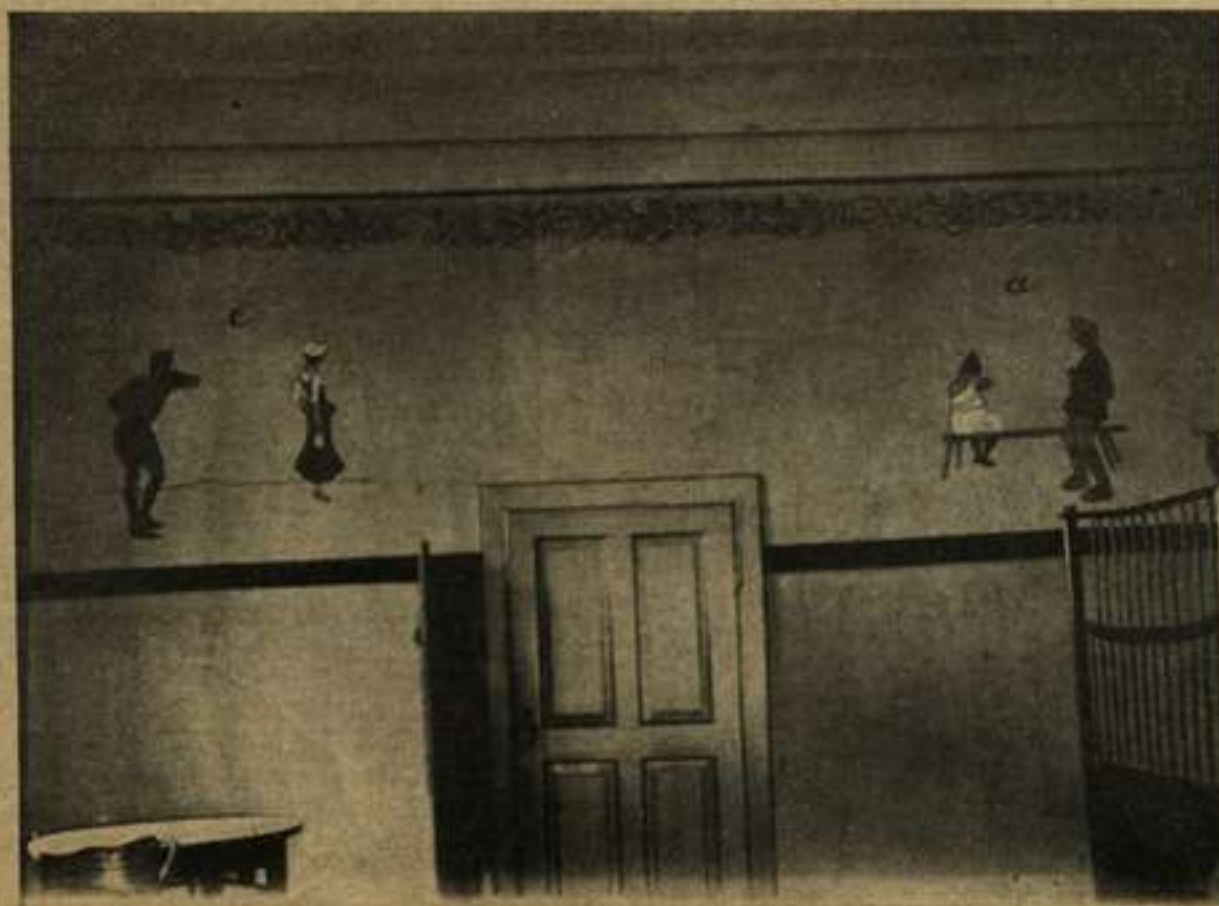
лигіознаго и идеалистическаго движенія, подъемомъ энергіи и тѣмъ одушевленіемъ, религіозныхъ и научныхъ горизонтахъ, которое было нѣкогда пачато въ Германіи съ которымъ она ведетъ борьбу, перенося торые она дѣятельно раскрывала за Лютеромъ и продолжено философій Фихте всѣ ея огромныя тяжести. Нѣкій «зовъ сѣбдіе четыре столѣтія, въ сущности не те съ братіей». Теперь, видите ли, «для мечты» несомнѣнно рѣгъ надъ современнаго противопоставитъ съ увѣренностью и новаго духа должно быть создано новое по Германіей—и уже давно, какъ доказательство навстрѣчу наступающей германтѣло». Нѣмецкіе «сверхъ-Греки», какъ зывается вся огромная патриотическая и империалистская нѣмецкая литература духовнаго убѣжища лишь мѣръ традицій и послѣднихъ десятилѣтій (въ сущности съ преданій, который естественно не можетъ раскрыть всѣ свои культурныя возможности имперіалистская нѣмецкая литература духа протестантства. Этому «вѣнне-Гдѣ и въ чемъ нашъ «зовъ мечты»? Ибо сильному германизму» предстоить выполнить въ концѣ концовъ въ исторіи выдержитъ «великую миссію полного протестантизирования міра». Религіозный подъемъ, который, по увѣреніямъ авторовъ многочисленныхъ нѣмецкихъ брошюръ и статей на тему «война и религія», охватилъ сегодняшнюю Германію, «долженъ привести къ созданію сильной, мускулистой (muskulige) религіи, къ вѣрѣ, которая объими ногами будетъ стоять на землѣ», и т. д.

Итакъ, вотъ какова идеологія нашихъ противниковъ дѣлать исключеніе для одной враговъ. Какой дикой она намъ бы ни казалась и какъ ни противорѣчила бы на скаго она воплотила высшіе типы челнашъ изгады всѣмъ «мускулистамъ» вѣка». Но авторъ разбираемой брошюры приеамъ Нѣмцевъ (если она имъ противорѣчатъ), но мы должны брать ее такой, идеаль окончательнаго протестантизирования міра слишкомъ легко и естественно по ей именно—этому своеобразному нѣмецкому «мессіанизму»—Германія обязана своимъ, неожиданнымъ даже для нея самой, европейская культура. Европѣ, въ тѣхъ

Опредѣляющимъ факторомъ для этого уклада является то обстоятельство, что со времени Лютера и реформаций культурный міръ христіанства не переживалъ новаго глубокаго религіознаго движенія. Мы остались при тѣхъ горизонтахъ, дальнѣйшее логическое развитіе которыхъ довольно послѣдовательно ведетъ къ оризонтамъ нѣмецкаго мессіанизма. Ихъ преодоленіе требуетъ «большихъ сдвиговъ» въ привычномъ для насъ міросозерцаніи... «На точкѣ зрѣнія вселенскаго мессіанизма только и можетъ стоять ведущій борьбу съ духомъ протестантизма». Здѣсь открываются передъ нами такія проблемы судьбы Россіи и вѣры въ Россію, о которыхъ возможны многіе споры, но о которыхъ во всякомъ случаѣ необходимо и болѣе нежели своевременно опиротъ. Ибо по листьямъ смоковницы узнаемъ близость дѣла...

П. Перцовъ.

ВЪ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРѢ ПОСЛѢ АВСТРІЙЦЕВЪ.

Австрійская стѣнная живопись въ понохъ настоятеля Почаевской лавры, гдѣ непріятель устроилъ пивную.

Мелочи.

Скупость Еильгельма.

Г-жа Кинъ, о запискахъ которой у насъ уже упоминалось, продолжаетъ въ «London Magazine» свои воспоминанія о семилѣтнемъ пребываніи своемъ при дворѣ Гогоцоллерновъ.

Штатъ парадной прислуги въ берлинскихъ дворцахъ невеликъ, а вся черная работа исполняется простыми поденщицами за ничтожную плату отъ одной до двухъ марокъ за двѣнадцатичасовой трудовой день. Работаютъ эти поденщицы отъ 6 ч. утра до 6 ч. вечера, а иногда и до девяти часовъ, и за эти три добавочные часа работы получаютъ въ видѣ единственнаго вознагражденія ужинъ изъ ржаного хлѣба и пива.

«За оградой императорскаго дворца въ Потсдамѣ,—пишетъ г-жа Кинъ,—каждое утро можно видѣть толпу около 50 женщинъ, ожидающихъ, когда откроютъ ворота. Но вѣншему виду онѣ напоми-

* А. Вѣтровъ. «Во что сегодня вѣрять Германія?». Петр. 1916. Стр. 37. Ц. 65 коп. Георгій Чулковъ. «Судьба Россіи». Бесѣды о современныхъ событіяхъ. Петр. 1916. Стр. 45. Ц. 65 коп.

наютъ немущихъ работницъ, собирающихся по вечерамъ у входа въ ночлежный домъ. Вначалѣ я думала, что это нянѣ, приходившія за подавнѣемъ, но кастелянша увѣрила меня, что эти женщины исполняютъ почти всю работу во дворцѣ.

Въ полдень онѣ получаютъ скромный обѣдъ; его подаютъ имъ на голомъ столѣ безъ скатерти, на жестяныхъ тарелкахъ.

За всякую пустяшную провинность, за нѣсколько минутъ опозданія на работу на нихъ накладывается суровый штрафъ.

Вильгельмъ, по словамъ г-жи Кинъ, самый скупой изъ монарховъ. Онъ платитъ за услуги и даетъ на чай далеко не по-царски. Во время его пребывания въ Виндзорскомъ дворцѣ онъ безчисленной прислугѣ далъ въ общемъ только около 70 рублей при своемъ отъѣздѣ. Весь высшій штатъ двора Вильгельма служитъ бесплатно, не получая никакого вознагражденія. Исключеніе сдѣлано лишь для завѣдующей императорскимъ гардеробомъ графини Брондорфъ, но она тяжелымъ трудомъ зарабатываетъ свое жалованіе, такъ какъ въ кругъ ея обязанностей входитъ примиреніе Вильгельма и императрицы во время ихъ частыхъ ссоръ. Большинство этихъ недоразумѣній происходитъ именно на почвѣ скупости Вильгельма, который не стѣняется удерживать императрицу даже при постороннихъ самыя вульгарныя сцены изъ-за слишкомъ большихъ, по его мнѣнію, расходовъ на содержаніе двора и въ частности на столъ. Вильгельмъ—большой гастрономъ, чрезвычайно привередливъ въ пищѣ, но требуетъ, чтобы издержки на кухню не превышали строго опредѣленной имъ, относительно скромной, нормы.

Въ общемъ картина, которую рисуетъ г-жа Кинъ о непоказной сторонѣ жизни берлинскаго двора, крайне неприглядна.

Ужасы Виттенбергскаго лагеря.

Весною этого года былъ опубликованъ официальный отчетъ англійской следственной комисіи о Виттенбергскомъ лагерѣ военнопленныхъ въ Саксоніи. Глухіе слухи о томъ, что творилось въ Вит-

ПРОЧЬ СЪ ДОРОГИ

Австрія.—Стойте! Вы двигаетесь съ неразрѣшенной скоростью!
„Punch“.

тенбергѣ, и прежде доходили до Англій, но никто не предвидѣлъ того, что рассказали вернувшіеся изъ плѣна англійскіе врачи и инвалиды.

Въ декабрѣ 1914 года въ лагерѣ вспыхнула эпидемія тифа. Она приняла сразу ужасающіе размѣры. Плѣнныхъ было 17.000 человекъ, скученныхъ на небольшомъ пространствѣ; они жили въ холодныхъ баракахъ съ землянымъ поломъ, были лишены всякой возможности мыться и смѣнять бѣлье и питались помоями подъ видомъ супа. Германская медицинская наука, еще недавно стоявшая такъ высоко въ глазахъ всего міра, казалось бы, была во всеоружіи, чтобы затупить эпидемію или хотя бы не дать ей распространиться. Что же дѣлаютъ нѣмецкіе врачи? Старшій докторъ Ашонбахъ со всемъ медицинскимъ персоналомъ и офицерами бѣжалъ изъ лагеря; часовыхъ вывели за ограду колючей проволоки, окружавшей лагерь, откуда они выкрикивали плѣннымъ свои приказанія; вину плѣннымъ вкатывали на тачкахъ по проложеннымъ рельсамъ. Больные были отрѣзаны отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

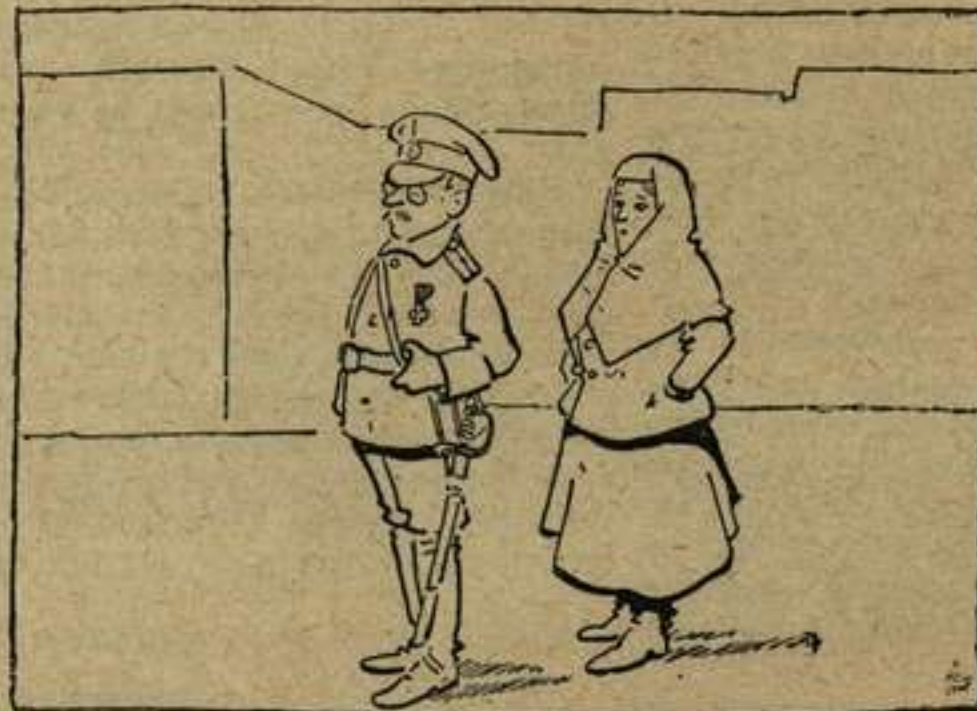
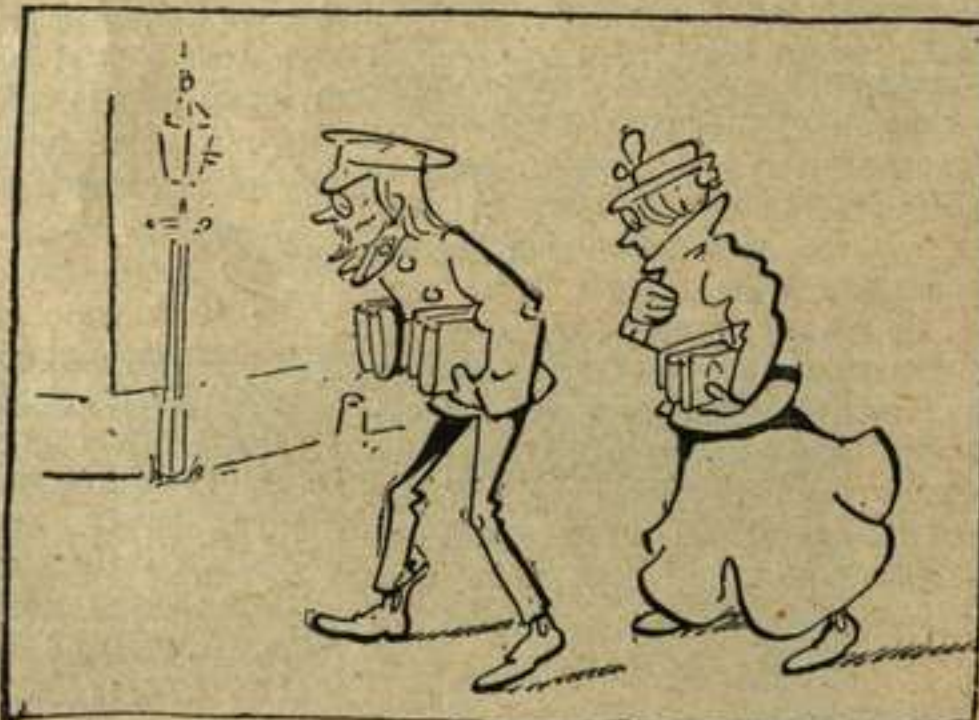
Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ имъ не оказывалось буквально никакой медицинской помощи. Только въ февралѣ 1915 г. четверымъ англійскимъ врачамъ, находившимся въ плѣну въ Галле, былъ отданъ приказъ отправиться въ Виттенбергъ. Ихъ ни однимъ словомъ не предупредили объ эпидеміи тифа, и они узнали о ней совершенно случайно въ пути отъ кондуктора поезда. Когда они прибыли въ лагерь, ихъ поразило гробовое молчаніе среди порѣдѣвшей, но еще громадной толпы плѣнныхъ; иные, какъ тѣни, слонялись изъ угла въ уголъ, другіе въ безпамятствѣ валялись тутъ же на соломѣ. Къ вечеру перваго же дня двое врачей слегли, заразившись тифомъ. Потомъ заболѣли и остальные; изъ нихъ только одинъ, докторъ Лаудеръ, остался въ живыхъ.

Черезъ мѣсяцъ ему на подмогу прислали еще двухъ англійскихъ врачей. Первымъ требованіемъ англійскихъ докторовъ было отдѣлить больныхъ отъ здоровыхъ; въ лагерѣ было нѣсколько барачковъ, и это было бы не трудно сдѣлать,

Tempora mutantur.

Недавнее прошлое.

Настоящее.

УЧАЩІЕСЯ.

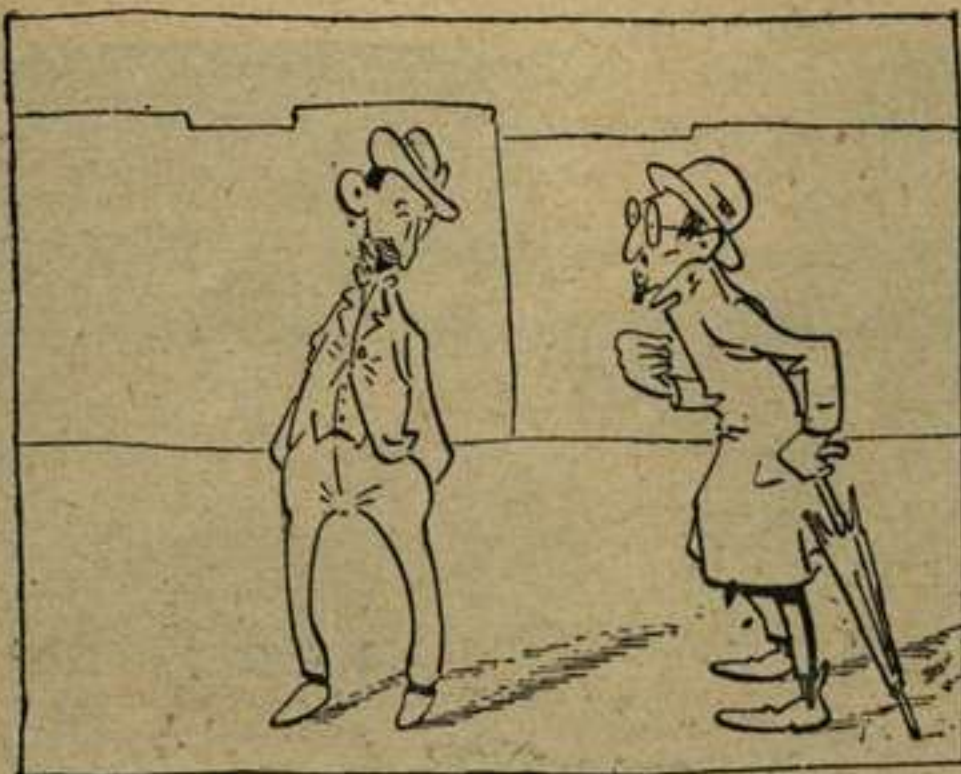
ТОРГУЮЩІЕ.

по Нѣмцы, чѣмъ-либо категорически мѣру, а ла все-таки преки ихъ въ лагерь и рожей, чтобы отдѣленія Плѣнные до спать въ по одномъ матр вязочныхъ с ли. У многи рывы на ног гаптрена, та грязныхъ т перевязки. С глійскихъ р въ Виттенбе вернулся лт довь, ампут его было бы

Для умерн но рядомъ с оградой, бы бше. Кажд какъ вкаты число гробо шиеся на но ровить това мало, что гр могилъ оди рядовъ. Нас тельномъ р ся, любиле ежедневных мертвыхъ и смѣшекъ.

Германскі не появляе когда эпиде путемъ. Вн жды въ нег перчевыхъ кую солдат ливыхъ газ были приня сторожност жался ровн шей ведлѣ Вильгельма тѣзнямъ и заслуги въ мей». Все а

Недавнее прошлое.

Tempora mutantur.

Настоящее.

СПЕКУЛИРУЮЩИЕ.

ОБЫВАТЕЛИ.

В настоящій моментъ обыватель не могъ быть зарисованъ, такъ какъ оказался... раздѣтымъ.

Handwritten signature or mark.

по Нѣмцы, не находя даже нужнымъ чѣмъ-либо мотивировать свой отказ, категорически воспретили эту необходи-

ного тона, если бы это не было для несчастныхъ плѣнныхъ такой трагической правдой. Несмотря на послѣднія волнующія со-

крови изъ вены на сгибѣ локтя посредствомъ простого укола платиновой булавкой менѣе одного миллиметра въ диаметрѣ, вслѣдствіе чего операція эта про-

ся въ крайней бѣдности, у нея нѣтъ ни риса, ни одежды. Онъ не можетъ такимъ образомъ содержать больше свою жену,

НА ФРОНТѢ У БАРАКОВИЧЕЙ.

Плѣнные Германцы.

Долпросъ плѣнныхъ, взятыхъ на сѣверо-западномъ фронтѣ.

зрителями, и даже не въ самомъ залѣ, а позади каменной стѣны въ особой пристройкѣ, безопасной въ пожарномъ отношеніи. Черезъ небольшое отверстіе въ стѣнѣ лучи будутъ проходить въ залъ и падать на особый прозрачный экранъ, покрытый вертикальными призматически-

ми полосками, имѣющими назначеніе сдѣлать картину одинаково хорошо видимой и съ боковыхъ мѣстъ, а также придавать изображенію особую рельефность и стереоскопичность. Благодаря особой силѣ источника свѣта, стоящаго близко отъ экрана, изображеніе бываетъ настоль-

ко рѣзко, что прекрасно видно при полномъ освѣщеніи въ залѣ, и вдобавокъ отличается большей живичностью, чѣмъ картина, показываемая на обыкновенныхъ полотняныхъ экранахъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ.
Электрич., безъ красокъ, 15 р. только силою въ нихъ тока.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗобрѢТЕНІИ
Петроградъ, Морская, 83.

Новая книга:

И. Б. Смольяниновъ.

ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЪ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ).

Изданіе М. А. Суворина.

Цѣна 2 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и на станціяхъ желѣзн. дорогъ.

HENRY CLAY, WOCK & Co

ГАВАНСКІЯ СИГАРЫ

ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛУЧКИ НЕПОСРЕДСТВЕННО СЪ ОСТРОВА КУБЫ.

Съ требованіями обращаться въ

СКЛАДЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТАБАКОВЪ, СИГАРЪ И ПАПИРОСЪ АРИСТОТЕЛЕСЪ КАЛОГЕРОПУЛО.

Контора и оптовый складъ: Петроградъ, Ждановская набер. № 3. Телефонъ 153-98.
Опково-розничные магазины: 1) **Нуоккала**, противъ зданія вокзала. Телефонъ 16.
2) **Теріони**, Большая дорога, д. Богомолова, возлѣ аптеки.

ВЫТЯЖКА

ИЗЪ СЪМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеросклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечи. дѣятель., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪМЕННАЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕЗПЛАТНО. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—БЕЗПЛАТНО. 2/3-й почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевт. лабораторіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Коаловскій пер. соб. д. 10. кв. 33. Телер. здр. Москва, Калефлюидъ.

3 руб.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ съменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленными сѣрминомъ.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ, БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію «Гимназія на дому», но подлѣ значнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ

ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда, на классный чинъ, высшаго начальн., сельск. и народн. учителя, аптекарскаго ученика, цы, за 4 или 6 классовъ гимназій, на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже благодаря изданію «Гимназія на дому» достигнуть вышечной цѣли. Краткій проспектъ высылается бесплатно. Подробный за 15 коп. Всякую корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская, 44. Собств. магазины: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 65; МОСКВА, Мясницкая, 18. Съ 1 августа Главная Н-ра перемѣщается на Глазовую ул., соб. д. № 18.

НОРМАЛЬНО ПРОТИВЪ ЗАПОРОВЪ ПРІЯТНО

Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ апт. по рец. вр.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. С. СУВОРИНА — «НОВОЕ ВРЕМЯ».

НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ

историческая повѣсть.

Цѣна 1 р. 60 к.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время»

ПРОДАЕТСЯ РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ

ШЕКСПИРЪ

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ

СЪ РИСУНКАМИ

ДЖЕМСА Д. ЛИНТОНА

Цѣна 10 руб.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14497

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 16 (29) ПОЛЯ 1916 ГОДА.

№ 14497

КЪ 75-ЛѢТІЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. 1841 г.—15 июля—1916 г.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ въ годъ смерти (1841).
По литографіи съ акварельнаго портрета, исполненнаго
К. А. Горбуновымъ.

Пестрая бестѣды.

Выстрѣль Мартынова.

(75-лѣтъ смерти Лермонтова).

«Вкушая вкусихъ мало
меда и се азъ умираю».
Эпиграфъ къ «Мцыри».

И мы, дѣти, знали отъ большихъ, что
Я былъ шести- или семилѣтнимъ ребен-
комъ, мы жили въ Москвѣ, въ Леонтьев-

скомъ переулкѣ, въ домѣ Хрипковой, ко-
торый и сейчасъ стоитъ не перестроен-
ный, а напротивъ насъ стоялъ, уже не су-
ществующій теперь, домъ Олениной.

Изъ подъезда этого дома иногда выхо-
дилъ старый, высокій, хорошо одѣтый
господинъ въ цилиндръ и зеленыхъ пер-
чаткахъ.

И мы, дѣти, знали отъ большихъ, что
этотъ старый господинъ—убійца Лермон-

товъ.

Какъ живо это вспоминается сейчасъ,
черезъ сорокъ лѣтъ!

Это одна изъ тѣхъ яркихъ точекъ, ко-
торыя всплываютъ въ памяти изъ вре-
мени очень ранняго дѣтства.

Лицо этого стараго господина я никакъ
не могу себѣ представить, но вотъ стоитъ
подумать о Лермонтовѣ, о Мартыновѣ—и
сейчасъ же передо мною Леонтьевскій пе-
реулокъ, бѣлый, невысокій домъ Олени-
ной—и вотъ онъ, старый господинъ въ
зеленыхъ перчаткахъ и цилиндрѣ, выхо-
дитъ изъ подъезда.

Можетъ быть и зеленныя перчатки произ-
вели свой фокусъ въ дѣтскомъ, ко всему
чуткомъ, любопытствующемъ вниманіи,
давши памяти еще болѣе яркій бликъ?
Почему въ ней удержались эти зеленныя
перчатки?

Но главное, конечно, было чувство жут-
каго любопытства къ кому-то, кто убилъ
Лермонтова, а Лермонтовъ уже былъ зна-
комъ, мать говорила намъ такъ часто
очень нами любимую его «Казачью колы-
бельную пѣсню».

Большіе рассказывали, что въ годови-
щину смерти Лермонтова Мартыновъ за-
пирается на весь день отъ всѣхъ, и это
еще усиливало чувство дѣтскаго, жуткаго
любопытства къ старому господину въ зе-
леныхъ перчаткахъ изъ дома напротивъ.

А затѣмъ, уже много лѣтъ спустя, вспо-
минается Пятигорскъ, Машукъ, «Пер-
кольская», приблизительное мѣсто дуэли
Лермонтова, и воображеніе рисовало то,
что рассказано въ биографіи поэта: Мар-
тыновъ стрѣляетъ, Лермонтовъ падаетъ,
убитый навалъ,—и убійца валится ему
въ ноги съ воплемъ:

— Миша, прости меня!
Поэтической фантазии Лермонтова синя-
ся этотъ сонъ смерти:

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалы тѣснились кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины,
И жгло меня, но спалъ я мертвымъ
сномъ.

И дальше:
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той.
Стихи написаны въ годъ смерти.
Сонъ сбывся на яву!
Искать ли предчувствіе въ этихъ сти-
хахъ, или они представляли собою просто
одну изъ тѣхъ излюбленныхъ темъ, кото-
рыхъ было тогда такъ много въ такъ на-
зываемой романтической, часто рисую-
щейся поэзіи?

Эти темы давалъ и воинственный Кав-
казъ, и дуэли, которыя возникали и изъ-за
женщинъ, и ради женщинъ, ради привле-
ченія ихъ вниманія, и вся та атмосфера
байронизма, донжуанизма, та бравлада жи-
внью, которая не то искренно, не то опитъ-
таки, рисовки ради, заставляла искать
смерти или, по меньшей мѣрѣ, презирать
ее. Предчувствіе или вѣтъ, но стихи
«Сень» изобразили не выдуманную смерть
поэта. И «свинецъ въ груди», и долина,—
только не Дагестана— все было немного
спусти такъ, въ дѣйствительности. Солн-
це не «жгло желтыя вершины», а буше-
вала гроза и бурный ливень хлесталъ на
покрытое шинелью секунданта тѣло Лер-
монтова въ красной канзасовой рубашкѣ.
И спалъ онъ мертвымъ сномъ!

«Миша, прости меня!»
Никто, кажется, не написалъ ни въ ро-
манѣ, ни въ драматической формѣ траге-
діи человека, убившаго великаго поэта,—
трагедіи Мартынова.

Черезъ семьдесятъ пять лѣтъ очень труд-
но,—пожалуй, невозможно,—съ совершен-
ной ясностью разобраться въ настоящихъ дуэли не вѣрили, или же вѣрили, что она
причиняла дуэли и въ винѣ Мартынова. Много свидѣтельствъ очевидцевъ, но то былъ готовъ примириться и, по совѣту

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ—студентъ.
Окончивъ курсъ Благороднаго пансиона въ
Москвѣ въ 1830 г., Лермонтовъ поступилъ
въ Московскій университетъ, на существо-
вавшее тогда «нравственно-политическое
отдѣленіе». Въ университетѣ Лермонтовъ
пробылъ всего два года, перейдя отсюда
въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ
(нынѣшнее Николаевское кавалерійское
училище).
Съ оригинальнаго портрета тушью.

свидѣтельства далеко не часто бываютъ
точные.

Нѣсколько человекъ, какъ будто, своими
глазами видѣвшихъ такое-то событіе,
своими устами слышавшихъ такіе-то раз-
говоры, показываютъ однако же все совер-
шенно различно. Въ судебныхъ процессахъ
самое разнорѣчивое—это показаніе свидѣ-
телей.

Сколько путаницы часто они вносятъ
сколько труда доставляютъ судьямъ и адво-
катамъ!

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ въ 1837 г.—въ годъ смерти
Пушкина и на 24-мъ году своей жизни.
Съ акварельнаго портрета, сдѣланнаго
самимъ поэтомъ.

Причина дуэли Лермонтова и Мартыно-
ва, какъ будто, основана на пустякахъ, на
мелкихъ насмѣшкахъ, на чувствѣ мел-
кой зависти, мелкаго соперничества передъ
женщинами, въ сущности, на ничемъ недѣ-
лаемы, на мелкихъ самораздраженіяхъ отъ
курортной праздности.

Но вѣдь и мелкіе укусы, если ихъ очень
много, способны довести до бѣшенства.

Обиже комариныхъ жалъ заставляють
бѣситься лошадей, буйволовъ.

Изъ окружающихъ, какъ будто никто
не смотрѣлъ серьезно на столкновеніе ме-
жду Лермонтовымъ и Мартыновымъ, въ
Обиже комариныхъ жалъ заставляють
бѣситься лошадей, буйволовъ.

26.

Арфа

Полно великой доли моей жизни пролетъ
Когда проставь се не доминикъ вѣстивъ
къ буду только звукъ въ тѣснѣхъ устахъ
Мини тѣмъ съ вѣбрагономъ тѣснѣхъ
Когда друзей вѣдѣлъ на пугахъ
и нехъ не стѣнѣхъ пожимать вѣстивъ
иногда возмѣхъ грустиво Арфу тѣхъ
она бѣла мой чуръ и другъ мѣстивъ

Автографъ поэта.

Отрывокъ стихотворенія «Арфа».
Изъ рукописей, хранящихся въ Лермонтовскомъ музеѣ.
Фотогр. Я. Штейнберга.

кое жаркое религиозное чувство, как у этого Печорина или — не правильно ли — этого Мцыри — Лермонтова?

Он мог написать «Думу», этот грозный приговор своему поколению, этот обвинительный акт в строфах изумительных стихов.

И в них он зрел до старчества.

Не ясна ли тут чрезмерно острая, гениальная мысль?

А душа? А любовь? Наслаждение жизнью, чувством? Знакомы ли были они ему?

Пресекла ли ранняя смерть, эта фатальная пуля Мартынова, все надежды на счастье? Или их уже не было в его душе? Не пережил ли он их преждевременно? И не оставались ли только в нем эти страстные, элегические стоны уже до пули Мартынова умирающего Мцыри?

«Вкусная вкусих мало меда, и се аз умираю».

Кто разгадает?

И. Вильде.

Жатва.

Съ высоты безцветной и бездонной
Солнца красного, горящее ядро
Рушитъ землю лаской распаленной
И бросаетъ въ рѣку серебро.
И дрожатъ, и замораютъ струи,
Унося его къ заманчивой дали...
Вѣтра легкаго горячи поцѣлуи,
Заполнъ воздухъ измученной земли.
Вьются бабочки надъ вальми цвѣтами,
Жизнь короткую свѣтла вольный проливъ.
И протыкнѣтый вѣтеръ, въ глѣбучемъ
птичьемъ гамѣ,

Голосъ жалобно молящій — «пить!»
Блѣднымъ золотомъ горитъ ржаное поле,

Тахмъ ронотомъ колосья шелестятъ —
Ихъ послѣдній день сегодня жить на

Звучный серпъ срѣзаетъ ихъ подъ рядъ.
Испомнились въ лютотъ зной живицы,
Измало ихъ, оспины не разогнуть,
Словно алый макъ пылающія лица,
Но серпы, звеня, свой продолжаютъ путь.
И кипитъ-горитъ тяжелая работа,
И спонь сверкающихъ не счастье...
Памя на сердце единая забота —
Другу милому послать скорѣе вѣсть,
Чтобъ въ бояхъ онъ былъ надеженъ и спокоенъ

И души его не мучилъ тяжкій гнетъ:
— Хоть одна жена, да въ полѣ воинъ,
За двоихъ хозяйство все ведетъ!

Гемма.

Варечка, Валечка и Вовочка.

(Лента современного кодака).

I.

Встрѣтилъ онъ Варечку лѣтъ десять назадъ. Была какая-то «манifestация»: молодежь шла по срединѣ улицы и цѣла. Валентинъ Борисовичъ тоже пошелъ въ толпу и дѣлалъ видъ, что поетъ, хотя пѣть не умѣлъ, и голоса у него не было никакого. Онъ тогда былъ «начинающій» писатель и счелъ нужнымъ ко всему усиленно приглядываться. Онъ не столько открывалъ ротъ и издавалъ какіе-то звуки, когда казалось ему, что его слушаютъ, сколько наблюдалъ вокругъ. А вокругъ были молодые, здоровыя лица, — не зелено-сѣрыя вытянутыя, а румяныя, оживленныя, со сверкающими глазами. Всѣмъ было весело, хорошо, молодо, все чему-то вѣрили и что-то хотѣли доказать.

Онъ сразу замѣтилъ молоденькую дѣвушку, — плотненькую, маленькую, съ крохотными бѣлыми зубками, которые такъ и блестя между пухлыми, толстенькими губами. Она такъ заодно на него

КАРТИНЫ КИСТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

КАВКАЗСКИЙ ВИДЪ.—Картина М. Ю. Лермонтова. Хранится въ Лермонтовскомъ музеѣ.

КАВКАЗСКИЙ ВИДЪ.—Картина масляными красками работы М. Ю. Лермонтова.

ВОСПОМИНАНИЕ О КВКАЗѢ.—Картина масляными красками, написанная М. Ю. Лермонтовымъ въ 1839 г.

Находится въ Лермонтовскомъ музеѣ.

Фотогр. Я. Штейнберга.

смотрѣла, такъ звонко выводила слова пѣсни, — что онъ невольно почувствовалъ, что и онъ, несмотря на свои двадцать восемь лѣтъ, дѣлался мальчикомъ и готовъ былъ плясать здѣсь, на улицѣ: пускай на него все смотрятъ, — и эта дама, что ѣхала мимо въ коляскѣ съ двумя дѣтьми, и редакторъ изданія, къ которому онъ работалъ, шедшій по тротуару, съ такими длинными волосами, какіе носили писатели полвѣка назадъ, и въ близорукое пенсне. И погода была располагающая къ веселью: солнце такъ игриво освѣщало и дома, и выѣски, и городовыхъ, небо было такъ синее, а адмиралтейскій шницъ такъ сіялъ, точно его только что вычистили мѣломъ съ водкой, или кирпичомъ.

— Чудесно какъ! — сказала вдругъ она, когда на минуту оборвалось пѣніе.

— Чудесно! — согласился онъ. И они пошли рядомъ.

— А вы не здѣшняя? — проговорилъ онъ, когда пѣніе началось снова, и она собиралась тоже пристать къ общему хору.

— Почему вы такъ думаете?

— Ужъ очень щеки у васъ розовыя, — объяснилъ онъ. — И все вы такая крѣпкая.

— Да, я не здѣшняя, — подтвердила она, — я издалека.

— Вогъ-вотъ! — обрадовался онъ. — На курсы пріѣхали?

— Да. Я хочу математичкой быть.

Онъ засмѣялся:

— Чѣмъ? Чѣмъ?

— Математичкой. Вамъ кажется страннымъ это слово? Математикъ — математичка; лунатикъ — лунатичка; медикъ — медичка...

— Критикъ — критичка, — подхватилъ онъ. — Солдатикъ...

Она замахала руками.

— Ай, какой вы!

— Вы далеко живете? — внезапно спросилъ онъ.

— Въ шестой линіи. У Чешки одной...

— А я здѣсь живу, — вотъ въ этой улицѣ. Я писатель. Фамилья моя Чащинъ. Можеть, встрѣчали такое имя?

Она стала вспоминать.

— Какъ будто встрѣчала, — сказала она. — А можеть не встрѣчала.

— У васъ много знакомыхъ? — спросилъ онъ.

— Никого. Землячекъ нашихъ только шесть дуаръ.

— Хотите, давайте быть знакомыми?

— Хорошо, — сказала она и протянула маленькую-маленькую руку. — Зовутъ меня Варечка. Мнѣ двадцать одинъ годъ. Я совершеннолѣтняя.

II.

И они познакомились. Она пошла къ нему, когда онъ пригласилъ ее къ себѣ, и пила у него чай съ медомъ. Онъ жилъ въ гостиницѣ, и все его хозяйство состояло изъ двухъ чемодановъ и безчисленнаго количества банокъ и стклянокъ, помѣщавшихся на окнахъ. На этажеркахъ стояли какія-то книги, лежали какія-то рукописи. Она пересмотрѣла все банки и книги, и вдругъ сказала:

— А вы знаете, — мой папа генералъ!

Онъ какъ будто удивился, а потомъ наивно спросилъ:

— Значить, вы ваше превосходительство? А я вотъ не имѣю никакого чина. Ей, повидимому, было это все равно. Черезъ двѣ недѣли онъ ей говорилъ:

— Какъ это у поэта: «Ближе, чѣмъ мы съ тобой, — ближе нельзя намъ и быть»? Что-то разбѣрь не выходитъ?

— Ну такъ что-жъ? — спросила она.

— А ты домой объ этомъ напишешь? Она широко раскрыла глаза:

— Вотъ еще, — зачѣмъ! Да имъ какое дѣло до всего этого?

Разъ онъ спросилъ у нея:

— Варечка, хочешь, я на тебѣ женись?

Она подумала, а потомъ потрясла отря-

КЪ 75-ЛѢТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. 1841 г. — 15 июля — 1916 г.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ въ дѣтствѣ. Съ портрета масляными красками, принадлежащаго Н. А. Шереметьевой.

Юрій Петровичъ ЛЕРМОНТОВЪ, отецъ поэта. Съ портрета масляными красками, принадлежащаго Лермонтовскому музею при Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ.

цательно головой. Онъ думалъ, что она не хочетъ, и обрадовался. Но она опять подумала, и потомъ сказала:

— Пожалуй, Валечка, женись!
Онъ какъ-то съежился, ушелъ въ себя, какъ зрительная трубка, и въ душѣ подумалъ: «Ну, за какимъ дьяволомъ я это ей сказалъ?»

Марія Михайловна ЛЕРМОНТОВА, рожденная Арсеньева, мать поэта. Съ портрета масляными красками, принадлежащаго Лермонтовскому музею.

Но она точно забыла это, или пропустила мимо ушей,—только никогда объ его предложеніи не напоминала. Она приходила къ нему раза два въ недѣлю и сидѣла три-четыре часа, мѣшая ему работать. Когда онъ говорилъ ей о Нитцше, Мопассанѣ, Мечниковѣ,—она внимательно слушала, но когда онъ кончалъ говорить,—не подзадоривала на дальнѣйшее. У нея Чащинъ былъ только разъ. Чешка была подругой ея матери, и обо всемъ ей писала. Поэтому Варечка предупредила его:

— Пожалуйста, не вздумай мнѣ говорить при ней «ты» и называть Варечкой. Я для тебя Варвара Ариетидовна.

Это было скучно. Чешка была толстая дебелая бабища. Варечка говорила, что ея мать еще толще. Чешка была глупа, а, можетъ быть, и не глупа, только казалась такой,—и все хваталась, что умѣетъ хозяйничать. И варенья у нея были, и соленья, и маринады,—и все, по ея словамъ, превосходнаго качества. Варечка подтверждала:

— Марья Ивановна такая хозяйка, такая хозяйка! Дайте попробовать, Марья Ивановна, вашего апельсинового желе. Онъ его опишетъ въ будущей повѣсти.

Валентинъ Борисовичъ не любилъ сладкаго. Онъ пилъ чай съ медомъ, но безъ сахара. И здѣсь онъ пилъ чай съ апельсиновымъ желе. И все ему казалось такъ убого: и міросозерцаніе Чешки и Варечки, и вся обстановка, и коричневая реповая мебель, и кактусы на окнахъ. Все это было какая-то старая забытая отрыжка чего-то. Онъ тоскливо смотрѣлъ на грязный потолокъ, на рыжаго кота, дремавшаго на стулѣ, и пугливо открывавшаго желтые глаза, когда онъ на него смотрѣлъ.

— Ну, вотъ я какъ живу!—сказала Варечка.

— Что-жь...—подтвердилъ онъ.

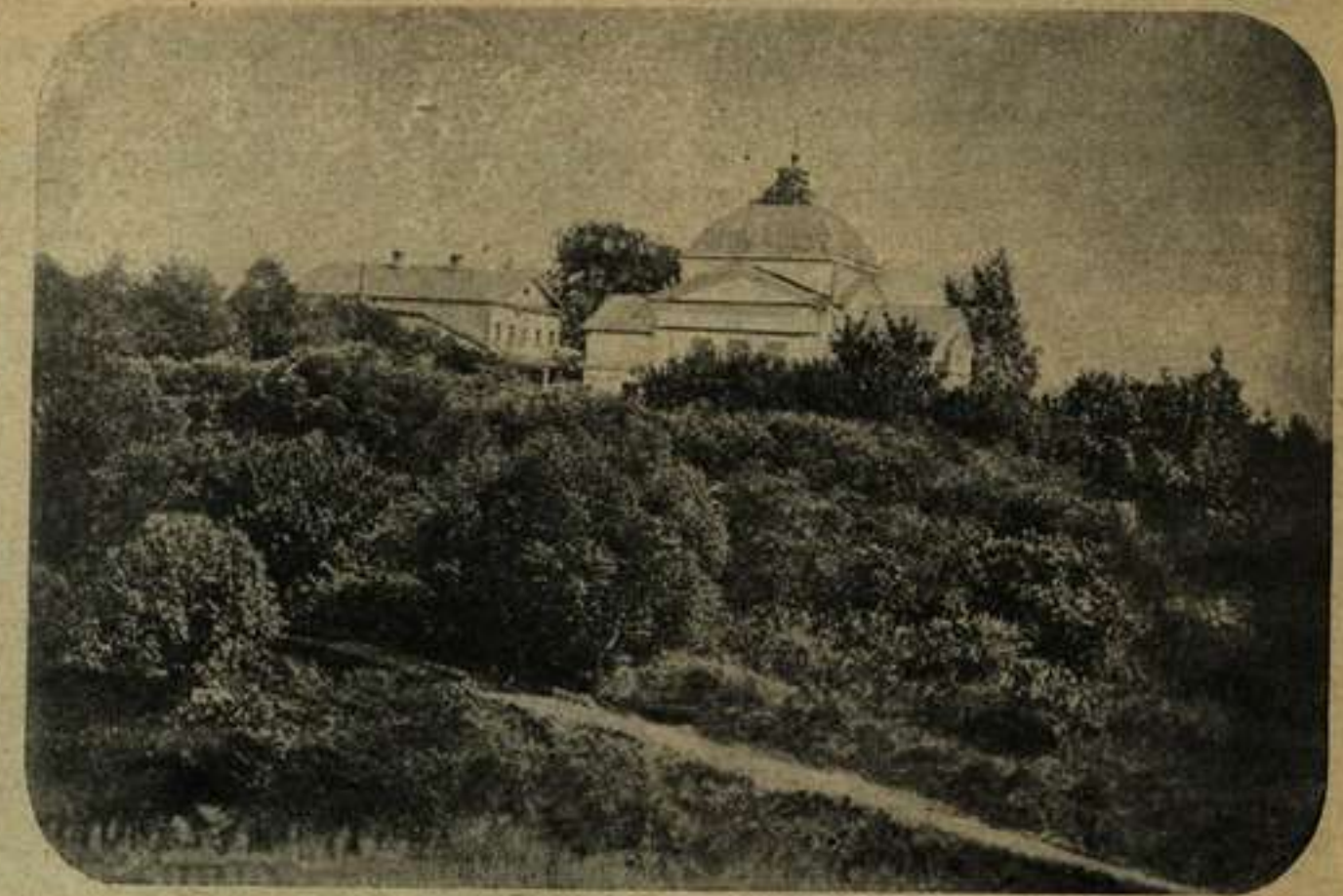
Но дальше такъ ничего и не сказалъ,—точно подавился чѣмъ.

III

Варечка такъ и не сдѣлалась «математичкой». Чащинъ все никакъ не могъ понять: что отъ него Варечкѣ нужно. Онъ былъ некрасивъ, не богатъ, не знаменитъ. Что она его не любила — это ему было ясно. Но что онъ ей нравился,—это тоже было несомнѣнно. Онъ чувствовалъ, что когда она приходила къ нему, ей было пріятно цѣловать его, прижиматься къ нему,—какъ пріятно тому рыжему коту грѣться на солнцѣ, несмотря на то, что онъ всегда одѣтъ въ пушистую лисью шубу. Особеннаго темперамента у Варечки не было. — сохрани Богъ! Напротивъ, она была излишне скромна, и недовольно отворачивалась, когда онъ, по ея мнѣнію, говорилъ лишнее. Какъ она просто отдалась ему, такъ просто и приходила къ нему, просто разливала чай, просто уходила за занавѣску, — и когда разъ онъ съ полчаса не могъ избавиться отъ назойливаго пріятеля, нахально влѣзшаго къ нему въ комнату,—она сказала только, когда онъ ушелъ:

— Чего онъ сидѣлъ? Ужъ я даже здѣсь заснула, пока онъ говорилъ.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ Варечка дѣлалась ему безразличнѣе. Онъ все хотѣлъ въ ней найти какія-нибудь достоинства,—никакъ не могъ. Умна она была? Нѣтъ. — Хороша? Нѣтъ. — Весела? Разговорчива? Страстна? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Въ ней даже было что-то мѣщанское, — узенькое міросозерцаніе захолустной барышни, готовой интересоваться тѣмъ, что у сосѣдей выкрасили заборъ въ красную краску, или что протопопица родила двойню. Она была совершенно чужда литературы, не любила театр, не читала газетъ и цѣля въ жизни у нея не было. То есть, опредѣленной цѣли. Она вставала, мылась, ѣла,

Домъ Е. А. Арсеньевой, бабушки поэта, въ селѣ Тарханы, въ 35-ти верстахъ отъ ст. Воейково, Сызрано-Вяземской жел. дор., Чембарскаго у., Пензенской губ. Въ этомъ селѣ поконилъ прахъ М. Ю. Лермонтова. Сюда онъ былъ перевезенъ весной 1842 г. изъ Пятигорска. Теперь Тарханы принадлежатъ М. В. Катковой, рожд. изъ Щербатовой.

шла по улицамъ, но зачѣмъ это дѣлала,—трѣлъ, какъ она со вкусомъ жуеетъ, и ему не знала. Она уѣхала изъ дома, потому дѣлалось противно.

— Ты что будешь дѣлать будущей зимой? — спросилъ онъ разъ ее. — Ты что будешь дѣлать будущей зимой? — спросилъ онъ разъ ее. У нея во рту была длинная бѣлая солома, которую она иногда покупала по дорогѣ въ кондитерской. Поэтому она отвѣтила не сразу. Сперва прожевала, потомъ проглотила, потомъ сказала:

— Не знаю.

Это «не знаю» болѣе всего возмутило Чащина. Онъ ночью, проснувшись, воскликнулъ: «Она не знаетъ!» И его обсило ея въ дверь, и цѣлѣтъ ея юбокъ, и вѣчное до-вольство собой. Онъ даже не зналъ, чѣмъ и своихъ поступкахъ. И ему все становилось въ ней противно все болѣе и болѣе: носила съ собой французскихъ сухарей и пухлыхъ ручки, и маленькія розовыя уши, или бубняковъ, она ихъ сама вымычала на стѣны лопатка, и маленькія розовыя уши, и то, что она нисколько не стыдилась его.

Знаменитый «Лермонтовскій гротъ» въ Пятигорскѣ. Съ картины Г. П. Кондратенка, находящейся въ Лермонтовскомъ музеѣ. Съ фот. Я. Штейнберга.

к 75-летию со дня кончины М. Ю. Лермонтова. 1841 г.—15 июня—1916 г.

Елизавета Алексеевна АРСЕНЬЕВА, рожд. Столыпина, бабушка поэта. После смерти матери поэта (1817 г.), Е. А. Арсеньева окончательно разсорилась с Лермонтовым-отцом и взяла маленького Лермонтова к себе на воспитание. Съ портрета, хранящегося в Лермонтовском музее.

IV.

И они разошлись. Как это случилось, — он даже не может отдать себе отчета. Он на два дня поехал в Москву. Потом его вызвали по делам в Киев. Потом он вернулся домой, но ей не было в городе, и Чешка пропустила ему:

— Она поехала к своему папеньке и своей маменьке.

Он ждал от нее письма, но она не писала. Он не писал тоже. И она заслопнулась от него пестрой сутолокой жизни. И на смену ей пришли другие. Он все был лучше ей. Положим, она ничего дурного ему не сделала. Он даже ничего не мог сказать про нее, кроме самого лучшего. А вот подите: он чувствовал, что в этой встрече было что-то прощальное, неприятное, о чем не хотелось вспоминать. И он перестал вспоминать о ней. И даже ее карточку, которая была вставлена в альбом, он однажды разорвал и бросил в печку, сказав: «У, глупая рожа!» В тех женщинах, с которыми сводила его судьба, он искал нужные ему идеалы. Их не было в этих особах, но он хотел их видеть, и видеть. Он их описывал и освещал их так, как находил нужным и удобным. О Варечке он не думал. Что такое Варечка? Зачем ему Варечка?

Так прошло лето восемь. Раз в вагон он встретил даму в такой великолепной наряде и в такой изумительной шляпке! Как дорого залетел модисткам тот мужчина, что погубил эти вещи! Известно, что дамы никогда не покупают себя сами вещей, а их покупают мужчины. Всмотревшись в нее, он вдруг воскликнул:

— Варечка!

Она сморщилась на мгновение — точно зарница вспыхнула на ее лице. Он поймал себя на том, что забыл ее отчество.

— Вы меня не узнаете? — спросил он. — Чашинь.

Она безразлично посмотрела на него, руки не подала и сказала:

— А!

— Да! Я не ошибаюсь? — спросил он.

— Не ошибаюсь, — сказала она.

— Мы давно не виделись.

Она кивнула головой в знак согласия. Она как будто несколько выросла за эти годы. Вообще, она из маленькой стала

как-то монументальнее. А разговора она продолжать, как будто, не хотела. Но она не отворачивалась, а, напротив того, — в упор смотрела на Валентина Борисовича.

— Все пишете? — спросила она, помолчав, слегка выдвинула нижнюю губу и сморщила его пренебрежительным взглядом. — А я замужем, — прибавила она, еще помолчав, и посмотрела на него уже восторженно.

Он хотел спросить: «за кем?» Но удержался. Вместо этого он неожиданно сказал:

— А помните номер 127-й?

Ее брови слегка дрогнули. Она тоже справилась с собой, и проговорила:

— Ну, так что же?

— Так, ничего. Глупо, думаю, это было?

— Право, не понимаю. Может быть, и глупо. Не будем об этом вспоминать.

— Я другому отдана и буду вкзк ему вкрна?

— Пошло. Вообще, вы бы переехали на другое место.

— А вы не одна идете?

— Одна. Но если вы не пересидете, я пересяду.

Он пожал плечами.

— Как хотите!

Она посмотрела на часы, все усыпанные бриллиантами и рубинами, как сахаром ть сухари, что она некогда грызла в № 127 и сказала:

— Да, мне еще вкзк часть с лишним. И пересяду.

И она пересела.

Он видел, как на станции, где она вышла, подкатить к ней соломанный кароко-шарабан, запряженный парой кароко-вых лошадей, в бубенцах и помпонах, и какой-то Вазила, в цилиндре и трюблении. А вместе с ним кароко-льчичи и, прочтя иной его рассказ, только говорить:

— Чортъ знает что!

Она Ома Омиичъ все время кароко-злоупотребления и Вова. И с каждым

Уголок Лермонтовскаго музея в Николаевском кавалерійском училищѣ в Петроградѣ, возникшаго в 1881 г. по мысли покойнаго начальника училища, барона А. А. Енльдерлинга. На переднемъ планѣ рабочій столъ Лермонтова.

Фотогр. Я. Штейнбергъ.

Домикъ Лермонтова в Пятигорскѣ, въ которомъ жилъ поэтъ в 1840 г. Съ акварели А. А. Вильдерлинга.

по пыльной дорогѣ. За поворотомъ леса годомъ онъ все ожесточеннѣе относился къ «хищникамъ».

«Я ихъ законопачу!» — мечталъ онъ. И конопачить усилленно.

Война не прекратилась, а утроила его дѣятельность. Онъ даже потиралъ руки отъ восторга и все говорил:

— Я ихъ, мародеровъ! Будутъ поминать! Я ихъ...

Разъ попалось ему каверзное дѣло съ цѣлымъ рядомъ злоупотреблений. Ома Омиичъ сказалъ:

— Ужъ вы, пожалуйста, — я на васъ паляюсь. Вы, пожалуйста, внимательно.

Нужно, чтобы комаръ носа не подточили. Понимаете? Не стѣсняйте именами.

Теперь такое время, — понимаете? Пожалуйста!

Вовочка изобразилъ на своемъ лицѣ понимание, и принялся за дѣло рьяно.

— Слѣдуетъ привлечь жену Перелерчана — Варвару Аристидовну, — сказалъ ему однажды секретарь.

— И привлечемъ! — сказалъ Вовочка. Онъ очень любилъ прилекать.

— И привлечите. Если мужчина прохвость — ну, такъ онъ прохвость, и больше ничего. А если женщина пошла по этой дорожке, — такъ ужъ это такая рафинировка... Привлеките. Завтра же попросите ее...

Варвара Аристидовна была поражена. Внезапно на нее свалилась повѣстка, точно громъ грянулъ въ стѣну, во время солнечнаго дня. Она надѣла лучшую свою шляпку, нацѣпила изумительную бршь, но въ послѣднюю минуту все замѣнила самымъ будничнымъ, простенькимъ, и сказала самой себѣ:

— Такъ-то лучше!

Вовочка былъ очень вкзливъ съ ней. Онъ былъ холоденъ. Почти не смотрѣлъ ей въ глаза, все время говорилъ: «Гм!» и что-то писалъ. Задавалъ онъ вопросы престранные, такъ что разъ вырвалось у нея:

— Да откуда вы это знаете?

Онъ поднялъ на нее глаза и сказалъ строго:

— Я все знаю.

И онъ подчеркнул все. Такъ подчеркнул, что у нея зазвенѣло въ ушахъ, и завертѣлись передъ глазами оранжевые круги. Слѣдующее дѣло было четыре.

И она вдругъ беззаботно-весело спросила:

— Чего добраго, вы меня арестуете?

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Пока нѣтъ.

Она помертвѣла.

— Пока? А потомъ?

— Видно будетъ.

— Мне надо въ Харьковъ, — вдругъ соврала она.

— Хорошо-съ. Вы меня извѣстите о дѣлѣ выѣзда? Я васъ очень попрошу.

Она возмущилась.

— Такой контроль?..

Онъ косо усмѣхнулся.
— Что дѣлать!..

VI.

Разъ, когда Валентинъ Борисовичъ еще спалъ,—онъ опять жилъ въ той же гостиной, какъ и десять лѣтъ назадъ,—къ нему постучали въ дверь. Онъ посмотрѣлъ на часы—было безъ четверти девять.

— Кто тамъ?—недовольнымъ хриплымъ со сна голосомъ крикнулъ онъ съ кровати.

— Это я: Всеволодъ!

Валентинъ Борисовичъ всунулъ свои волосатые ноги въ туфли и въ одной рубашкѣ встрѣтилъ брата.

— Случилось что?—спросилъ онъ его, зная, что безъ всякой причины братъ не придетъ.

Всеволодъ посмотрѣлъ, куда положить шляпу, и положилъ ее на книги, что лежали на столѣ.

— Случилась скверность, — сказалъ онъ.

Валентинъ Борисовичъ опять легъ подъ одеяло и поощрительно сказалъ:

— Ну!

— Оумъ Оумичу поручено вести нѣкое дѣло о возмутительныхъ злоупотребленіяхъ. Между прочимъ привлечена одна дама. Вдругъ она подала Оумъ Оумичу заявленіе, что проситъ устранить меня отъ дѣла, потому что я мшу ей за тебя, такъ какъ она не отвѣтила на твои исканія...

Валентинъ опять высунулъ ноги изъ подъ одеяла и сѣлъ на кровати.

— Что-о? Кто такая?

— Ты понимаешь, какую тѣнь она вабрасываетъ на меня? И все благодарю тебя!

— Кто такая?—повторилъ Валентинъ, стоя предъ братомъ уже безъ туфель. — Говори, — какъ ей имя?

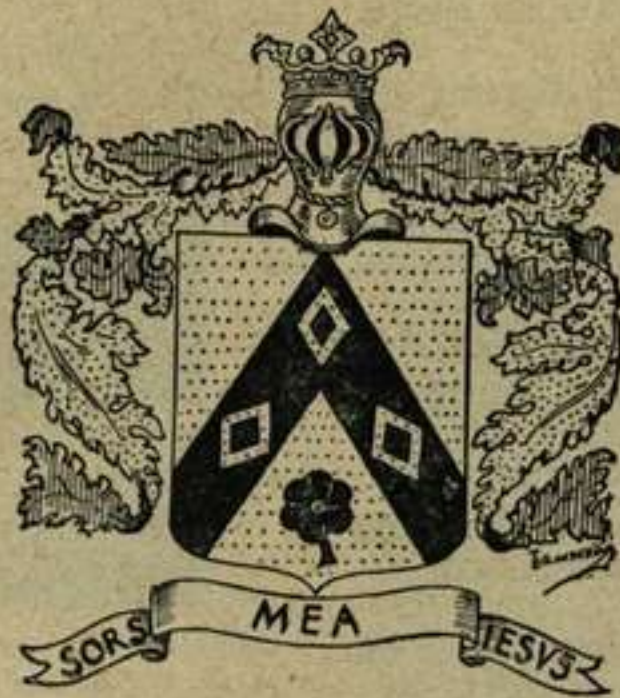
— Какая-то Варзара Аристидовна.

Валентинъ такъ и сѣлъ.

— Она мнѣ не отвѣтила?.. Да въ этой самой комнатѣ десять лѣтъ назадъ...

— Она, ты понимаешь, играла огромную роль. У нея собирались, у нея обсуждали дѣла, отъ нея изъ квартиры давали телеграммы... Наконецъ, съ мужъ...

ГЕРБЪ ЛЕРМОНТОВЫХЪ.

«Въ золотомъ щитѣ черное стропило, обремененное тремя золотыми сквозными веретенами и сопровождаемое въ оконечности чернымъ шестилистникомъ. Шлемъ украшенъ дворянскою короной. Гаметь: червленый, подложенный золотомъ. Бнизу на лентѣ латинскій девизъ: «Sors mea Iesus», т. е. судьба моя въ Исусъ».

Предки поэта — Лермонтовы — принадлежали къ старинному русскому дворянскому роду шотландскаго происхожденія. Въ Шотландіи фамилія Learmonth, встрѣчающаяся уже въ XI в., существуетъ и въ настоящее время. Одинъ изъ этихъ предковъ Георгъ Лермонтъ, вмѣстѣ съ другими Шотландцами и Ирландцами, въ 1618 г. поступилъ на русскую военную службу. Одинъ изъ внуковъ Георга Лермонта, Евтихій Петровичъ, былъ стольникомъ. Отецъ поэта — праправнукъ Евтихія Петровича.

— Ну, да это возможно. А только что я заискивалъ, и она... Это она жлетъ, жлетъ...
— Постой,—но десять лѣтъ назадъ, ты говоришь...
Валентинъ наморщился.
— Ты понимаешь я былъ тогда молодой...
— Это не оправданіе... Да и наконецъ, что за молодъ, тебѣ было за двадцать кривя ротъ въ сторону, сказалъ онъ.—
Вонъ недавно на судѣ одинъ при- Я бы такъ упекъ эту Варечку, а тебѣ сажный повѣренный сказалъ, что въ эти перъ... года Лермонтовъ ужъ умеръ.

— Она сама ко мнѣ...
— Постой,—вы были съ ней въ отхоженіяхъ... Ну, ты понимаешь?
— Если хочешь...
— Совсѣмъ не хочу...
Наступило омовчаніе. Всеволодъ ходилъ по комнатѣ. Затѣмъ онъ вздохнулъ и взялъ шляпу.
— Ты мнѣ всегда во всемъ мѣшалъ, сказалъ онъ.—
Я бы такъ упекъ эту Варечку, а тебѣ свирѣпо посмотрѣлъ на брата.

— А теперь я не могу... Я долженъ быть, какъ жена Цезаря, выше подозрѣній.

Опять помолчали. Вдругъ Валентинъ сказалъ:

— И упекъ!

— А! упекъ!—закричалъ Всеволодъ.— А ты знаешь ли, чѣмъ пахнетъ это дѣло? Ты знаешь? Ты пользовался благорасположеніемъ этой особы, а теперь говоришь: упекъ! Ты стоишь поперекъ моей дороги,—и я долженъ свернуть въ сторону. И я сверну,—да, сверну!

И онъ, не прощаясь, направился къ выходу.

Отворивъ дверь, онъ сказалъ брату:

— Я бы попросилъ тебя при встрѣчѣ со мной на улицѣ не кланяться! Да!

И онъ ушелъ, хлопнувъ дверью. А Валентинъ остался сидѣть въ креслѣ, рассматривая свои ноги и думая:

— Варечка-то. а? Скажите на милость....

П. Гвѣздочъ.

Крымскій альбомъ.

Въ Гурзуфѣ.

(Советъ).

Падъ генуэзской ярбыстью луна.
Въ сѣняхъ тихомъ дремлютъ «адалары»;
Чуть шелеститъ у берега волна...
Дыханье розъ — и кипарисовъ чары.

Какъ эта ночь тепломъ упоена!
Но чу! глухіе, мѣрные удары...
Неясная тревога внесена;
Вновь чудятся забытые кошмары...

Звукъ яствешпѣй. Вотъ чернѣе силуэтъ,
Зловѣщій въ лунной мглѣ... Сомнѣній нѣтъ,
То, безъ огней, корабль идетъ военный!

То море плетъ намъ вѣсть, — и своей укорь, —
Что въ эту ночь, въ сияющей просторъ,
Духъ Зла и Смерти крадется измѣной...
Ив. Тлоржевскій.

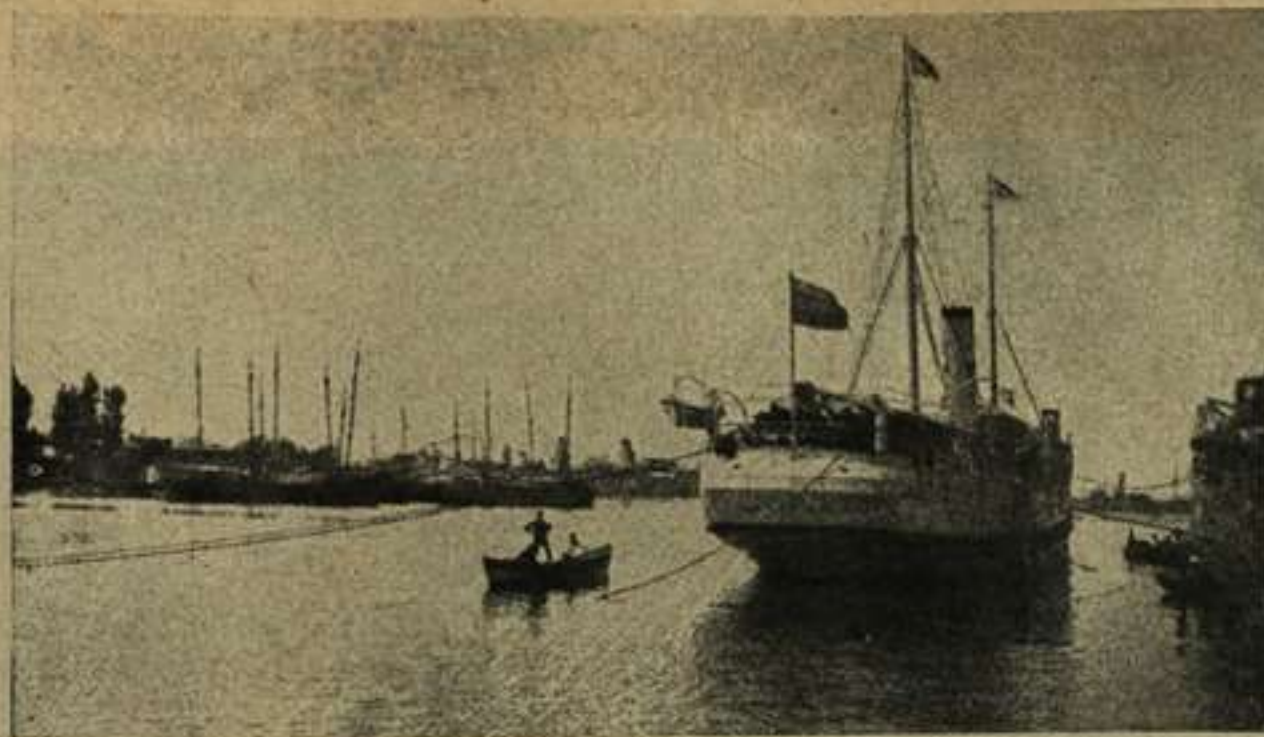
Памятникъ М. Ю. Лермонтову въ саду при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ въ Петроградѣ, сооруженный по проекту скульптора Минѣшина. Въ этомъ училищѣ поэтъ воспитывался до 1834 г., когда былъ выпущенъ корнетомъ въ л.-гв. гусарскій полкъ.

Литературные замѣтки.

Жизнь въ уродливомъ отраженіи.

Наша литература имѣетъ болѣе всего тяготѣнія къ изображенію средняго уровня жизни, ея будничныхъ явленій и такихъ же будничныхъ героев. Все болѣе яркое, болѣе крупное по фигурѣ и болѣе рѣзкое по очертаніямъ,—какъ въ сторону положительную, такъ и отрицательную,—находится въ большинствѣ случаевъ какъ бы вне поля зрѣнія нашихъ белетристовъ. Они не рѣшаются брать за изображеніе лицъ съ высокимъ душевнымъ складомъ, равно какъ и такихъ, въ которыхъ отражаются слишкомъ уродливыя стороны человеческой природы. Если страхъ передъ такъ называемыми «положительными типами» можетъ быть объясненъ до ѣкоторой степени тѣмъ, что русскій писатель не слишкомъ твердо увѣренъ въ ихъ реальность бытія, то и нелюбовь къ изображенію чудницъ и уродцевъ должна вытекать изъ подобнаго же основанія: въ насъ никогда нѣтъ полной увѣренности, что такіе выродки, лишеныя всякаго человеческого образа и подобія, могутъ дѣйствительно существовать «въ чистомъ видѣ»,—мы всегда болѣе склонны думать, что и въ самыхъ уродливыхъ представителяхъ породы, получившей названіе «homo sapiens», можно найти ѣкоторыя человеческія черты. Поэтому, когда читатель наталкивается въ произведеніяхъ какого-либо писателя на коллекцію уродцевъ, то онъ находитъ это иногда занимательнымъ, какъ можетъ завлечь насъ все, выходящее изъ круга привычныхъ впечатлѣній, но онъ не вѣритъ въ это. Такое любопытство возбуждаетъ въ насъ рядъ лицъ, изображенныхъ въ повѣстяхъ и разсказахъ г. Е. Замятіна. Авторъ далъ своимъ очеркамъ одно общее названіе «Уздное»^{*}; однако, не только было бы

^{*} Е. Замятинъ. *Уздное*. Повѣсти и разсказы. Изд. М. В. Понова. Петроградъ. 1916 г. Стр. 195. Ц. 1 р. 50 к.

Госпитальное судно Краснаго Креста «Впередъ», потопленное германо-турецкою подводною лодкой въ Черномъ морѣ.
Судно снято художн. О. І. Стремимковскимъ.

несправедливо считать очерки г. Замятіна нѣмъ гость, и показалось ему, что трется въ ринимъ отраженіемъ нашей «уздной» кто-то у ногъ: «Глангуль,—а у ногъ на жизни вообще, но сомнительно, чтобы мо- полу Собачей-Варвара. Ласково скалила со- бачьи зубы, глазами молчала-молчала: «Ну, нѣтъ героевъ съ тѣмъ обличіемъ, которое если не хочешь, ты хоть ударь, хоть подѣлалъ или захотѣлъ подѣлать въ ударь»,—«терпѣсь о поги...» Ея отецъ, нѣмъ авторъ. У героя первой повѣсти (по протопопъ, любить вести бесѣды съ «козе- которой озаглавленъ и весь сборникъ) мы мордыми», съ веселыми чертенятами, ко- напрасно стали бы искать проблесковъ ду- торые обыкновенно являюся къ нему по- шевной жизни; и самъ авторъ это оче- просту нагишомъ: «Въ такомъ видѣ лю- видно сознаетъ, такъ какъ описаніе по- бить ихъ отецъ Петръ. Вотъ если они при- нимаютъ звать человѣчій,—нашей одежды не любятъ они, больше есе голышомъ,— ну, тогда ужъ...» Одинъ изъ героевъ, какъ Константинъ Едытинъ, самъ о себѣ сви- дѣтельствующій, что онъ обладаетъ «есте- ственною любознательностью ко всему уче- ному міру», отличаются непроходимой ту- постью; другіе, какъ занимающій долж- ность почтмейстера князь, инспекторъ нѣмъ, а старая воскресная курган- ная баба, нелѣпая русская каменная баба...» Въ «Алатырь» авторъ выво- дитъ цѣлый человѣчскій звѣринокъ,— нѣсть геронъ даже прозвище имѣетъ Радивонъ Радивоновичъ и пр. или зани- «Собачей-Варвара». Явился въ домъ къ маютя распространіемъ въ городѣ Ала-

тырь языка «эсперанто», или штудируютъ нарочито для сей цѣли выписываемый «Готскій альманахъ», разговоръ же ведутъ въ обществѣ въ такомъ родѣ: «...Одеколо- ны—вотъ это я очень уважаю... Цикла- монъ, вотъ, и еще... какъ бишь? Корило... Борилоспись,— съ трудомъ вспомнилъ князь». Отъ привычки къ воспріятію глав- нымъ образомъ уродливыхъ сторонъ быта и уродливыхъ чертъ человеческого характера авторъ впадаетъ въ манерность, не поки- дающую его иногда и тамъ, гдѣ онъ отно- сится къ героямъ очевидно съ сочув- ствіемъ, благодаря чему герой разсказа «По- путевый», студентъ Сениа, производитъ, напр., впечатлѣніе фарсового актера, взду- маннаго выступить въ роли трагика или перваго любовника. Едва ли не единствен- ную вещь въ сборникѣ, написанную безъ «выверта», является разсказъ «Чрево», въ которомъ страшная деревенская драма,— убійство женою нелюбимаго мужа,—раз- сказана безъ покушенія на усиленіе эффек- та вышними приемами.

В. Ю. Б.

Мелочи.

Ружья вѣющихъ.

Ружья, которыми вооружены арміи сражающихся странъ, отличаются другъ отъ друга только въ мелочахъ: все вво- дившіяся какимъ-либо изъ государствъ усовершенствованія немедленно одобря- лись сосѣдями и особенно—врагами. Опѣ- нить достоинства современныхъ ружей можно, только принявъ во вниманіе, къ чему стремились при ихъ усовершенст- вованіи, и почему стремились къ этому. На полѣ битвы въ разгарѣ сраженія большинство солдатъ стрѣляютъ доволъ- но плохо; такъ называемый процентъ по- паданій малъ, и только при затратѣ огромнаго количества патроновъ пѣхота можетъ проявить всю свою силу. Поэто- му скорость стрѣльбы—основное достоин- ство ружья, хотя и точностью стрѣльбы нельзя пренебречь, такъ какъ она мо-

ОРУДІЕ-ЧУДОВИЩЕ.

Французскій отвѣтъ на германское 42-сант. орудіе. Нѣмецкая гаубица этого калибра выпускаетъ снаряды въсомъ 900 килограм., заряженное 120 килограм. мелинита или тринадцато- толуола. Снарядъ летитъ около 14 километровъ подъ угломъ въ 45°. Орудіе перевозится по обыкновеннымъ нѣмецкимъ дорогамъ на особыхъ платформахъ. Французское орудіе отнюдь ни въ чемъ не уступаетъ такому же нѣмецкому.

„L'Illustration“.

жетъ пригодиться при возможности по-заботиться о точномъ прицѣлѣ.

Но чтобы солдаты могли тратить мно-го патроновъ, они должны имѣть ихъ въ изобиліи, время отъ времени пополняя свой запасъ. Пополненіе запасовъ зави-сится отъ организаціи ихъ доставки, но количество патроновъ, которое можетъ имѣть при себѣ солдатъ, зависитъ отъ конструкціи ружья, и главнымъ усовер-шенствованіемъ въ вооруженіи пѣхоты было облегченіе вѣса патроновъ.

Сопротивленіе воздуха снарядамъ одной и той же формы пропорціонально ихъ поперечному сѣченію, а замедляю-щее вліяніе этого сопротивленія обратно пропорціонально ихъ вѣсу; отсюда слѣ-дуетъ, что для одинаковыхъ снарядовъ замедляющее вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше калибръ. Такимъ образомъ пони-женіе калибра трипшло исправлять по-вышеніемъ вѣса снарядовъ и удлинять ихъ, чтобы повысить такъ называемую плотность сѣченія снаряда.

Но какъ только пули стали длиннѣе, для сохраненія устойчивости ихъ полета трипшло сообщать имъ большую ско-рость вращения, и слѣдовательно дѣлать нарѣзку болѣе сжатой, такъ сказать болѣе винтообразной, а свинець для такой нарѣзки слишкомъ мягокъ. Проблема по-ниженія калибра изучалась и была рѣ-шена двумя Швейцарцами: профессоромъ Гейблеромъ и артиллерійскимъ полковни-комъ Рюбеномъ.

Затѣмъ послѣдовалъ новый перево-ротъ: улучшеніе формы пули съ цѣлью дальнѣйшаго уменьшенія сопротивленія воздуха. Появилась пуля Д, которую нельзя назвать конической, такъ какъ профиль ея скорѣе—стрѣльчатый.

Не измѣняя вѣса снаряда, а только не-много повысивъ калибръ, благодаря но-вой формѣ, достигли той же скорости и той же дальности боя при меньшемъ да-вленіи внутри дула, что по своему важно. Нынѣ въ нѣкоторыхъ дулахъ давленіе превосходитъ 3.000 кило, т. е. 180 пудовъ на 1 кв. сантиметръ и довольно быстро портитъ даже самую твердую специаль-ную сталь. Оно настолько велико, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, дальнѣйшее пре-успѣяніе баллистики невозможно безъ изысканія новыхъ пуль.

Въ теперешнихъ французскихъ лебе-левскихъ ружьяхъ пуля Д позволила по-высить начальную скорость съ 630 до 720 метровъ. Нѣмцы нашли, что ихъ сталь можетъ вынести очень высокія давленія и, повысивъ зарядъ пороха, добились скорости въ 885 метровъ, но при давленіи въ 3.200, тогда какъ давленіе во француз-скихъ ружьяхъ—2.400. Большая началь-ная скорость придаетъ полету герман-скихъ пуль на протяженіи 800 метровъ большую прямизну, такъ что изъ нѣмец-кихъ ружей на короткихъ разстояніяхъ можно стрѣлять точнѣе, но при стрѣль-

ВЪ СТРАНѢ ПОЗОРА.

— Государь, кровь можетъ быть и выдѣтъ, но грязь останется навсегда! — Le Rire.

бѣ на большія разстоянія преимущество за французскими ружьями. Понятно, что важнѣе имѣть лучшее ружье для корот-кихъ и среднихъ разстояній, но разница въ точности однако не велика.

Появившіяся въ послѣднее время такъ называемыя автоматическія или скоро-стрѣльные ружья пока составляютъ нор-мальное вооруженіе только мексиканской пѣхоты. Наши противники ввели ихъ на нѣкоторыхъ участкахъ фронта, но вслѣд-

ствіе затрудненій по снабженію этихъ ружей они не могутъ служить обычнымъ вооруженіемъ боевыхъ отрядовъ.

Нѣсколько ружей-пулеметовъ Гочкиса и подобныхъ имъ примѣняются и союз-никами. Но это уже почти не ружья: вѣ-сятъ 9 кило, т. е. около 22 фунтовъ, и должны обслуживаться двумя солдатами: одинъ наводитъ, опирая ружье на под-ставку, другой подставляетъ патроны. Скорострѣльные ружья дѣйствуютъ

силой отдачи, какъ «браунинги»; прибли-зительно въ секунду всѣ десять патро-новъ магазина расходуются, а перезаряд-ка отнимаетъ нѣкоторое время; надо огу-стить ружье и ввести въ него содержимое новой зарядной пластинки.

Во Франціи и Англіи вопросъ о скоро-стрѣльныхъ ружьяхъ передъ войной былъ подвергнутъ обсужденію и были опубликованы программы, которымъ долж-но удовлетворять новое оружіе. Станутъ ли новыя ружья общимъ вооруженіемъ, можно рѣшить только послѣ продолжи-тельной и тщательной проверки.

Вліяніе стрѣквой кислоты на войну.

Англійскій профессоръ Доунайтъ, въ рѣ-чи о вліяніи химіи на цивилизацію, про-изнесенной имъ въ аудиторіи при по-выхъ химическихъ лабораторіяхъ уни-верситетскаго колледжа въ Лондонѣ, на-помнилъ своимъ слушателямъ объ из-вѣстномъ изреченіи, что цивилизован-ность націи опредѣляется количествомъ потребляемой ею сѣрной кислоты. Такъ этого или нѣтъ,—сказалъ профессоръ,—по развитію и примѣненію химіи будетъ ха-рактерной и господствующей особен-ностью новаго вѣка, подобно тому, какъ чрезвычайное развитіе механики и ин-женернаго дѣла было главной особен-ностью прошлаго вѣка. Только одна Гер-манія среди всѣхъ націй предвидѣла это. Химія создала силу нынѣшней Гер-маніи. Одна Германія вполнѣ поняла, что задача организаціи націй для напа-денія и обороны—въ широкой мѣрѣ за-виситъ отъ развитія и организаціи при-кладной химіи и изученія химіи. Мы же до войны не поняли этого жизненнаго и основнаго факта. Мы можемъ ненавидѣть войну, но мы должны защищать нашу честь и право. Можно торжествен-но заявить, сказалъ дальѣ про-фессоръ, что сѣрная кислота въ настоя-щее время равнодѣнна крови для Англіи. Нравится намъ это или нѣтъ, но безъ сѣрной кислоты и нѣсколькихъ другихъ основныхъ химическихъ веществъ Англія была бы повергнута въ прахъ и кровь ея доблестной молодежи была бы проли-та напрасно, какъ трагическое возліяніе богамъ тшесланія и невѣжества.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ
НЕ МЕНѢЕ
500.000 СИГАРЪ ГАВАНСКИХЪ, ГОЛЛАНДСК., ШВЕЙЦАРСК. и ПР.
20.000 ФУН. АНГЛО-АМЕРИКАНСК. ТРУВОНАГО ТАБАКУ.
1.000.000 ЕГИПЕТСКИХЪ и ДРУГ. ПАПИРОСЪ.
ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.
Обширнѣйшій въ Россіи и Финляндіи
СКЛАДЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТАБАКОВЪ, СИГАРЪ и ПАПИРОСЪ
АРИСТОТЕЛЕСЪ КАЛОГЕРОПУЛО.
Контора и оптовый складъ: Петроградъ, Ждановская наб., 3. Тел. 153-98.
Опдово-розничные магазины: 1) **Купчикъ**, противъ зданія вокзала. Тел. 16.
2) **Терюкы**, Большая дорога, д. Богомолова, вонлѣ аптеки.

ЗАОЧНОЕ РИСОВАНІЮ
ОБУЧЕНІЕ
по изданію «ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ» подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присылаемыя работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладнаго искусства.
Содержаніе вышедшихъ изъ печати томовъ 1—8.
Наблюдатель а) перспектива, Композіяія, Линейная перспектива, Наброски—Т. И. КА-ТУРКИНА. Отмычка тушью, Акварель—В. А. ЛЕПИКАША. Дѣль искусства, Философскіе взгляды—В. ЛЬСОВОГО. Опытъ живописи масляными красками—А. В. МАКОВСКАГО. Элементарное рисованіе, Курсъ орнамента, Уголь, Рисованіе частей человѣческаго тѣла—А. Г. НОВИКОВА. Что такое искусство—И. Е. РЫШИНА. Очерки по исторіи живописи—В. Ф. ШЛЕЦЕРА.
Изданіе «ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ» является грамматикой искусства и охва-тываетъ полный курсъ знаний, необхо-димыхъ любому человѣку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ. Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы; для гг. художниковъ и учителей рисованія; наконецъ, для родителей, желающихъ заниматься съ дѣтьми, «ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ» является незамѣни-мымъ пособіемъ.
Краткій проспектъ бесплатно. — Подробный проспектъ «Искусство» за 15 коп.
Во всюю корреспонденцію адресовать: въ Главную Контору Книгоиздатель-ства «ВЛАГО», ПЕТРОГРАДЪ, Николаевская, 41.
Собственные магазины: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 65; МОСКВА, Мясницкал, 18.
Съ 1 августа Главная Контора перемѣщается на Главную ул., собств. д. № 18.

Гг. ОФИЦЕРАМЪ
небывало СВѢТЛО, ДОЛГО горячіе
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
Петроградъ, Морская, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ.

Въ июльскихъ номерахъ **„ВѢСТНИКА МОДЫ“** помѣщено: 188 рис. дѣтскаго и дѣтскаго туалета; 89 рис. рукодѣлій; 89 выкройки. Тайна подводной лодки Ром. Г. Торнъ. Непонятная душа. М-ччъ Влардо. Оисходительность А. де-Гурле. Путь къ счастью. Вездѣ вторая. О температурѣ пици и питія. Меню завтрака и обѣда съ и одробнымъ влоказіемъ приготовления. Е. Николаевы. Недостатки въ дѣлѣ лица. Е. де-Брутель. Полезные сонеты. Почтовый ящикъ. Журналъ по 1-ое августа распродать. Открыта подписка съ 1-го Августа на 4 мѣсяца. Цѣна 8 р. 50 к. Новый адресъ: конторы: Петроградъ, Александринскія пл., 9

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» продается романъ
М. ЛЕБЛАНЪ
Необычайныя приключенія Арсена Люизана
Изданіе 8-е Цѣна 60 коп.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14504

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 23 ЮЛЯ (5 АВГУСТА) 1916 ГОДА.

№ 14504

ВЪ СТАВКѢ ВЕРХОВАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ принимаетъ депутацію войскъ Кавказской арміи, участвовавшихъ во взятіи крѣпости Эрзерума. Представленіе Его Императорскому Величеству турецкихъ знаменъ.

Крымскій альбомъ.

1. Учань-Су.

Громады сосенъ. Скалы вѣмьхъ громада.
И тонкая серебряная нить
Чуть виднаго въ ущельѣ водопада...
Но въ немъ одномъ порывъ. Крутомъ —
преграда.
И всей картинѣ онъ здѣсь молвить:
быть!

2. Шоссе.

Стремительный, рѣзкій
Дороги извивъ —
И въ зелени, въ блескѣ
Надъ моремъ обрывъ.

Ввѣрайся отвагъ,
Здѣсь скалы въ цвѣтахъ!
Вотъ круче зигзаги —
И лѣсъ, въ облакахъ;

И въ трещинѣ горной
Не ставшій снѣгъ...
Крайнѣ этотъ торный
И пыльный пробѣгъ!

Какъ страсти, съ ихъ бредомъ
Восторженныхъ сновъ,
Онъ всѣмъ уже вѣдомъ,
И каждому новъ!

Ив. Тхоржевскій.

Блцкы.

I.

— Вѣйте, вѣтры, съ сѣвера... —
по слогамъ диктовала моя учительница,
Марья Симоновна, своимъ отчетливымъ,
безстрастнымъ голосомъ. Я, наклонивъ па-

бокъ голову и закусивъ кончикъ нижней до въ садъ—прямо въ кустъ сирени. Мое
губы, что служило признакомъ старатель- вниманіе привлекла маленькая пташка
ности и особаго напряженія мысли, выво- съ желтымъ пятномъ на груди, усѣвшая
диль неуклюжія буквы посматривая од- ся на вѣтку сирени и забавно чистившая
нимъ глазкомъ въ окно, которое выхода- своей клювъ.

Диктовка всегда происходила въ концѣ
уроковъ, послѣ чего я былъ свободенъ до
обѣда, поэтому во время диктовки я осо-
бенно волновался и слогалъ нетерпѣливо
услышать магическое слово: «довольно».
Но на этотъ разъ, какъ нарочно, Марья Си-
моновна диктовала безъ конца, и ея худо-
е лицо съ длиннымъ заостреннымъ носомъ
(благодаря чему по ассоціаціи идей въ мо-
емъ воображеніи она олицетворяла соро-
ку) было мнѣ въ ту минуту особенно не-
назвистно.

«Ахъ, если бы только не улетѣла пти-
чка! Вѣдь ее такъ легко сейчасъ поймать:
подкрадешься сзади—и прямо за хвостъ.
Такой птички я, право, никогда не видѣ-
валъ прежде»,—мелькало въ головѣ, за-
ставляя усиленно биться сердце.

— Предупреждаю васъ, каждое слово
съ ошибкой будете переписывать по десяти
разъ. Советую вамъ писать вниматель-
но, — раздался сухой, отчеканивающій
каждое слово, голосъ учительницы.

Но вотъ, наконецъ, диктовка окончи-
лась. Ошибки переписаны.

— Ну, ступайте теперь, да только не
забывайте, что черезъ полтора часа обѣда,
а то вы вѣчно гдѣ-то пропадете. Вообще
вы должны твердо помнить, что вамъ уже
почти десять лѣтъ и что черезъ каки-
нибудь недѣли дѣтъ вы будете гимнази-
стомъ,—не могла обойти она безъ обы-
наго напутственнаго слова.

— Хорошо, хорошо, не беспокой-
тесь...— на ходу отвѣтилъ я и бросился
въ садъ къ кусту сирени.

О, счастье! Птичка все еще продолжала
сидѣть на вѣткѣ сирени. Съ затаеннымъ
дыханіемъ сталъ я подкрадываться, но
птичка замѣтила меня и, вспорхнувъ, по-
тонула въ синевѣ яркаго дня. Легкое раз-

НА СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Главнокомандующій раздаетъ боевыя награды.

Съ фот. В. Лампе.

НА СЪВЕРО-ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

НА РАЗВѢДКѢ. Раненый товарищъ.

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

Полк. Ив. Иос. Деренковскій.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й
степ. и Георгіевскимъ оружіемъ.
Палъ смертью храбрыхъ при
атакѣ подъ К*** 15 июня 1916 г.

очарованіе на мигъ омрачило мое лицо, по
сознанію, что сегодняшніе уроки уже окон-
чились и я предоставленъ самому себѣ на

Летчикъ М. А. Владиміровъ (Изунецовъ).

Артистъ Императорскихъ театровъ до войны, М. А. Владиміровъ добровольцемъ
включился на военную службу, окончивъ зимой 1914 года теоретическіе курсы
авіаціи при Политехническомъ Институтѣ, а вѣтѣмъ практическую авіаціонную
школу на югѣ. Хорошій спортсменъ и фотографъ, онъ быстро освоился съ требова-
ніями авіаціонной службы на фронтѣ и за проявленные имъ отличія былъ награ-
жденъ георгіевскими крестами 4-й и 3-й степ. и чиномъ прапорщика. 12 июня с. г.
онъ геройски палъ на полѣ брани. О немъ упомянуто въ сообщеніи штаба Верхов-
наго Главнокомандующаго. Около М. А. Владимірова стоитъ офицеръ-наблюдатель.

полтора часа, снова вернуло мнѣ жизне-
радостное настроеніе.

— Кончилъ дѣло—гуляй смѣло!—за-
пѣлъ я и побѣжалъ вприпрыжку по
аллеѣ сада.

Былъ августъ, который уже слегка по-
дернулъ золотистымъ отливомъ осень всю
природу. За заборомъ нашего сада былъ
раскинутъ на десятинахъ двухъ багтанъ
купца Теренина. Багтанъ этотъ сторо-
жилъ восьмидесятилѣтній дѣдъ Игнатъ, мой
тайный другъ. Къ нему-то я и направилъ
свои стопы. Передѣвъ черезъ заборъ, уты-
канный гвоздями, было для меня дѣломъ
привычнымъ, потребовавшимъ не больше
минуты. Такимъ образомъ, я очутился по
ту сторону забора—границы нашихъ вла-
дѣній—на землѣ, принадлежащей купцу
Теренину.

Еще издали увидѣлъ я дѣда Игната,

сидящаго на своемъ обычномъ мѣстѣ око-
ло курена съ трубкой въ зубахъ. Цѣлая
собака было хрипло залаяла, но, узнавъ
меня, ласково замахала хвостомъ и снова
улеглась калачикомъ.

— Здоровеньки были, паничъ,—отвѣ-
тилъ дѣдъ на мое привѣтствіе и проги-
нулъ свою огромную, закорюзную руку.

Сморщенное лицо его расплылось въ широкую улыбку, выцвѣтшіе глаза сузились
и обнажились два единственныхъ зуба.
Потрясла нѣсколько разъ руку дѣда, я
опустился на землю рядомъ съ нимъ.

— Ну, что-жъ, паничъ, много сегодня
науки задавали?

И онъ уставилъ на меня смѣющіеся
глаза.

— А ты думаешь, мало? Сегодня я и
по арифметикѣ, и по русскому языку, и
по Закону Божьему, и по чистописанію
занимался, да еще и диктовку писалъ.
Вотъ какъ,—съ важностью отвѣтилъ я,
стараясь пустить пыль въ глаза.

— А все-таки, какъ вамъ ни изу-
чайте науки, а природы ни въ жизни не
осилюте. Природа сильнѣе науки,—визалъ
въ свой любимый философскій тонъ дѣдъ
Игнатъ.

— Какъ это такъ?

— А вотъ я вамъ одну приказку ска-
жу, тоща, можетъ быть, и поймете. Былъ,
значить, на свѣтѣ одинъ человекъ учен-
ный, который до того въ наукѣ дошелъ,
что выучилъ кошку свою, можно сказать,
тварь безсловесную, фокусамъ всякимъ:
и по канату ходить, и на одной ножкѣ
прыгать, и на тѣлѣжкѣ кататься и вся-
кія другія премудрости творить. Словомъ,
все понимаетъ кошка, какъ человекъ,
только что не говоритъ. Ну, и вотъ одинъ
разъ, когда этотъ самый ученный со своей
кошкой представленъ передъ публикой дѣ-
лать, какой-то простой мужичокъ и пу-
сти мышъ. Эхъ, какъ увидитъ ее кошка,
какъ бросится вдогонку... Ученый этотъ
самый кричитъ на нее, требуетъ, чтобы
она на мѣсто вернулась да фокусы про-
должала показывать,—такъ куды тамъ:
никакого вниманія на него! Все за
мышью гоняется. Тогда этотъ мужи-
чокъ-сирочокъ и говоритъ ученому:
«Вотъ вамъ, господинъ, и наука ва-
ша хваленая». Да, природа сильнѣе науки.

Прапорщ. М. Я. Николенко.
Палъ смертью храбрыхъ.

И дѣдъ Игнатъ презрительно сплюнулъ
въ сторону.

Помолчалъ нѣкоторое время, онъ спро-
силъ:

— А на кого же вы, паничъ, учиться
будете въ гимназій: на доктора, или на чи-
новника адѣйснаго, или на становаго, а то
и на исправника?

— Папа и мама мнѣ говорили, что если
я хорошо учиться буду, то даже губерна-
торомъ могу сдѣлаться. Вотъ, когда я
сдѣлаюсь губернаторомъ, я тебѣ, дѣдъ, то-
ща мѣсто урядника дамъ... Хочешь?..

— Нѣтъ, не хочу,—презрительно про-
цѣдилъ дѣдъ.—Я теперь старый, и мнѣ
нижкакой другой должности, какъ сторожа,
не нужно. Для стариковскаго счастья не-

много нужно: солнышко ярко свѣтать,
кузничникъ въ травахъ спрочучать, арбузъ
зрѣть, всякая былинка произрастаетъ и
всякая тварь по-своему Творца просла-
вляеть,—вотъ я гляжу на все это—и
счастливъ... Самое большое счастье—это на
мѣрѣ Божій любоваться... И ничего мнѣ
больше не нужно. Вотъ, если дастъ Богъ,
вы до высокихъ чиновъ дойдете да денегъ
много набредете, то насадите лучше баг-
танъ, а меня сторожемъ поставьте... Это
дѣло будетъ,—шутливо добавилъ дѣдъ.

— Ну, хорошо... Когда сдѣлаюсь гу-
бернаторомъ, непременно багтанъ наса-
жу, а тебя сторожемъ сдѣлаю. А курень
тебѣ я построю красавый, съ печкой и
окномъ.

— Спасибо за доброе слово, паничъ. А
вонъ уже и моя внучка обѣдъ мнѣ несетъ.
Я оглянулся и увидѣлъ приближаю-
щуюся къ намъ коренастую, полноводную
дѣвку Одарку, блистающую на солнцѣ
своими босыми ногами.

Она каждый день носила обѣдъ дѣду, и
я былъ также друженъ и съ ней.

— А паничъ уже тутъ какъ тутъ. Ну,
здоровеньки были!—засмѣялась она сво-

Капитанъ Г. М. Раевскій.
Скончался на войнѣ.

НА СЪЕРО-ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Ген.-м. С. Н. Лоповъ. Награжд. орденомъ св. Георги 4-й ст. за то, что, командуя Г*** пѣх. полкомъ, послѣ упорнаго боя въ ночь на 11-е окт. 1914 г. овладѣлъ переправой чрезъ р. Салъ у д. Врандница, а послѣ переправы мужественно и спокойно оборонялъ захваченный имъ участокъ отъ превосходнаго въ силахъ противника, отразивъ около 20-ти его атакъ и удержавъ до конца свои позиции.

Ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ, постѣивъ на передовыхъ позиціяхъ 17-ый передовой отрядъ Краснаго Креста имени Е. И. В. Вел. Ки. Николая Николаевича. Главнокомандующій раздавалъ Георгіевскія отличія медицинскому персоналу и санитарамъ за отличную службу. Всѣ военныя власти на фронтѣ отзываются о дѣятельности отряда съ горячей похвалой и уваженіемъ. Отрядъ работаетъ при условіяхъ боевой военной жизни, помѣщаясь въ землянкахъ, палаткахъ, подвергаясь нѣрѣдко немалому риску. Въ послѣднихъ бояхъ при перевозкѣ раненыхъ были ранены санитары и убиты и ранены 8 лошадей. Въ центрѣ группы ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ. Рядомъ съ нимъ — графиня М. П. Шувалова (получила Георг. медаль 1-й ст.). Позади нея, нѣсколько правѣе, начальникъ отряда князь Д. Л. Вяземскій. Крайнѣе направо — ки. Д. А. Оболенскій и, во второмъ ряду, гр. С. Л. Галенъ.

Поруч. Е. А. Шиловскій. Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

имъ звонкимъ серебристымъ смѣхомъ и, поставивъ на землю подлѣ дѣда узелокъ, протянула мнѣ свою красную мозолистую рубку.

— А, ну, посмотримъ, что ты намъ на обѣдѣ сегодня смастерила, — засмѣялся дѣдъ и сталъ развизывать узелъ, въ которомъ оказался горшокъ, закрытый лопухомъ; поверхъ лопуха были положены одинъ на другой огромныя, толстыя гречневые блины, лоснящіеся отъ сала.

— Ого, сегодня у насъ, паничъ, настоящій праздникъ: блиновъ Одарка напекла.

— Но почему эти блины такіе черные да толстыя? У насъ съедемъ другіе по-

кутъ: тоненькіе, бѣленькіе, красивенькіе, — похвастался я.

— Знаю, что паны съедемъ другіе блины покутъ, да только панскіе блины про-

тивъ нашихъ мужичковъ нигуда не годятся. Вотъ, попробуйте, паничъ, одного, тогда и скажете.

И дѣдъ взялъ верхній блинъ и подаль мнѣ.

Были ли, дѣйствительно, блины замѣчательны или я былъ слишкомъ голоденъ, но только, откусивъ кусочекъ блина, я ощутилъ во рту такую небывалую прелесть, что въ мигъ съ какой-то жадностью съѣлъ весь блинъ и даже невольно облизалъ пальцы, лоснящіеся отъ сала.

— Ага, я говорилъ вамъ, паничъ, что, такихъ блиновъ вы въ жизни не ѣдали, — воскликнулъ дѣдъ, съ наслажденіемъ наблюдая за моимъ процесомъ ѣды. — Получайте еще другой...

— Но тогда тебѣ, дѣдъ, не хватить, — больше изъ вѣжливости возразилъ я.

— Хватить, не бойтесь. Тутъ цѣлыхъ двѣнадцать блиновъ; вамъ шесть и мнѣ шесть. Кушайте на здоровье, лишь бы охота была.

Я и второй блинъ съѣлъ еще съ большимъ наслажденіемъ, затѣмъ незамѣтно третій, четвертый и пятый. Отъ шестого я категорически отказался, такъ какъ почувствовалъ, что въ желудкѣ моемъ уже нѣтъ большаго мѣста.

— Ну, а теперь, паничъ, кулишу похлебаемъ... Послѣ блиновъ это полагается, чтобы блины, значить, на самое дно опустились.

И дѣдъ подаль мнѣ деревянную, обгрызенную ложку.

— Право, не могу, я уже сытъ...

— А вы сначала попробуйте одну ложку, а потомъ уже и говорите: можете, или не можете... Кулишъ вѣдь съ саломъ...

Я попробовалъ и пришелъ къ тому заключенію, что только кулишъ, и именно этотъ кулишъ съ саломъ и лукомъ я еще могу съѣсть... Мы принялись съ дѣдомъ хлебать изъ горшка жирный кулишъ...

При этомъ, стараясь подражать дѣду, я, пока несъ ложку отъ горшка къ губамъ, подставлялъ подъ ложку кусокъ хлѣба. Когда кулишъ былъ съѣденъ, дѣдъ выбралъ изъ кучи арбузовъ, лежавшихъ подлѣ куреня, въ тѣни, самый зрѣлый и,

разрѣзавъ его на части, предложилъ мнѣ и Одаркѣ. Дѣдъ и Одарка ѣли арбузъ съ хлѣбомъ, а же безъ хлѣба.

II.

— А я, дѣдъ, сегодня у Оксаны Вогченки была... съ полнымъ ртомъ еле проговорила Одарка.

МАЛЕНЬКАЯ ДОЧЬ РУДОНОПА, СОБРАВШАЯ 11,000 РУБЛЕЙ НА ПРИОБРѢТЕНІЕ САНИТАРНАГО АВТОМОБИЛЯ.

Дочь рудонопа, маленькая Джени Дженсионъ въ продолженіе 12-ти мѣсяцевъ собирала на улицахъ Еарлза деньги на нужды войны. Въ результатъ ей удалось набрать 1100 фунтовъ стерлинговъ мѣдной монетой (11,000 рублей). На эти деньги купленъ санитарный автомобиль и полное оборудованіе для полевого лазарета. Дѣвочку приняла вдовствующая королева Александра, благодарившая ее за труды.

На фотографіи королева Александра и Джени Дженсионъ въ солдатскомъ нарядѣ.

Подполк. Есвол. Елад. Гроденовъ. Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ. Трижды контузенъ и раненъ.

НА ВОЙНѢ.

Въ Прибалтійскомъ районѣ. Занятіе укрѣпленной Германцами латышской мызы.

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

— Ну, что-жъ она, сердечная?

— Ни за что не выживешь, совсѣмъ помирать собралась... Такая худая-худая стала: однѣ кости да кожа, а глаза ввалились... При мнѣ это matka ея съ базара изъ мѣстечка прѣхала, привезла ей все для похоронъ: и сподницу новую, и черевички красные, и ленты, и цвѣты бумажные, и свѣчи восковыя да ладанъ... Показала все это Оксанѣ да и говоритъ: «Вотъ, какъ я тебя, дочка, одѣну, когда ты помирешь... Будешь ты у меня, говоритъ, нарядная да красивая въ гробу лежать... Пукай всѣ знаютъ, какъ matka тебя любить». А она, сердечная, обрадовалась, обрадовалась и все ленты да цвѣты примѣриетъ да въ зеркало посмотрится... А руки худенькія, худенькія, и все трясутся... А все-таки я ей завидую, что она молодой умретъ...—мечтательно добавила Одарка.

— Что тутъ хорошаго?—невольно вырвалось у меня.

— Какъ что? Когда дѣвушка умираетъ, то ее въ гробъ кладутъ въ цвѣтахъ и лентахъ—все равно что невѣсту... И всѣ тогда подружки и парни наряжаются, словно на свадьбу... Развѣ это не хорошо?

— А ты языкомъ не болтай зря... Когда Богъ пошлетъ смерть, тогда и умрешь...—строго перебилъ ее дѣдъ.

Затѣмъ онъ, кричя, поднялся съ земли, истово перекрестился на востокъ и на четверенькахъ полѣзъ въ курень. Я послѣдовалъ за нимъ. Въ курень было полутемно и сыро, пахло сѣномъ, дегтемъ и овчиной, тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя здѣсь великолѣпно. Дѣдъ растянулся на сѣнѣ, подоживъ кожку подъ голову, а я прыкнулъ подлѣ. Одарка продолжала сидѣть у входа въ курень и безъ умолку болтала, передавая дѣду всѣ новости на селѣ. Я съ жадностью слушалъ, такъ какъ въ этомъ безыскусственномъ повѣствованіи о крестьянскихъ горестяхъ и радостяхъ для меня открывался новый,

ТИОМОНСКІЙ ТРУБАЧЪ.

Фортъ Тиомонъ (Thiaumont) былъ свидѣтелемъ самыхъ ожесточенныхъ нѣмецкихъ атакъ, преграждая подступъ къ Вердену. Нѣсколько разъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Его геройскій гарнизонъ таялъ, но не отступалъ. Единственный, оставшійся въ живыхъ горничный, молодой парижанинъ, нѣсколько разъ тяжело раненый, собираетъ послѣдніе усилія и трубить атаку.

Оригин. рис. П. Турпа (Thiriat).

невѣдомый міръ, полный мапящей прелестью... Вскорѣ дѣдъ услышалъ, о чемъ возвыстило легкое похрапываніе со свистомъ. Одарка, услышавъ хрипъ дѣда, умолкла и о чемъ-то задумалась, мечтательно устремивъ взоръ въглубь голубого неба. Задумался и я; въ воображеніи, какъ на экранѣ, замелькали картины предстоящей гимназической жизни, которая рисовалась мнѣ въ какомъ-то необыкновенномъ, розовомъ свѣтѣ. Вдругъ до моего слуха долетѣлъ отдаленный звонъ гонга.

— Боже мой, вѣдь это меня къ обѣду зовутъ... Я и забылъ, что пора уже...

Въ мигъ выбрался я изъ куреня и, какъ стрѣла, бросился къ забору. Но на этотъ разъ прыжокъ черезъ заборъ былъ неудаченъ, и я кубаремъ свалился въ крапиву, разорвавъ при этомъ обѣ гвозди забора панталоны.

— Коля, Коля, обѣдать ступайте... Да гдѣ же вы дѣвались, скверный мальчишка!—раздавался на весь садъ визгливый голосъ горничной, погъ аккомпаниментъ дребезжащаго звона гонга.

Но я не отвѣчалъ, а молча бросился бѣжать въ противоположный конецъ сада—къ китайской бесѣдкѣ, невдалекѣ отъ которой я долженъ былъ находиться. Добѣжавъ до бесѣдки и переведа духъ, я уже оттуда началъ откликаться:

— Я здѣсь... Да я же здѣсь, около бесѣдки...

Этотъ маневръ я продѣлывалъ всякій разъ, чтобы никому и въ голову не могло прийти, что я бѣгаю на баштанъ къ дѣду Игнату, такъ какъ водить знакомство съ мужиками мнѣ строго запрещалось.

— Отчего же вы молчали, скверный мальчишка? Что я съ вами въ прятки играю, что ли?... Тамъ уже всѣ за столомъ сидятъ, а васъ не дозовешься.—визжала орлиная, идя ко мнѣ на встрѣчу. Приблизившись, она всплеснула руками:

— Господи, въ какомъ вы пронзительномъ видѣ? Опять по деревьямъ, стало

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАШИХ ВОИНОВ-ИНВАЛИДОВ ИЗ ВРАНСКОГО ПЛЕНА НА РОДИНУ.

Русские воины-инвалиды передъ переездомъ со шведскаго берега рѣки Торнео на русскій.

Посадка прибывшихъ изъ неприятельскаго плѣна русскихъ воиновъ-инвалидовъ на паромъ въ Халарандъ.

быть, лазали? Панталоны разорваны, волосы всклокочены, зевъ въ грязи...

И горничная, грубо схвативъ меня за руку, потащила къ дому. Въ передней встрѣтила насъ учительница, которая также всплеснула руками:

— Это ни на что не похоже; мало того, что вы опаздываете къ обѣду, вы еще осмѣливаетесь являться въ такомъ ужасномъ видѣ... Къ намъ прѣехали Померанцевы, которые будутъ смѣяться надъ вами и весть разокажутъ, какой вы дурной мальчикъ...

Затѣмъ учительница оправила мой костюмъ и стала рукой приглаживать мнѣ волосы, но волосы не поддавались; тогда она, въ пылу усердія, плонула на руку, послѣ чего и получила кое-какую прическу. Въ столовой всѣ уже сидѣли за столомъ и ѣли супъ. Померанцева, толстая дама съ тройнымъ подбородкомъ и бородавками по всему лицу, сидѣла на первомъ мѣстѣ подлѣ мамы, а дочь ея Соня, вопреки законамъ наследственности, худая, какъ жердь, дѣвица съ воспаленными, близорукими глазами и острымъ носомъ, помѣщалась около моей старшей сестры.

— А вотъ и вашъ блудный сынъ явился...—засмѣялась madame Померанцева, причемъ тройной подбородокъ ея запыгалъ, какъ резиновый мячикъ.

— И не говорите: сладу съ нимъ просто пить...—грустно улыбулась мать.

Отецъ бросилъ на меня грозный взглядъ, который не предвѣщалъ ничего хорошаго; послѣ обѣда, я зналъ, получу отъ него строгій выговоръ. Распаркавшись передъ Померанцевой и ея дочерью, я занялъ свое мѣсто на концѣ стола. Послѣ сытнаго и вкуснаго обѣда у дѣда Игната я не только не могъ и думать о дѣдѣ, но всѣ подаваемые блюда просто были мнѣ противны, и я съ невольной гримасой отвращенія отодвигалъ ихъ въ сторону. Первая замѣтила это моя младшая сестра Нина, отличающаяся вообще шпіонскими способностями, и сейчасъ же пошептала что-то на ухо мамѣ, послѣ чего мама стала пристально наблюдать за мной.

— Что это сегодня съ Колей? Ничего не ѣсть. Ужъ не боленъ ли онъ?—съ тревогой въ голосъ обратилась она затѣмъ къ отцу.

— Какое тамъ боленъ? Просто объѣлся яблокъ въ саду.

— Меня крайне удивляетъ твоя черствость,—накинулась на отца мать, любимцемъ которой я считался,—объѣлся ли онъ яблокъ, или чего другого, но фактъ тотъ, что мальчикъ боленъ, а ты хоть бы что... Удивительно!

— Да, у него видъ не совсѣмъ здоровый, какой-то усталый,—сказала madame Померанцева, которая всегда счита-

Шведскіе санитары выносятъ русскаго раненаго офицера изъ поезда, прибывшаго изъ Германіи въ Халаранду. Отсюда на особомъ паромѣ нашихъ военно-плѣнныхъ перевозятъ въ Торнео для дальнѣйшаго слѣдованія на родину.

ла своимъ долгомъ держать сторону матери.

— Да вѣдь я и не спорю, можетъ быть, онъ и нездоровъ. Нужно будетъ послѣ обѣда ему термометръ поставить,—сдася, какъ всегда, отецъ.

— Зачѣмъ термометръ?.. Въ такихъ вой, поставили діагнозъ: у меня заваль пищи въ кишкахъ, вслѣдствіе чего необходимо прочистить желудокъ... И какъ я ни

Повѣрьте, что всѣ болѣзни дѣтскія отъ желудка,—авторитетно замѣтила Померанцева.

Послѣ обѣда меня подвергли медицинскому освидѣтельствуванію и, составивъ консилиумъ изъ папы, мамы и Померанцевой, поставили діагнозъ: у меня заваль пищи въ кишкахъ, вслѣдствіе чего необходимо прочистить желудокъ... И какъ я ни

Православная церковь для русскихъ воиновъ, находящихся въ плѣну въ Австріи, въ Клейн-Мюнхенъ, близъ горъ Линца.

Церковь сооружена на средства нашихъ офицеровъ. Все въ ней—иконостась, иконы, вся утварь и обстановка—собственноручно исполнено офицерами, томившимися въ австрійскомъ плѣну.

протестовалъ и ни унизился, долженъ былъ принять изрядную порцію касторки.

III.

Насталъ и день отъѣзда моего въ гимназію. Съ ранняго утра въ домѣ начались сборы и приготовленія—или вѣрнѣе—столпотвореніе вавилонское, такъ какъ со мной ѣхала мама, а мама всегда съ собой брала вещей видимо-невидимо. Гимназія, куда меня везли опредѣлять, находилась въ уѣздномъ городѣ—всего въ сорока верстахъ отъ нашего имѣнія. Я объѣжалъ проститься съ дѣдомъ Игнатомъ.

— Значитъ, въ гимназію ѣдете... Ну, что-жъ, дѣло хорошее,—съ Богомъ... Знаю я эту вашу гимназію, не разъ видалъ, когда въ городѣ на базарѣ бывалъ... Этакое бѣлое, большое зданіе... Эхъ, жаль мнѣ этихъ гимназистовъ.

— Чего же тебѣ ихъ жаль, дѣдъ?

— Больно ужъ ихъ мучаютъ науками: всѣ они такіе блѣдные да щупленькіе... А еще влюбкокъ и кормятъ ихъ плохо...

— Откуда ты все это знаешь?

— Еще бы мнѣ не знать... Сынокъ купца Теренина тоже въ этой самой гимназіи учился... Бывало, какъ прѣдетъ домой, такъ только одни кости да кожа, пока, значить, дома на хорошихъ харчахъ снова въ тѣло не войдетъ... А въ этой самой гимназіи, онъ жаловался, пища плохая... Да, папичъ, тамъ ужъ не придется вамъ блинновъ гочневыхъ съ саломъ поѣсть...

— Ну, что-жъ... Какъ-нибудь и безъ блинновъ проживу... А лѣтомъ на каникулы прѣду домой, ты опять угостишь меня блинами.

Дѣдъ на минуту задумался, а затѣмъ вдругъ радостно воскликнулъ:

— Не я буду, папичъ, если вы и въ гимназіи разъ не покушаете блинновъ съ саломъ...

— Какъ же это ты сдѣлаешь?

— Очень просто... Каждый годъ я съ сыномъ осенью въ городѣ на ярмаркѣ бываю, и въ этомъ году безпреречно буду... Вотъ я и захвачу съ собой десятокъ-другой блинчиковъ для васъ...

Я разсмѣялся, такъ какъ былъ увѣренъ, что дѣдъ шутитъ... Однако, дѣдъ не шутилъ и въ точности исполнилъ свое обѣщаніе...

И это произошло вотъ какъ...

Я уже былъ гимназистомъ и притомъ гимназистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, успѣвшимъ за два мѣсяца уже окончательно проникнуться всѣми гимназическими традиціями и предрассудками, благодаря которымъ всѣ мои дѣтскія понятія были перевернуты вверхъ дномъ, и много, что прежде я считалъ зломъ: обманывать старшихъ, скрывать дурныя по-

ДЕНЬ «РУССКАГО ФЛАГА» ВЪ ЛОНДОНѢ.

Сборщица-Англичанка въ русскомъ костюмѣ останавливаетъ автомобиль, чтобы получить взносъ «на флагъ».

ступки товарищей и т. п., теперь стало достоинствомъ, и наоборотъ...

О дружбѣ съ дѣдомъ Игнатовъ я, конечно, никому изъ товарищей не рассказывала, такъ какъ знала, что она вызоветъ однѣ только насмѣшки.

Однажды—было это въ концѣ сентября—во время большой перемѣны, когда мы всѣ гимназисты, напоминая собой жеребятъ, выпущенныхъ на свободу, бѣгали и рѣзвились во дворѣ, сторожъ, а затѣмъ и многіе гимназисты стали вылакать мою фамилію... Увлеченный какой-то игрой, я не слышалъ...

— Кегизовъ, къ тебѣ пришли...—надъ самымъ ухомъ прокричало нѣсколько голосовъ, а затѣмъ меня схватили подъ руки и повели къ воротамъ, около которыхъ столпилась куча гимназистовъ...

— Вотъ онъ! Иди, къ тебѣ твой дѣдушка прѣхалъ...

Со смѣхомъ закричали и втолкнули меня въ середину кучи. Тутъ только я замѣтилъ, что передо мною стоитъ дѣдъ Игнать, въ свиткѣ, сапогахъ и съ дорожнымъ мѣшечкомъ за плечами.

— Здоровеньки были, панить! Какъ поживаете и много ли наукъ успѣли задавить?

И протянулъ мнѣ свою огромную, шершавую руку. Какъ въ кошмарномъ полуснѣ миминально пожалъ я ее и стоялъ молча, словно пригвожденный къ землѣ.

— Ну, вотъ я и пришелъ къ вамъ... Вы думали, я шутилъ? Нѣтъ, дѣдъ Игнать никогда на вѣтеръ словъ своихъ не бросаетъ... Думаете, что и блиновъ забыть принести? Такъ вотъ же они... Получайте...

И дѣдъ сталъ вынимать изъ пазухи блины за блиномъ и совать мнѣ въ руки, при гомерическомъ хохотѣ окружающихъ... Наконецъ, мои нервы не выдержали: я бросилъ на землю блины, закрылъ лицо руками и убѣжалъ въглубь двора.

Тамъ я, забившись въ уголъ, долго плакалъ отъ стыда и отчаянія. Не знаю, что подумалъ о моемъ поступкѣ дѣдъ Игнать? Говорить, онъ бережно поднималъ съ земли блины и снова спряталъ ихъ за пазуху... Затѣмъ, покачивая головою, пробурчалъ:

— Вишь, до чего наука доводитъ: отъ блиновъ отказался... Ну, счастливо оставаться, ребята,—и, поправивъ на плечахъ мѣшокъ, вышелъ черезъ ворота на улицу.

Нечего, конечно, и говорить, что меня безъ конца дразнили этими дѣдовскими блинами.

На каникулахъ мнѣ все же захотѣлось повидаться съ дѣдомъ Игнатовъ, вѣдь никто изъ товарищей не узнаетъ объ этомъ. Кстати, я хотѣлъ объяснить дѣду его некорректный поступокъ съ блинами, который заставилъ меня много перенести насмѣшекъ со стороны товари-

щей. Вообще я думалъ возобновить съ дѣдомъ прежнія отношенія, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что нахожусь внѣ контрольнаго надзора товарищей. На третій же день, по прѣѣзѣ, я перелѣзъ черезъ заборъ, отдѣляющій наши владѣнія отъ владѣній кушца Теренина, и съ нѣкоторымъ волненіемъ въ груди сталъ приближаться къ куреню. Но что это значить? Подъ куреня сидитъ не дѣдъ Игнать, а кто-то другой, потолще, съ пѣшиной головою...

— Чего надо тебѣ здѣсь?—окликнулъ меня грубый голосъ.

— Ничего не надо... Я къ дѣду Игнату пришелъ,—опѣшилъ я.

— Къ покойнику, стало быть...

— Какъ къ покойнику?

— А такъ что дѣдъ Игнать уже, слава Богу, три мѣсяца, какъ въ землѣ лежитъ.

Нѣкоторое время прошло въ молчаніи. Слышно было только шуршанье листвы, да бѣшеніе моего сердца.

— А я вотъ что вамъ, панить, скажу,—прервалъ онъ первый молчаніе.— Пускай тамъ покойный дѣдъ Игнать что угодно позволялъ, а только я никому не позволю по багтану здѣсь шаяться, потому что я порядокъ строгій буду наблюдать. Мнѣ все равно, кто бы ни былъ: баринъ ли или простой мужикъ, а только никому здѣсь не полагается ходить, да и баста.

Но я дальше не слушалъ его краснорѣчива, я бросился къ забору, чувствуя, какъ слезы подступаютъ къ горлу. Мнѣ было безконечно жаль дѣда Игната, жаль, что онъ ушелъ изъ этого міра, не

шей. Вообще я думалъ возобновить съ дѣдомъ прежнія отношенія, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что нахожусь внѣ контрольнаго надзора товарищей. На третій же день, по прѣѣзѣ, я перелѣзъ черезъ заборъ, отдѣляющій наши владѣнія отъ владѣній кушца Теренина, и съ нѣкоторымъ волненіемъ въ груди сталъ приближаться къ куреню. Но что это значить? Подъ куреня сидитъ не дѣдъ Игнать, а кто-то другой, потолще, съ пѣшиной головою...

— Чего надо тебѣ здѣсь?—окликнулъ меня грубый голосъ.

— Ничего не надо... Я къ дѣду Игнату пришелъ,—опѣшилъ я.

— Къ покойнику, стало быть...

— Какъ къ покойнику?

— А такъ что дѣдъ Игнать уже, слава Богу, три мѣсяца, какъ въ землѣ лежитъ.

Нѣкоторое время прошло въ молчаніи. Слышно было только шуршанье листвы, да бѣшеніе моего сердца.

— А я вотъ что вамъ, панить, скажу,—прервалъ онъ первый молчаніе.— Пускай тамъ покойный дѣдъ Игнать что угодно позволялъ, а только я никому не позволю по багтану здѣсь шаяться, потому что я порядокъ строгій буду наблюдать. Мнѣ все равно, кто бы ни былъ: баринъ ли или простой мужикъ, а только никому здѣсь не полагается ходить, да и баста.

Но я дальше не слушалъ его краснорѣчива, я бросился къ забору, чувствуя, какъ слезы подступаютъ къ горлу. Мнѣ было безконечно жаль дѣда Игната, жаль, что онъ ушелъ изъ этого міра, не

В. Г. Федоровъ — лётчикъ-сержантъ французской арміи.

Съ начала войны вступилъ на службу добровольцемъ во 2-й истребительный полкъ, потомъ прошелъ курсъ авіаціонной школы, и сдѣлался лётчикомъ. Проявилъ себя въ высшей степени способнымъ и отважнымъ пилотомъ. Пилотировалъ большой, двухмоторный аэропланъ, онъ за короткое время облетѣлъ всею германскою авіаціею. За свои отличія былъ отмеченъ въ приказѣ Верховнаго Главнокомандующаго, получилъ военную медаль и военный крестъ со звѣздой и пальмою, и представляется къ производству въ лейтенанты. 2-го апрѣля и, отъ сраженія подъ Верденомъ съ цѣлымъ отрядомъ истребителей лётчиковъ, облетѣвъ двухъ разъ фронтъ, но при этомъ быть самъ раненъ, и въ настоящее время находится на излеченіи въ русскомъ госпиталѣ въ Парижѣ.

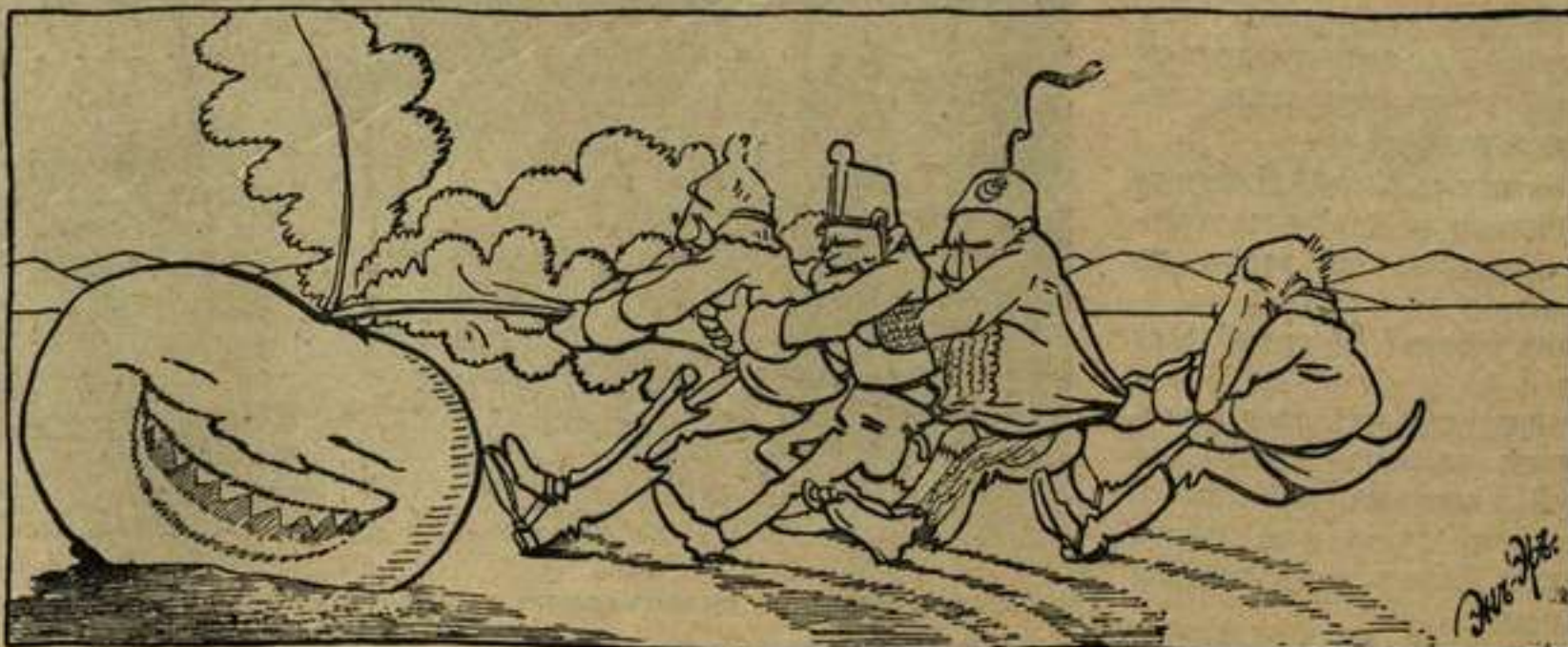
ПРИСКАЗКА.

Посадилъ дѣдъ рѣнку

Выросла рѣнка большая-пребольшая.

Стали тащить рѣнку. Жучка за внучку, внучка за бабу, бабу за дѣдку, дѣдка за рѣнку. Тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ!

Напрасный флиртъ.

«Гинч».

Попытайся выслушать моихъ объясненій и теперь, следовательно, онъ будетъ вѣчно обо мнѣ дурного мнѣнія.

М. М. Миклашевскій.

Душа твоя, какъ океанъ безбрежный въ себѣ весь миръ способный отразить, въ ней Прометей духъ горитъ мятежный, и жизнь его не въ силахъ исказить. Доступны ей видѣнья пеземныя, иныхъ мировъ доступны голоса, влекутъ ее къ себѣ те ангелы святые, то прелести земной превратная краса. Но если страсть въ безумномъ ураганѣ твоей душой захочетъ овладѣть,— той страсти суждено тогда на помѣ брани, не побдливъ души, безславно умереть. Такъ океанъ, всю ночь потопный бурь, на утро вновь сложонитъ, недвижимъ, лишь пѣна легкая скользитъ въ его заурь— ничтожный слѣдъ отъ волнъ, порабощенныхъ имъ!

Баронеса Н. П. Тавенгаузель.

Оъ души тревоги дни стращиву, какъ пыль съ плаща, Я ухожу въ себѣ подъ кровъ уединенный, куда никто чуждой, никто не посвященъ. Несримо не войдетъ безъ тайнаго ключа.

Тамъ спрятанъ отъ всѣхъ сокровища мои: Угасшая любовь, мечты, воспоминанья прекрасныя, какъ рай, какъ сны очарованья, и чистыя, какъ вода кристаллыя струи.

Мнѣ дороги они. Цѣною многихъ лѣтъ Я заплатилъ за нихъ, растрчивая силы. Зато подчасъ теперь сквозитъ жизни мракъ унылый. Онѣ струятъ мнѣ въ грудь живительный свой свѣтъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

Охрана дѣтства.

Вопросъ объ охранѣ дѣтства, о борьбѣ съ дѣтскою смертною, о призрѣнн безпріютныхъ дѣтей и сиротъ становится особенно острымъ въ годину такихъ тяжелыхъ испытаній, какъ нынѣ нами переживаемая. Число дѣтей, нуждающихся въ призрѣнн, растетъ съ ужасающею быстро-

той и требуется немедленная и самая серьезная организація какъ государственная, такъ и общественная для призрѣнн всѣхъ нуждающихся въ этомъ дѣтей. Но одного желанія помочь еще мало, надо умѣнье приступить къ дѣлу, умѣнье благотворить, и не даромъ въ Англн, гдѣ вопросъ объ общественномъ призрѣнн дѣтей разрѣшенъ наиболее совершеннымъ образомъ, существуютъ особые курсы социальныхъ наукъ для лицъ, желающихъ трудиться на почвѣ благотворенія, гдѣ преподается «наука благотворительности». Нѣкто по добное начато и у насъ проф. С. К. Гогелемъ, авторомъ книги «Подготовленіе къ призрѣнн и устройству дѣтскихъ домовъ» и организаторомъ лекцій по благотворительности въ Педагогическомъ институтѣ. Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ надо считать развитіе дѣятельности «Романовскаго Комитета», который въ недавнее время командировалъ рядъ лицъ для изученія постановки призрѣнн безпріютныхъ дѣтей въ Западной Европѣ. Однимъ изъ результатовъ этихъ командировокъ является третій выпускъ изданій Комитета, составленный П. Г. Ганзенемъ*.

* П. Г. Ганзень. Охрана дѣтства въ Англн. Изд. состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Романовскаго комитета. Вып. III. Петр., 1916 г.

ВОЗСТАНІЕ АРАБОВЪ.

— Поднимайте священную войну, но не противъ Турокъ! — Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, но ты не пророкъ Его.

«Le Rire».

Для лицъ мало знакомыхъ съ этимъ дѣломъ трудъ Ганзена является истиннымъ откровеніемъ, и нельзя не принести Романовскому Комитету глубочайшей благодарности за широкое распространеніе свѣдѣній о томъ, какъ поставлена охрана дѣтства за границей и какъ каждый изъ насъ можетъ принести посильную пользу дѣлу громадной, государственной важности. Въ книгѣ П. Г. Ганзена много интересныхъ данныхъ и о призрѣнн дѣтей въ скандинавскихъ странахъ, но все это блѣдитъ передъ описаніемъ дѣятельности и учрежденій д-ра Томаса Бернардо въ Англн, или «отца ничьихъ дѣтей». Вотъ онъ, еще студентъ, проповѣдуетъ свои идеи въ сквернѣшнихъ кварталахъ Лондона, не имея еще копѣйки въ карманѣ... Его осмѣиваютъ, бьютъ, облаиваютъ помоями, но онъ твердо идетъ впередъ, получаетъ первое пожертвованіе— 25 копѣекъ отъ бѣдной служанки, борется съ рутинерствомъ присланныхъ благотворителей и кончаетъ жизнь, устроивъ на полученные пожертвованія до 140 благотворительныхъ учреждений, создавъ изъ уличныхъ оборвышей десятки тысячъ полезныхъ гражданъ.

Развитіе идей Бернардо, отвергнушаго устройство большихъ воспитательныхъ учреждений казарменнаго типа и выработавшій «пріюты-семьи» съ матерью-благотворительницей, окруженной двумя десятками дѣтей, сдѣлало полный переворотъ во взглядахъ общества и правительствъ на дѣло призрѣнн и теперь начало приносить поразительные результаты. За пріютами-семьями появились мастерскія, дагѣ дома «вѣчно открытыхъ дверей», гдѣ всякій безпріорный, несчастный ребенокъ, безъ отказа, находилъ временный пріютъ, крѣпости малютокъ, гдѣ они и т. д.,— и все это проникнуто одной идеей «семейнаго воспитанія дѣтей» и цѣлью: «пріюмить, накормить, одѣть, воспитать, обучить и пристроить возможно большее число безпріорныхъ дѣтей наилучшимъ образомъ и при наименьшихъ затратахъ».

Купите книжку Ганзена! Принесла малую лепту на развитіе дѣятельности Романовскаго Комитета, вы получите весьма много и сумѣете сознательно что-нибудь сдѣлать въ то тяжелое время, когда всякій небогачъ лично со врагомъ, долженъ облегчить борьбу съ нѣмъ въ тылу и обезпечить несчастныя ослотѣлыя семьи. Помните, что, какъ вѣрно говоритъ Ганзень: «лишенная надеждаго призрѣнн, безпріорная и запущенная дѣти становятся, вырастая, не двигателями, но тормозами всякаго прогресса націи».

В. К-ва.

Ангель мира императора Вильгельма. «L'Asino» (ex Gilmo).

Литературныя замѣтки.

Разказы о «кусочкахъ голубого неба».

Первая книга разказовъ г-жи Е. Грековой, въ которой авторъ, показавъ, что у него имѣется и свѣжее дарованіе, и запасъ собственныхъ наблюденій, не прошла незамѣченной. Въ вышереченномъ въ настоящее время вторымъ сборникѣ разказовъ писательницы, посвященномъ названію «Кусочекъ голубого неба», положительныя стороны ея таланта нашли болѣе яркое выраженіе,—чувствуется болѣе увѣренности въ обрисовкѣ характеровъ, болѣе умѣнья пользоваться литературными красками.

Повѣсть «Кусочекъ голубого неба», посвящена изображенію одной изъ тѣхъ житейскихъ драмъ, которыя являются послѣдствіемъ столкновенія двухъ непримиримыхъ началъ,—жизнейшій пошлости и высокаго идеализма. Представителемъ перваго начала выведенъ преуспѣвающій адвокатъ Маронозъ, проповѣдующій: «Человѣкомъ двигаетъ эгоизмъ и только эгоизмъ. Я, я и я. Я не вѣрю въ самоотдающее добро, не признаю жертвъ...». «Мы, побѣдители жизни!—восклицаетъ онъ, когда ему напоминаютъ, что въ молодости онъ былъ не таковъ. «Человѣкъ только разъ живетъ на землѣ».

Совсѣмъ другого склада человекъ, его университетскій товарищъ, драматургъ Костроминъ, несметря на свои сорокъ лѣтъ, сохранившій молодость сердца, вѣчно стремящійся къ новымъ достиженіямъ въ искусствѣ, не утратившій способности волноваться вопросомъ, «какимъ образомъ практическимъ людямъ, празднымъ: «что есть истина?». Съ большимъ искусствомъ авторъ рисуетъ зарожденіе любви къ нему молодой дѣвушки Маріанна, дочери Маронова. Костроминъ, сдерживавшій до того свое чувство къ ней, оказался не въ силахъ устоять, когда Маріанна, какъ искусительница, вызываетъ его на признаніе. Но у молодой дѣвушки не хватило силъ для борьбы за право устроить свою судьбу по влеченію сердца, и отцу, при помощи нѣкоторыхъ современно принятыхъ мѣръ, удается выдать дочь замужъ за молодого карьериста Верхопузова. «Кусочекъ голубого неба», который увидѣлъ было Костроминъ, скрывается, и онъ, считая свою жизнь оковчательно неудавшейся, не видитъ въ будущемъ никакого просвѣта, кончаетъ самоубійствомъ.

Этотъ финалъ повѣсти нѣсколько ослабляетъ впечатлѣніе отъ нея, такъ какъ читателю трудно повѣрить, чтобы человекъ такого закала, каковымъ авторъ изображаетъ Костроминъ, не нашелъ въ себѣ силы удержаться отъ шага,

* Елена Грекова. Кусочекъ голубого неба. Разказы. Книга вторая. Петроградъ. 1916 г. Стр. 200. Ц. 1 р. 25 к.

Съ неожиданной вѣстью—въ старомъ стилѣ.

Съ этою же вѣстью—въ новомъ стилѣ.

„Punch“

который, несомненно, должен окончатель-
но разбить душевное спокойствіе любимо-
й женщины. Зато образ самой молодой
дѣвушки,—кокетливой и искренней, увле-
кающейся и слабодушной,—очерченъ авто-
ромъ съ большим мастерствомъ.

Очень хороши рядъ небольшихъ разска-
зовъ, въ которыхъ авторъ съ любовью под-
ходитъ къ радостямъ и горестямъ «малень-
кихъ людей». Особенно удачно очерченъ
сѣмьшой и вмѣстѣ трогательный Илья

Ефимовичъ Агаповъ,—«человушко», изъ
котораго любшая его дѣвушка захотѣла
сдѣлать «человѣка» («Сказка Юльчи»). Въ
разсказѣ «Старинные устои», авторъ праз-
диво изображаетъ душевное настроеніе мо-
лодой женщины, которую мать любимаго
ею челоѣка не захотѣла принять, потому
что они были не вѣнчаны, а старуха, какъ
женщина далекая отъ современныхъ поня-
тій, не могла примириться съ этимъ.

Острое чувство обиды сѣмьшается въ душѣ
какіе водятся въ свѣтѣ». И авторъ, какъ бы
раздѣляетъ это убѣжденіе и старается
этыскать въ челоѣкѣ хорошее,—тѣ «ку-
сочки глупога неба», мимо которыхъ мно-
гіе проходятъ, не замѣчая ихъ.

В. М. Г.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Издание Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

ВЫТЯЖКА
ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ
ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ОСНОВАНА въ 1903 г.
на высѣлкахъ
въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ,
Флоренціи и др.
Maison
Fondée en 1902
4 grands prix
Paris, Londres, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОЙ ЖЕЛЕЗЫ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгій, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотери и проч.

Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЕМЕННАЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕЗПЛАТНО.

Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 руб. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—БЕЗПЛАТНО. 20-й почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика.

Адресъ: Органотерапевт. лабораторіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Коаловскій пер. соб. д. 10, кв. 33. Телер. адр. Москва, Калефлюндъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ сѣменной желѣзы изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическаго реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сѣрминомъ.

Новая книга:
И. Б. Смольяниновъ.
ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЬ
(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ).
Издание М. А. Суворина.
Цѣна 2 руб.
Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и на станціяхъ желѣзн. дорогъ.

АНЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
„КУРОРТЪ ЛИРАНЪ“
на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа.
Между Туансе и Сочи, на берегу моря, у рѣки Шахъ.

Устраивается курортъ.
Продаются земельные участки.

Въ конторѣ Правленія:
Петроградъ, Морская 26.
Телефонъ 596-12.

Выдаются подробныя свѣдѣнія о стоимости и условіяхъ приобретѣнія участковъ. Тамъ же имеются панорама и рельефный планъ мѣстности.

Иногороднымъ выслываютъ проспекты по требованію бесплатно.

ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНИИ НУЖДАЕТСЯ КАЖДЫЙ

владѣлецъ торговаго предпріятія. Торговая дѣятельность превратилась въ сложную науку, требующую отъ своихъ представителей серьезныхъ знаній.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, желающій попутать на службу въ какую либо контору, банкъ, крупный магазинъ и т. п., долженъ предпринять нѣсколько курсовъ коммерческихъ наукъ. Лица, находящіяся на должностяхъ, могутъ значительно улучшить свое матеріальное положеніе, если посвятятъ свой досугъ на изученіе коммерческихъ наукъ. Осна- **ЗАОЧНАГО ОБУЧЕНІЯ БУХГАЛТЕРІИ**, комитетъ съ нашимъ методомъ коммерческой арифметики, коммерческой корреспонденціи, товаровѣдѣнія, техники веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и многого иного, необходима каждому коммерсанту при помощи изданія нашего **„АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКАГО ЗНАНІИ“**.

Краткій проспектъ бесплатно. Подробный за 15 коп.

Всякую корреспонденцію адресовать въ Главную Контору Кнгоиздательства „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44.

Собств. магазины: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 65; МОСКВА, Мясницкая, 18. Съ 1-го Августа Гл. К-ра перемѣщается на Глазную ул., соб. д. 18.

НОВАЯ КНИГА
САДЫ-ГОРОДА
И **ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ**
ВЪ АНГЛІИ.
П. Г. МИЖУЕВА.

Красивое издание. Больше 150 рисунковъ (8 цветныхъ), планы и чертежи. Цѣна въ колѣнкоромъ переплетѣ 5 р. 60 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія—книжный магазинъ Т-на А. С. Суворина—„Новое Время“, Невскій, 40.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. С. СУВОРИНА —
„НОВОЕ ВРЕМЯ“.
НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.
ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ
Историческая повесть.
Цѣна 1 р. 60 к.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14511

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 30 ПОЛЯ (12 АВГУСТА) 1916 ГОДА.

№ 14511

НА СЪВЕРО-ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Бои подъ Ригою. Продвиженіе впередъ по болоту Тируль.

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

Въ августѣ.

Ты любишь ли тѣ дни, когда, еще
 впервые
 Дыханьемъ осени насыщены и могучь,
 Сердитый вѣтеръ шлетъ намъ тучи до-
 ждевыя,
 Но солнце, выглянувъ на живы золотыя,
 Свѣозвѣзды проливной смѣется среди
 тучь;

И будто торопясь, другъ друга обгоняя,
 За тучами вослѣдъ стремятся облака
 И въ даль уносятся, лазурь небесъ являя,
 А капли по кустамъ, алмазами сверкая,
 Лучезарно говорятъ, что туча далека.

Какъ манить въ эти дни просторъ луговъ
 зеленыхъ
 И даль широкая затопленныхъ болотъ,
 Гдѣ носится стрѣлой, подивившись съ
 водъ студеныхъ,
 Чирята рѣзвые,—гдѣ среди пней спален-
 ныхъ
 Пробудить въ сердцѣ дрожь бекаса рѣзкій
 взлетъ!

Андрей Семеновъ-Танъ-Шанскай.

Змѣи развалихъ.

I.
 — Кладите, баринъ, книгу—пока ку-
 шать. Ну и жара, а ужъ скоро вечеръ. По-
 жалуйте сюда, все готово... Вотъ тутъ—
 въ тѣни.
 — А что твои змѣи?

— Ничего! Привыкать стали, къ молоку
 такъ и ползутъ.
 — И съ чего это тебѣ вздумалось змѣй
 ихъ прикармливать?
 — Это я всегда дѣлалъ, только вамъ не
 сказывалъ. Змѣя хоть и гада, а тварь Бо-
 жія. Да и доля ей дана тяжелая: указано
 ей напоминать людямъ о грѣхѣ и о дья-
 волю... «И принялъ онъ образъ змія лука-
 ваго»...—такъ сказано я въ Писаніи. Я

змѣй кормлю, а самъ о дьяволѣ вспоминаю
и по ночамъ молитвы читаю.

— А что, копать тебѣ много еще оста-
лось?

— Нѣтъ, скоро всю землю повыкидаю;
 въ углу уже полъ виденъ. А вы извольте,
 кушайте! Баранина хорошая. Да вы,
 баринъ, съ хлѣбомъ, а то къ зо-
 чи проголодаетесь, а дома ничего нѣтъ.
 Вода здѣсь въ кувшинѣ; только что изъ
 родника набралъ. И откуда это на такой
 горѣ вода, да еще студеная? Ну что, опять
 за книгу?

Михаилъ Семеновичъ ничего не отвѣ-
 тилъ и продолжалъ молча перелистывать
 страницы. Слуга послѣдовалъ за нимъ и, видя,
 что баринъ не расположенъ говорить, мол-
 ча убралъ остатки неприхотливаго ужина
 и вернулся къ своей работѣ.

Баринъ его былъ пожилой, хорошо
 сохранившійся холостякъ, служившій
 службу и рѣшившій остатки своей жизни
 посвятить любимымъ занятіямъ. Въ душѣ
 онъ былъ поэтъ; друзья считали его зна-
 токомъ исторіи, и онъ, дѣйствительно, съ
 жаромъ изучалъ старину. Большую часть
 времени онъ проводилъ въ мѣстахъ, пред-
 ставляющихъ интересъ съ точки зрѣнія
 занимавшей его науки. Съ этой же цѣлью
 онъ поселился недалеко отъ Мангуна въ
 татарской деревушкѣ и ежедневно подни-
 мался на гору, гдѣ были развалины этого
 города.

По уходѣ слуги, онъ отложилъ книгу въ
 сторону, закрылъ глаза и задремалъ. Было
 тихо. Жаръ спадалъ.

НА ЮЖНОМЪ ФРОНТѢ.

«Шакаль». Персіанинъ, бродящій по слѣдамъ нашихъ войскъ.

Легкий шелест сухих листьев заставлял Михаила Семеновича очнуться. Он взглянул на то место, откуда слышался шорох, и увидел двух небольших змий, которая, приподняв головы, следили за всеми его движениями.

Они не шевелились.

Листья снова зашелестели, змьи осторожно выползли на полянку и направились к груди камней, у которой стояло блюдечко с молоком.

— Простите, пожалуйста, я, кажется, вам помешала, — раздавался неожиданно женский голос, заставивший Михаила Семеновича вздрогнуть.

Она обернулась. Недалеко от него стояла, раскрасившаяся от ходьбы, молодая, высокая и стройная блондинка.

— Мы пришли сюда без проводника, — продолжала она, усаживаясь на камень, — и, кажется, заблудились. Не можете ли вы указать, по какой тропинке надо идти, чтобы добраться до спуска.

— На этой площадке заблудиться трудно. Но, если хотите, я прикажу моему человеку вас проводить. Петрь! А Петрь!

— Спасибо, пока не надо. Я немного устала и отдохну. А вы, кажется, живете внизу в деревне? Мнѣ говорили там, что вы занимаетесь раскопками. Это, должно быть, интересно. Позвольте представить вам моего родственника—Мѣшкова. Мы вместе путешествуем. В Крыму я первый раз. Мы остановились в Бахчисарае. Сколько в его окрестностях мѣст, захватывающих своим прошедшим!

Послеутые и забытые города, пещерные храмы и обители, от которых вѣет древним и истинным христианством. Сколько в этом поэзии! Не так ли? А эти развалины?

Михаил Семенович с удивлением слушал свою новую знакомую и удивился, когда она стала восторгаться старинной.

— Я не знала, Ольга Павловна, что вы такая поклонница руин, — сказала с улыбкою Мѣшкова.

— Мало ли чего вы не знаете. Вы думали, что только и мечтаю, что о нарядах, вечерах и весельи. Вот и ошиблись. Впрочем, мужчины всегда ошибаются в женщинах.

— Не всегда, — заметил Михаил Семенович.

— Может быть, вы, во большинство — наоборот. Мужчины ищут совсем не то, чего слѣдует искать в женщинах. Им подавай красоту, изящество и свѣжесть. А другого не надо. Душа ни къ чему, ум излещен. Впрочем, об этом не стоит и говорить. Вы долго пробудете еще здесь? Я иду вниз. Может быть, пойдем вместе. Солнце село, скоро стемнѣет.

— Пера и мнѣ, Петрь, ау! собирайся домой, да не забудь книги.

Михаил Семенович встал и в сопровождении новых знакомых медленно двинулся по площадке к спуску.

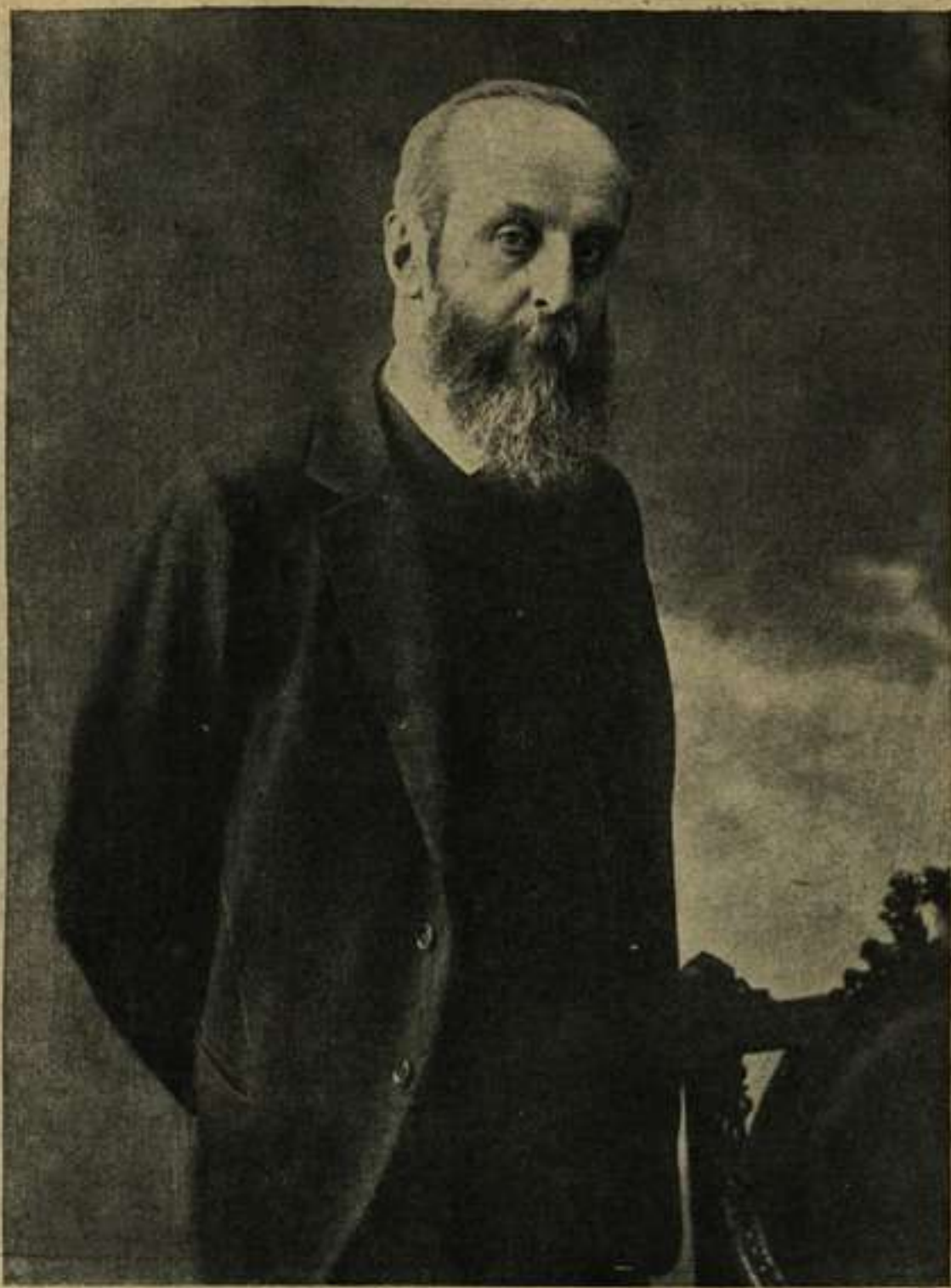
Дойдя до тропинки, ведущей к спуску, они остановились и озиная взглядом разрушенный город.

Блѣдный туманъ начал окутывать гору, и сказочный сон спускался на развалины. Въ слабом журчаніи ручейка слышались смутные звуки погибших мѣлких и заглушенные гдехи пробуждающихся тѣлей. Городъ покрылся чарами ночи, зажались кругом огоньки, засвѣтились и замелькали; запахло лавромъ; незримые духи прошлаго тихо поднялись над развалинами и легким облачком спустились въ дѣсь, въ долину.

II.

— Я рѣшила, Лена, прожить здѣсь еще долго сидите дома? Уж не раздумали ли недѣлку, — обратилась Ольга Павловна за идти на гору, — слышалась с улицы сообщкомъ къ своей подругѣ, которая ее всегда сопровождала. Любитель древностей мнѣ очень нравится, а Мѣшковъ положительно надоѣл. Я хочу съ нимъ разстаться.

— А какъ же съ деньгами? У насъ своих ненадолго хватит. Можетъ быть, займешь у старика?

Вновь назначенный министр земледѣлія графъ Александровичъ БОБРИНСКІЙ, гофмаршалъ Высочайшаго Двора, сенаторъ, членъ Гос. Совѣта, гласный Петроградской городской думы, предсѣдатель Императорской археологической комиссіи, почетный опекунъ.

— Ну, нѣтъ, дѣлать этого я не намѣрена. Михаил Семенович внушаетъ мнѣ совсемъ другое чувство, чѣмъ всѣ мои обыкновенные поклонники.

— Не собираешься ли ты за него выйти замуж? Если она человекъ небогатый — съ нашими привычками мы проживемъ съ нимъ недолго. Смотри, не влюбись въ него на самоѣ дѣлѣ. Не забудь, что ты чуть не умерла, когда вздумала отдаться чувству.

— Я отлично помню это ужасное время. Но не будутъ же меня вѣчно преслѣдовать воспоминанія.

— Дай Богъ! Боюсь однако, чтобы не обмань пророчества той полоумной жидовки, — поминишь? Да и порывать отношенія съ Мѣшковымъ не слѣдуетъ. Она съ тебя влюблена, окружаетъ тебя всеми удобствами, и лучше жить съ нимъ, чѣмъ псалъ этого предмета увлеченія искать псаго богатаго поклонника.

— Михаил Семеновичъ стоитъ настолько выше другихъ людей, которыхъ я до сихъ поръ знала, что я его никогда не брошу.

— Пока будутъ деньги, — можетъ быть.

— Бѣдности я не боюсь. Я въ себя уверена, и если онъ почувствуетъ ко мнѣ хоть маленькое влеченіе, я немедленно раздѣлаюсь съ Николаемъ Васильевичемъ.

— Предоставь это мнѣ. Я буду держать его въ запасъ для себя и сегодня же отправлю въ Симферополь съ порученіями. Во время его отсутствия вынесутся твои отношенія съ этимъ человекомъ весьма почтенныхъ дѣл. Если у тебя съ нимъ наладится — я заберу Мѣшкова.

— Что это вы, Ольга Павловна, такъ

— Я рѣшила, Лена, прожить здѣсь еще долго сидите дома? Уж не раздумали ли

— слышалась с улицы сообщкомъ къ своей подругѣ, которая ее всегда сопровождала. Любитель древностей мнѣ очень нравится, а Мѣшковъ положительно надоѣл. Я хочу съ нимъ разстаться.

— А какъ же съ деньгами? У насъ своих ненадолго хватит. Можетъ быть, займешь у старика?

— Хотя луна и мертва, какъ покинутый

что не знаю, когда и вернусь. Не огорчайтесь, я скоро прїѣду.

— Да я и не огорчаюсь, хоть съедемъ не прїѣжайте.

— Ну, ну, не сердитесь! Занимайтесь безъ меня раскопками... Это такъ интересно. Надѣюсь, что вы скоро вернетесь, и я васъ еще увижу? Все, что нужно, я передамъ вашей подругѣ.

Мѣшковъ нагнулся и что-то тихо сказалъ Ольгѣ Павловнѣ.

— Мнѣ ровно ничего не нужно, — слегка краснѣя, отвѣтила она. — Итакъ, вы съ нами не пойдете. Ну, прощайте!

— Не отложить ли намъ прогулку на завтра? — предложилъ Михаилъ Семеновичъ, замѣтивъ недовольное лицо Мѣшкова.

— Хорошо, но съ условіемъ, что вечеромъ вы зайдете ко мнѣ.

III.

— Вотъ и уѣхала, и вамъ придется скучать, — сказалъ Михаилъ Семеновичъ, садясь на скамейку рядомъ съ хозяйкой.

— Какъ скучать? А вы?

— Ну, что я.

— Не скромничайте, пожалуйста. Скажите, кто жилъ раньше въ Мангупъ-Кале? Кажется, такъ называется этотъ городъ, который вы изучаете?

— Теперь такъ.

— Вы хотите, вѣроятно, напечатать его историю?

— Нѣтъ, не собираюсь; просто я люблю развалины, да и городъ мнѣ нравится, и я прїѣзжаю сюда довольно часто.

— А что въ немъ особеннаго?

— Въ немъ много своеобразной прелести и слѣдовъ исчезнувшихъ съ лица земли народовъ.

Семенъ Михайловичъ остановился.

— Продолжайте, продолжайте. Васъ такъ пріятно слушать, — сказала Ольга Павловна и придвинулась къ нему ближе.

— Хорошо! Но если надоѣдетъ, пожалуйста, остановите, — я часто увлекаюсь.

Здѣшнія развалины очень живописны; къ сожалѣнію, ничто не напоминаетъ въ нихъ тѣхъ языческой Греціи, которую я такъ люблю съ ее поэтическими сказаніями и мифическими богами.

Въ нихъ нѣтъ того, что выражаетъ силу и подвѣмъ духа, которые мы встречаемъ въ позахъ статуй и въ архитектурѣ эллисской цивилизаціи и которые заставляютъ насъ вѣрить въ былую красоту жизни.

Какъ все это чувствуется тамъ, гдѣ сохранились развалины древняго греческаго города или храма съ обломками разнаго вида колоннъ, которые, высоко поднимаясь къ небу, какъ бы указываютъ настѣцій путь къ солнцу и вѣчаютъ торжество истиннаго ученія.

Греческіе храмы... Чего только они не видели и не слышали, воздвигнутые на высотахъ въ царствѣ вихрей и бурь. То раздавались около нихъ строгіе гимны жрецовъ, то возбуждающія нѣсни крики, выливавшія къ жизни опасныя страсти, то мелькали передъ ними бѣлая тунки служителей боговъ, то обнаженные формы и дікіе танцы вакханокъ.

Если вызвать въ своемъ воображеніи всѣ эти картины, то богатство глубокихъ ощущений, разнообразныхъ и мучительныхъ, охватитъ васъ, и вы подъ впечатленіемъ навѣянныхъ ими образовъ будете въ состояніи просигивать ночи, когда мелькаеть ползучій свѣтъ луны, призрачный и загадочный. Вы невольно перенесетесь на тысячу лѣтъ назадъ, забудете свою настоящую жизнь, перестанете быть самимъ собою и начнете переживать то, что переживалось давно, но что явилось вамъ очистиженнымъ и украшеннымъ прошедшими вѣками.

Вотъ почему я такъ и люблю развалины и зачастую встречаю восходъ солнца въ какомъ-нибудь забытомъ, покинутомъ

людьми городѣ или храмѣ. Когда первый лучъ солнца блеснетъ на небѣ, когда замелькаетъ, освѣщенный розовой зарей когда-то

тій городъ, ко она меня не занимаетъ. Въ ней я не вижу ничего интереснаго.

— А ей свѣтъ? Неужели вамъ никогда не приходилось испытывать его магическаго вліянія? Луна — покровительница влюбленныхъ, и свѣтъ ея хотя и не разогрѣваетъ чувства, но даетъ особое строеніе и будитъ мечты. Неужели вы никогда не любили и не гуляли ночью съ дѣвушкой, которой увлекались?

— Гм! Въ молодости это было, но лу и подвѣмъ духа, которые мы встречаемъ въ позахъ статуй и въ архитектурѣ эллисской цивилизаціи и которые заставляютъ насъ вѣрить въ былую красоту жизни.

— Вы, кажется, считаете себя старикомъ?

— Считаю?! Я почти развалина. Знаете, мнѣ скоро будетъ...

— И знать не хочу. Ваша душа испонѣ определяетъ возрастъ. Ну, что мой родственникъ Мѣшковъ — молодежь, по вашему? Вотъ она такъ совершеннѣйшая развалина. Ему по крайней мѣрѣ лѣтъ сто, хотя на самоѣ дѣлѣ нѣтъ и тридцати. Всѣ ощущенія имъ пережиты и, чтобы разбудить его душу и заставить жить тѣло, необходимо что-нибудь сверхъестественное.

— Въ вашемъ присутствіи онъ, однако, оживаетъ. Впрочем, вы такъ очаровательны, что способны воскресить даже мертвого.

— Пожалуйста, безъ комплиментовъ. Отойдите-ка отъ окна, я закрою его и сейчасъ выйду. — Ну, вотъ и я, — черезъ минуту сказала Ольга Павловна, подходя къ собсѣдинку и протягивая ему съ руку. — Зайдемте по дорогѣ къ Мѣшкову.

— Онъ, кажется, не особенно любитъ по горамъ лазить.

— Что онъ любитъ? Только самого себя. Онъ воображаетъ, что весь міръ существуетъ только для него, и всѣ люди созданы для его развлечения.

— Почему это на него сегодня такое гониміе? Милый человекъ.

— Очень милый, только скучный и ничѣмъ не интересуется. Вотъ и онъ. Мы идемъ на гору, Николай Васильевичъ. Вы съ нами?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Собираюсь въ городъ, надо получить деньги. Елена Петровна давала мнѣ столько порученій,

сидеть, освѣщенный розовой зарей когда-то

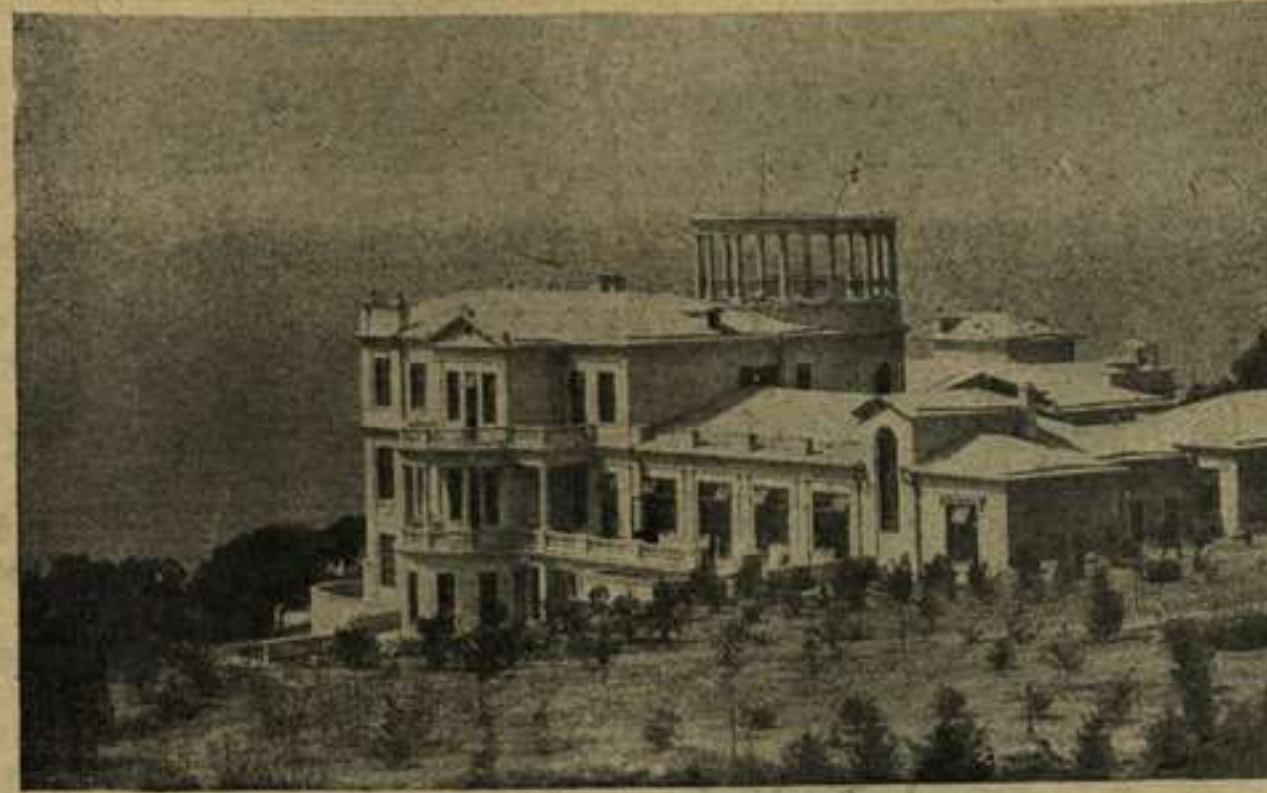
сидеть, освѣщенный розовой зарей когда-то

сидеть, освѣщенный розовой зарей когда-то

сидеть, освѣщенный розовой зарей когда-то

то одухот... что въ воз... и священн... Темныя в... ночью, исч... мыслей пр... шагося о... зародивше... ственному... вѣка. Я срѣ... вѣгъ тиш... въ которѣ... рять мнѣ... жизнь нар... Божество... — Да, прорешпа... прижалас... — Неу... такъ еще... Михаил... жанай г... Что... но спроси... влекъ се... Она не... опустила... смогрѣль... сталь нѣ... Ольга... поднялась... — Вы... мнѣ забыть... не могла... несчастна... — Ну, счастливым... кровъ, ко... бытія. — Све... возможно... считать в... — Ко... спрашива... привлека... и если во... понравит... души. — Я н... какъ я у... то ужасн... этимъ чу... ветъ все... прѣхами. — Ко... идуть. А... рѣсть. А... красна. — Не... все время... — Он... больно. — Ну... погломъ... слышалъ... Ольга... Михаил... ему воам... Онъ п... послѣ ко... въ глаза... Вдугъ... — Во... зала она... — К... жить са... ва Богу... анъ нѣтъ... дѣли он... Спираши... на работ... куешь, д... не весел... а работ... Сказыва... вскрыла... да. Ну, казывал... — А... его... эт...

МИСХОРСКАЯ САНАТОРИА ИМЕНИ СТАТЬС-СЕНТЕТАРА А В. КРИВОШЕННА.

Санатория сооружена на средства чинов Министерства земледелия и на время войны предоставлена для пострадавших на войне и нуждающихся в лечении в Крыму офицеров, а по окончании войны она будет служить специально для чинов сельско-хозяйственного ведомства. Главное здание санатории сооружено по проекту архитектора П. П. Щенотова в стилъ итальянскаго ренессанса и имѣетъ три этажа. Санатория расположена въ 14 верстахъ отъ Ялты, въ одной верстѣ отъ дачнаго поселка «Мисхоръ» и берега моря.

то одухотворенный камень, мѣ кажется, что въ воздухѣ слышится приветственный и священный гимнъ восходящему солнцу. Темныя вѣдья, побившіяся надо мною ночью, исчезаютъ; круговоротъ мрачныхъ мыслей прерывается, и въ обители появившагося света свѣтлѣеетъ и пропадаетъ зародившееся сомнѣніе, враждебное божественному началу, вложенному въ чело-вѣка.

Я сроднился съ камнями; отъ нихъ вѣетъ тишиной, покоемъ и вѣчнымъ сномъ, въ который мы все погрузились. Они гово-рятъ мнѣ, что жизнь чело-вѣка—сонъ, что жизнь народовъ—сонъ, и что вѣчно только Божество.

— Да, сонъ, и какой мучительный! — прошептала Ольга Павловна и невольно прижалась къ Михаилу Семеновичу.

— Неужели и вы это постигли? Вы такъ еще молоды...

Михаилу Семеновичу послышался сдер-жаный плачъ.

— Что съ вами, дорогая! — встревоженно спросилъ онъ Ольгу Павловну и при-влекъ ее къ себѣ.

Она не сопротивлялась и доверчиво опустила голову на его грудь. Онъ долго сморщилъ на нее, а потомъ, какъ ребенка, сталъ ильжно уговаривать.

Ольга Павловна скоро успокоилась и поднялась.

— Вы такъ говорили, что пробудили во мнѣ забытыя и мрачныя минуты жизни. Я не могла удержаться отъ слезъ. Какая я несчастная!

— Ну, что вы? Развѣ можетъ быть не-счастливымъ существо, въ которомъ кипитъ кровь, которое полно здоровья и жажды бытія.

— Скажите, Михаилъ Семеновичъ, не-возможность отдаться чувству можно ли считать за несчастіе?

— Конечно! Но вамъ ли объ этомъ спрашивать? Вы такая цѣлующая, такая привлекающая; вы созданы для любви, и если встретите чело-вѣка, который вамъ понравится, любите его всеми силами души.

— Я не могу!.. Я боюсь!.. Каждый разъ, какъ я увлекаюсь, со мной творится, что-то ужасное. А я такъ хочу любить! Съ этимъ чувствомъ въ моемъ сердцѣ ожи-ветъ весь міръ со всеми его радостями и прѣлами.

— Конечно!.. Знаете, слезы вамъ очень идутъ. А если женщина въ слезахъ не тер-яетъ красоту, то она дѣйствительно пре-красна.

— Неисправимый чело-вѣкъ. Вы мнѣ все время говорите комплименты.

— Очень хотѣлось бы сказать вамъ еще болѣе.

— Ну, говорите, но только на ухо и по-потомъ, чтобы крокъ меня никто ихъ не слышалъ, даже послѣдній лучъ солнца.

Ольга Павловна быстро съѣла рядомъ съ Михаиломъ Семеновичемъ и подставила ему кончиками уша.

Онъ прошепталъ ей нѣсколько словъ, послѣ которыхъ она взглянула ему прямо въ глаза и протянула для поцѣлуя губы.

— Вотъ видите?.. начинается...—ска-зала она и, вскочивъ съ мѣста, убѣжала.

IV.

— Къ ручкѣ допустила барыня-то. Ле-житъ сама въ постельѣ и говорить: «Сла-ва Богу, лучше»... Я думалъ, блажь одна, а нѣтъ, видно сильно нездоровы... Поху-дѣли онѣ очень и сами такія блѣдныя. Спрашивали, баринъ, про васъ; ходите ли на работу. Ну, все это я имъ, какъ съб-удаетъ, доложилъ. Говорю: «Баринъ оченъ не веселъ, что-то все о васъ беспокоится, а работать работаетъ... Такъ понемногу...»

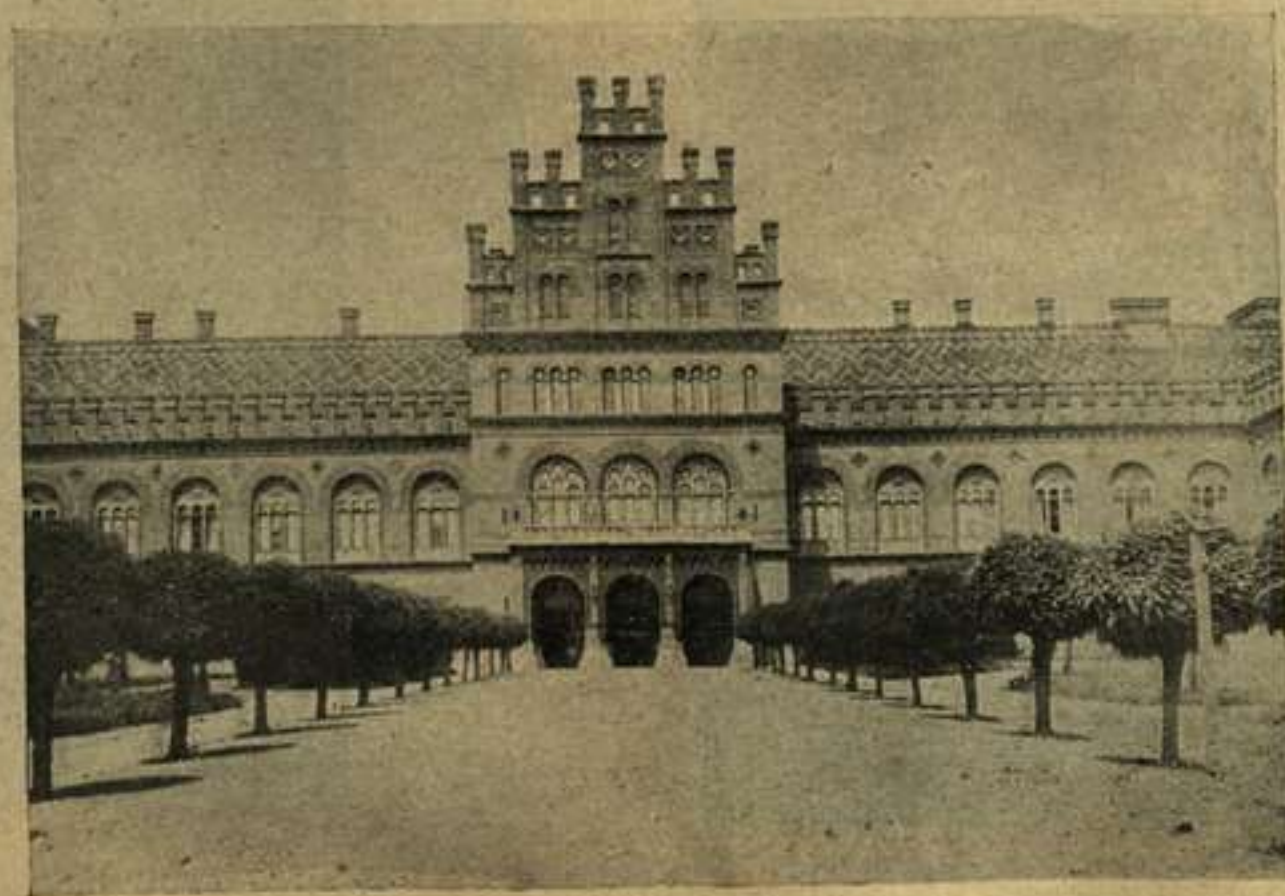
Сказывалъ, что нашли возую пробницу, а вскрывать не стали, до ея, значитъ, прихо-да. Ну, сѣбѣ и довольны. Благодарить при-казывали.

— А что телеграммы не посылали, какъ его... этому... Мышку?

— Николаю Васильевичу-то? Нѣтъ, объ этомъ я ихъ компанейку разспрашивалъ. Не къ чему, говорить; и безъ него хлопотъ много! — Ну, а насчетъ денегъ какъ? Докто-рамъ платить много пришлось? — Объ этомъ не извольте беспокоить-ся. Только было я началъ, какъ вы при-казывали, издали о деньгахъ спрашивать, она, эта компанейка, такъ прямо и бухну-ла: «Ты своему-то сказалъ бы, чтобы де-негъ барынь предлагалъ, цѣй ихъ тутъ вѣзть. Не самимъ же просить». — А ты что? — Я ей говорю: «Направо вы, молъ, въ баринѣ сомнѣваетесь, мы и такъ пони-маемъ, что дѣлать доажно, тоже люди не-молодые. Меня для этого баринъ и посла-ли». Тогда она-то, какъ хватить: «При-неси рублей пятьсотъ»... Эка, хватила! Пятьсотъ рублей! На эти деньги всѣхъ лѣ-карей осозать можно, а то всего одинъ докторъ только и ѣздитъ. — Говорилъ ты ей, что я зайти соби-раюсь? — Ничего не говорилъ. Какъ сказала она про деньги, я только руками развелъ. Вотъ сколько потребожала! А цѣй ихъ вѣзть? — Не поругался ли ты съ ней? Бере-гись, если она пожалуется. — Гдѣ ужъ тутъ ругаться. Сказалъ всемъ я; намъ нужно было получить въ Симферополѣ деньги, а ѣхать самимъ не знаешь, на чужія жать привыкла.

— Что? Да какъ ты смѣлъ говорить такія вещи? — Имъ-то? Да, вы, баринъ, точно дитѣ малое, ничего не видите. Видѣ ейный род-ственникъ, что уѣхалъ, но ночамъ-то гдѣ время проводить? Знаете? — Не твое дѣло. — Какъ это не мое? Развѣ я не пони-маю, куда она лѣнню ведетъ? Тотъ-то уѣ-халъ, а вы тутъ остались. Проходимка она, такая поркомодная, вотъ что. — Да ты не спишь ли? Про кого это ты говоришь? — Про нее самую, про Еленку. Пять-сотъ рублей! Чего захотѣла! — Ну тебѣ совѣтъ съ Еленой,—облег-чительно вздохнувъ, сказалъ Михаилъ Се-меновичъ и приказалъ лакею отыскать чело-вѣка. Доставъ бумажечку, онъ пошелъ къ Ольгѣ Павловнѣ. Его встрѣтила ея подруга. — Не знаю, можно ли пустить васъ къ Олгѣ. Положимъ, она совершенно поправи-лась, опаснаго ничего нѣтъ и даже не было, но волненія ей еще вредны. Все дѣло въ нервухъ. Я недумала, что она такая скрыт-ная. Представте себѣ, на нее подѣйстви-тель отѣздъ Николая Васильевича. Она къ нему такъ привыкла. Вѣдъ онъ ей пле-мянникомъ приходится. Виновата во всемъ я; намъ нужно было получить въ Симферополѣ деньги, а ѣхать самимъ не хотѣлось. Къ тому же жить здѣсь, въ де-

къ движению нашихъ войскъ въ Буковинѣ.

ЧЕРНОВИЦЫ.—Резиденція православнаго буковинскаго митрополита.

ривитъ, не имѣя запасовъ, трудно, а поку-пать въ Бахчисарай не стоить. Дорого и плохо. Ну, я и уговорила его съѣздить и обдѣлать все дѣла разомъ. Сейчасъ я ска-жу, что вы пришли. Она у вашего чело-вѣка справлялась, какъ вы живете.

— Петръ говорилъ мнѣ. Вотъ я и при-шелъ навѣстить болѣную. Николай Ва-сильевичъ, вѣроятно, прѣдетъ не скоро? А какъ вы съ деньгами обходитесь? Можетъ быть, вамъ нужно?

— Еще бы не нужно! Но что подѣ-лаешь, какъ-нибудь обойдемся.

— Я думалъ предложить Ольгѣ Пав-ловнѣ...

— Ей денегъ? Что вы? Она не воз-метъ, и вы ее только разстроите. Лучше съ-вѣзть къ ней и не ходите.

— Возьмите тогда вы.

— А сколько вы мнѣ одолжите?

— Я думалъ на первое время...

— Рублей пятьсотъ, по крайней мѣрѣ, надо... Тутъ все такъ дорого. Доктору од-ному платить сколько надо, ужасъ одинъ. Ну, вотъ, спасибо, выручили. Тутъ ровно пятьсотъ? Такъ я сейчасъ скажу Ольгѣ, что вы тутъ. Она будетъ намъ рада.

— Можетъ быть, лучше и не трево-жить ее?

— Ну, отчего же; поболтаете съ ней, а то она скучаетъ. Про деньги только не го-ворите, она обидится, а ей всекое волне-ніе опасно.

— За кого вы меня принимаете?

— Ну, отчего же. Поболтайте съ ней, а вы такой любезный. Оля всегда про васъ говоритъ, что вы чело-вѣкъ особой души и такой чистый, чистый. Вы, навѣрное, за-мѣтили, что она къ вамъ равнодушна? Что вы на меня смотрите? Ступайте луч-ше къ ней—она уже одѣта.

Михаилъ Семеновичъ растерянно гля-дѣлъ на Елену Петровну, пока она говори-ла, а потомъ повернулся и направился къ большой.

— Что это вы хворать вздумали? Въ Крымъ за здоровьемъ прѣзжаютъ,—ска-зала онъ, цѣлуя руку Ольгѣ Павловнѣ.

— Ничего не подѣлаешь, такъ, вѣроят-но, мнѣ суждено.

— Да что съ вами?

— Докторъ, который лечилъ меня, не могъ точно опредѣлить болѣзни. Теперь я чувствую себя хорошо.

— Похудѣли вы сильно; впрочемъ, какъ только выйдете на воздухъ, быстро нагоните потерянное.

— Я и такъ на воздухѣ. Окна открыты цѣлый день, однако я еще не пополнила...

— Очень скоро хотите; на все надо время.

— Время не при чемъ, тутъ совѣтъ другое. Скажите, вѣрите вы въ предска-занія?

— До сихъ поръ, нѣтъ. Ясновидѣнія и гадалики иногда, правда, не ошибаются, но выводы ихъ основаны на вѣрно опредѣлен-ной характеристикѣ чело-вѣка, который къ нимъ обратился. Сопоставляя его съ обществен-нымъ положеніемъ, съ окружающей обстановкой и образомъ жизни, онѣ говорятъ о будущемъ. Во что же вѣрить?

— Вы не вѣрите и въ проклятіе?

— Конечно, нѣтъ. Но къ чему эти во-просы?

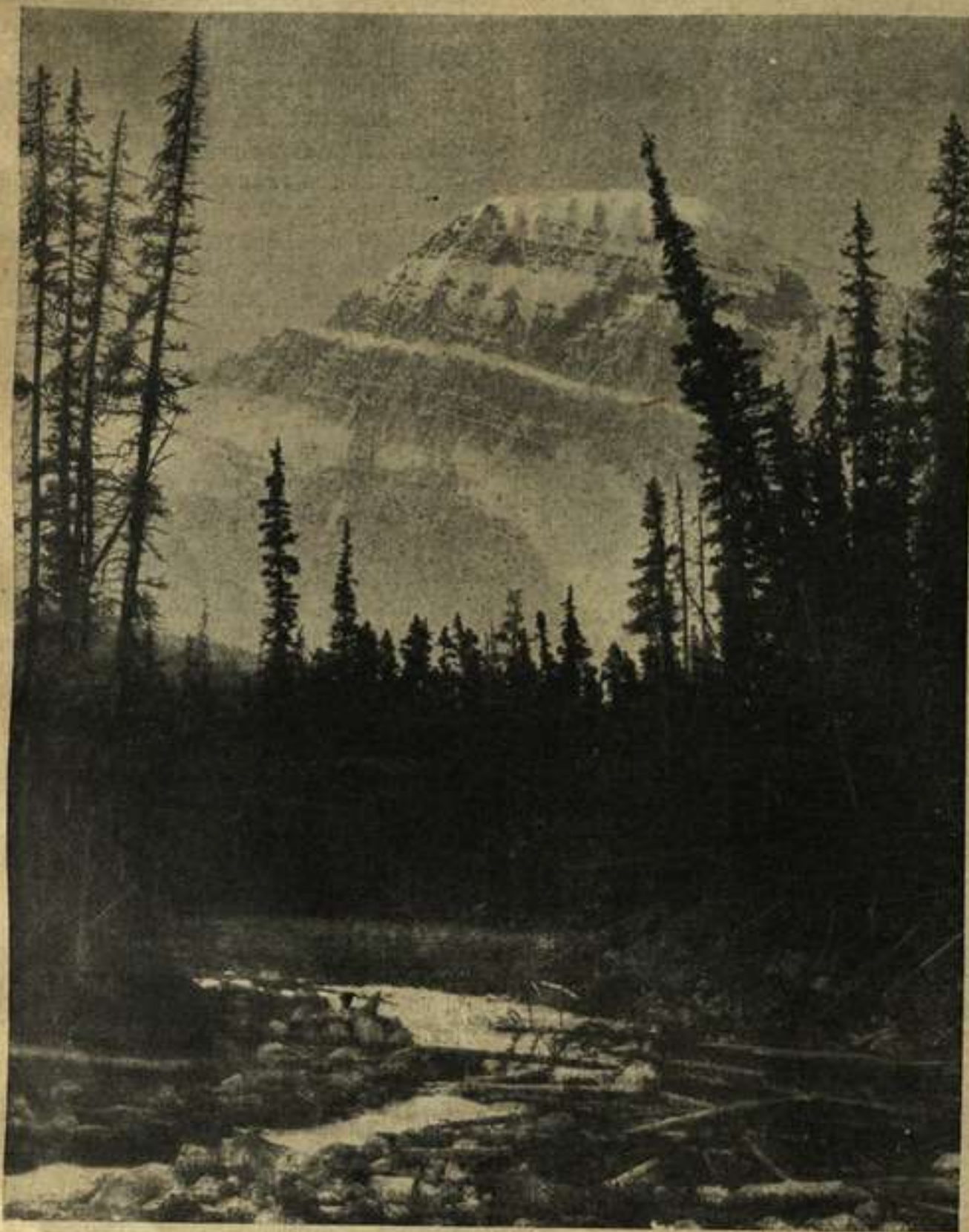
— Къ чему? Они меня давно занимаютъ и мучаютъ. Вы знаете, что я не въ со-стояніи увлечься, но вамъ неизвѣстно, по-чему. Представте себѣ, что какъ только я поддамся этому чувству, я вижу передъ собою одного знакомаго. Мнѣ предсказано, что онъ будетъ являться мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не увижу его въ гробу. А знакомый давно умеръ. Это ужасно!

— Кто могъ предсказать вамъ такую глупость?

— Не все ли равно. Но не будемъ боль-ше говорить объ этомъ; мнѣ больно... Хо-рошо? Ну, какъ ваши работы на горѣ? Петръ говорилъ, что вы нашли нескры-тую еще гробницу? Что можетъ въ ней быть? Крокъ костей, я думаю, ничего.

— Вѣроятно, но часто попадаютъ и цѣнныя вещи.

ВЭЧНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ЭДИТЬ НАВЕЛЬ. Намъ Канада почтила память убитой Нѣмцами англійской сестры милосердія.

Въ Скалистыхъ горахъ находится высокая, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ вершина Пикъ-Гейки, одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ Канады. Теперь рѣшено назвать эту вершину горой Навель — въ память героини-сестры милосердія Э. Навель, убитой Германцами 12 октября 1915 г. за то, что она укрывала у себя воиновъ союзной арміи и помогла имъ спастись. Гора Навель находится вблизи Сѣверной Канадской дороги, отсюда на вершину идетъ прекрасно выбитая дорожка, по которой легко подняться на гору. Высота горы — 11.020 футовъ. Она находится въ провинціи Альберта, въ 14 миляхъ къ югу отъ города Джасперъ и 5 миляхъ отъ рѣки Атабаска. Такимъ образомъ, Канада удалось найти наилучшій способъ навѣки обезсмертить имя жертвы Нѣмцевъ-убійцъ.

— Египетскія гробницы интереснѣе. Я добралась въ золотую сѣтку, обрамляли читала, что видѣть съ муміями иногда прекрасное лицо съ черными бровями. По-клали изображенія умершихъ. Правда? — Да. Однако, самое интересное, что жившіяся въ очаровательную улыбку, было когда-либо найдено, найдено не въ свидѣтельствоваши о полномъ наслажденіи Египтъ. Въ Римѣ открыли спящую красавицу, пролежавшую въ гробницѣ болѣе чудные сны. Вѣкъ видѣвшимъ ее думать тысячелѣтія. Не сомнѣвайтесь, такую лось, что на красавицу наложены чары вѣ-женщины дѣйствительно нашли. Она была кового сна, и что дѣвушка проснется, какъ поразительно хороша. Чудные волосы, по-только почувствуетъ приближеніе того.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ АРТИЛЕРІЯ.

Тяжелое дальнѣбойное орудіе во время перевозки по желѣзной дорогѣ.

кто заставлялъ ее сердце биться сильнее. Тысячелѣтіями она ждала поцѣлуевъ, въ ожиданіи которыхъ мирно покоилась въ мраморной гробницѣ.

— Чѣмъ же это кончилось? — спросила глумливо Ольга Павловна, глядя на Михаила Семеновича расширенными отъ изумленія глазами.

— Никто не допускалъ, что дѣвушка мертва. Состояніе тѣла, отличающееся отъ живого только тѣмъ, что въ немъ не чувствовалось биенія сердца и жизненной теплоты, заставляло однихъ приписать это колдовству прежнихъ лѣтъ, а другихъ величайшему чуду. Ученые рѣшили, что тѣло сохранилось въ такомъ видѣ, благодаря окружающей его благовоиной эссенціи.

— А я думала, что дѣвушка оживетъ.

— Можетъ быть и оживла бы, но чѣ-ломѣтъ, который могъ согрѣть ее своею любовью и ласками, не явился, хотя многие ее и цѣловали. — отвѣтила дрогнувшимъ голосомъ Михаилъ Семеновичъ.

— Поцѣлуй любимого человека дѣйствительно могутъ согрѣть и даже ожечь совершенно, какъ чуть не ожгли и меня недавно, — тихо сказала Ольга Павловна и замолкла.

— А, скажите, — спросила она черезъ мигновеніе, вида, что собесѣдники ее покраснѣли, — можетъ быть и здѣсь на горѣ найдется что-нибудь подобное? Нѣтъ? А что ваши змѣи? Вы, кажется, ихъ любите?

— Да, я къ нимъ привыкъ. Онѣ всегда среди камней; онѣ ихъ оживляютъ и какъ будто охраняютъ отъ поруганій. Иногда мнѣ кажется, что змѣи — это душа разваливъ, и что въ зеленомъ и зломъ блескѣ ихъ глазъ отражается вся мудрость и всѣ страданія многихъ поколѣній людей, жившихъ когда-то въ заброшенныхъ теперь постройкахъ. Иногда же, глядя на змѣй, мнѣ думается, что злой духъ, витающій надъ нашимъ міромъ въ пространствѣ, сошелъ на землю и, пресмыкался и грѣясь на идите, только... только, я хочу вамъ сказать въ образѣ змѣи, беретъ отъ неба зать... то, что не рѣшился бы взять отъ него въ своемъ демоническомъ видѣ... Скажи, обхвативъ шею Михаила Семеновича, жите, когда докторъ позволилъ вамъ выйти?

— Я думаю, дня черезъ три. Мнѣ скорѣе хочется быть вблизи васъ, видѣть жался. раскопки, слышать вашъ голосъ, которыми вы всегда такъ поэтично сообщате мнѣ знакомые взгляды и помысли... Куда вы? Торопитесь на работы? Ну, прощайте его тѣла и упали. Вместе съ ними

Сестра милосердія Евд. Льв. Владимірова. Работала на юго-западномъ фронтѣ въ союзѣ городовъ, на передовыхъ позиціяхъ. Скончалась 27 мая отъ воспаленія легкихъ и скарлатины.

Командиръ *** пѣх. полка В. Г. Тетруевъ. Убитъ въ Галиціи, на р. Савѣ. За боевыя заслуги награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степ., георгиевскимъ оружіемъ, орденомъ св. Владимира 3 ст. съ мечами и чиномъ генераль-майора.

Генераль-майоръ Николай Александр. ЛОХВИЦКІЙ, командующій русскими войсками во Франціи.

ПЕРВЫЙ СПАСЪ БЪ ДЕРЕВНЬ (1 августа).

† Ген.-лейт. К. В. Асмусъ. Награжденъ за боевыя отличя орденми св. Владимира 3-й ст. съ мечами, св. Станислава 1-й ст. съ мечами, св. Анны 1-й ст. съ мечами и Георгиевскимъ оружіемъ.

Крестный ходъ на воду.—Снято на р. Протвѣ, въ Рязанской губ. Фото-эпюда В. Я. Малышева.

упала и она сама безъ чувствъ на кушетку. — Такъ я и знала,—сказала Елена Петровна, примѣдивъ на зовъ Михаила Семеновича.—Всегда говорила ей, что она должна быть осмотрительной. Помогите мнѣ перенести ее на кровать. Дайте пузырькъ съ каплями—онъ стоитъ на осязъ, да флакончикъ съ нюхательной солью. Ну, вотъ и хорошо! Очнулася. Слава Богу!

Михаилъ Семеновичъ, совершенно разстроенный, протиснулся. — Пятьсотъ рублей заработала. Теперь обернемся. И что бы ты съ твоимъ характеромъ дѣлала безъ меня!—торжественно заявила подружка Елена Петровна, показывая издали полученныя диняги. — Затѣмъ ты это сдѣлала? — А на что онъ больше годенъ? — Видь, ты же знаешь, что я его люблю.

Владимиръ Келеръ. (Окончаніе слѣдуетъ).

Въ минуту раздумья.

Въ чемъ счастье жизни? Въ снѣгахъ небось, Въ той пѣснѣ, что вчера ты распѣвала звонко, Въ фіалкахъ, что весной украсятъ старый лѣсъ, И въ смѣхѣ радостномъ кудряваго ребенка. Въ чемъ бремя жизни? Въ матери слезахъ, Склоненной надъ холмомъ безвременной могилы; Въ воспоминаніи о прошлыхъ свѣтлыхъ снахъ, Въ желаньи подвига и въ недостаткѣ силы.

Миша Шревердъ.

Подпор. А. И. Рубцовъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за то, что подъ огнемъ непріятеля взорвалъ мостъ черезъ р. Салгу, по которому ходилъ блиндированный непріятельскій поѣздъ и обстрѣливалъ наши расположенія.

Старая пѣсня.

Пѣть новыхъ словъ,—слова все стары И старыя чувства сердца полны, Настрой аккорды твоей гитары И спой мнѣ пѣсню старинны, Вдохни въ слова былыхъ созвучій Твои цвѣтущіе года, Наполни пѣсни страстью жгучей— И станеть пѣсня молодая.

Н. Вильде.

Полковникъ М. П. Костроминъ. Палъ смертью храбрыхъ во время атаки около дер. Соловьянъ 22 июня 1916 г.

НА МѢСТѢ БУДУЩАГО ГОРНАГО ИНСТИТУТА.

Закладна Енаторинбургскаго Горнаго института 17 июля 1916 года.

Литературныя замѣтки.

Люди нынѣшняго вѣка.

Заглавіе, данное г. В. П. Опочининымъ сборнику своихъ разсказовъ,—«Вѣкъ нынѣшній»,—уже указываетъ на намѣреніе автора дать картину современныхъ нравовъ. Разумѣется, современное общество слишкомъ пестро, оно разложилось на слишкомъ большое число составныхъ частей, для того, чтобы можно было отразить хотя бы только самыя характерныя его

* В. П. Опочининъ. Вѣкъ нынѣшній. Книга разсказовъ. Петроградъ. 1916 г. Стр. 272. Цѣна 2 руб.

Командиръ *** пѣх. полка Ф. А. Петровъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и Георгиевскимъ оружіемъ.

особенности, какъ свѣтлая, такъ и тѣневая его сторона, въ полтора десяткахъ разсказовъ. Авторъ, очевидно, и не задавался такою цѣлью, ограничивъ свою задачу изображеніемъ лишь определенныхъ общественныхъ круговъ, преимущественно тѣхъ, для которыхъ сравненіе «вѣка нынѣшняго» съ «вѣкомъ минувшимъ»,—въ противоположность параллели, проводимой героемъ грибовдовской комедіи,—оказывается въ большинствѣ случаевъ далеко не въ ихъ пользу. Онъ показываетъ намъ семью, весьма далекую отъ «патриархальной», какую мы нередко встрѣчаемъ въ средѣ лицъ, считающихъ себя представителями современной утонченной культуры на томъ только основаніи, что они усвоили себѣ все пороки, процвѣтающіе въ культурныхъ европейскихъ центрахъ.

У жены, начинающей уже клониться къ закату, но не желающей еще отказаться отъ тѣхъ «тѣхъ», которыя одѣ только и составили смыслъ ея жизни, всеми прерогативами мужа почти открыто пользуется не тотъ, кто таковымъ считается официально, а «старый заслуженный поклонникъ съ прадами»; мужъ и заслуженный поклонникъ—это какъ бы двѣ «величины постоянныя», рядомъ съ которыми мелькаютъ, то появляясь на горизонтѣ, то исчезая въ неограниченномъ количествѣ, «величины переменныя»: молодой баритонъ, начинающій поэтъ, офицеръ Миша Косолаповъ и т. д. Мужъ, когда-то баловень женщинъ, теперь уже сдѣбующій,

сам позаботился о томъ, чтобы воспитать жену «безъ предрасудковъ», такъ какъ женщины обходятъ ему самому слишкомъ дорого для того, чтобы онъ могъ претендовать, что кто-то другой, а не онъ, оплачиваетъ брильянты, туалеты и выходы его жены. Супружеская жизнь такой пары могла бы считаться безоблачной,—драма заключается въ томъ, что у нихъ растетъ дочь, которую, какъ сознается самъ отецъ, «надо спасать изъ этой атмосферы праздности и разврата». Но у этой, своеобразно очерченной авторомъ, молодой дѣвушки, подъ влияниемъ семейной обстановки, уже сложилась своя душевая жизнь и своя «линия поведения», и когда «заслуженный поклонникъ» матери начинаетъ весьма недвусмысленно за нею ухаживать, она рѣшаетъ женить его на себѣ, чтобы «уйти» изъ родительскаго дома, и притомъ такъ, чтобы «непрѣменно вмѣстѣ съ тѣмъ имъ очень неприятно было, въ особенности мамѣ».

Въ рассказѣ «Счастье» г. Опочинина рисуется и другой типъ жены: «женою въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—говоритъ о ней очнувшись отъ перваго любовнаго угара мужъ,—она, разумеется, быть не можетъ, но очень хочетъ быть тою условною женою, которая вѣчно пристааетъ къ мужу, требуетъ вѣчнаго вниманія, окружаетъ опекой, мелочной ревностью...». Въ галерей женскихъ типовъ, которые проходятъ передъ нами въ книгѣ г. Опочинина, съ особенною выразительностью очерчены женщины, желающія жить, не особенно задумываясь надъ вопросами морали, красивыя хищницы, крѣпкими стѣнами опутывающія мужчинъ. Иногда въ прошломъ у нихъ, какъ у Наташи Яковлевой, была полоса увлеченія высокими идеалами, были мечты о подвигѣ, о служеніи человечеству, завершившіяся, въ концѣ концовъ, карьерой опереточной актрисы, живущей на средства богатыхъ поклонниковъ. Иногда авторъ выводитъ «простую, неученую» женщину, которая, какъ Глафира Филипповна въ «Мирномъ житіи», «какъ съ миллионами жила, такъ и сама приучилась дѣла устраивать». Въ томъ же рассказѣ авторъ выводитъ еще одинъ, болѣе сложный типъ «очаровательницы», Тамару Григорьевну, которая сама себя характеризуетъ, какъ «авантюристку»: «искательница приключеній»,—говоритъ она,—ловкая женщина, умѣющая устраивать свою карьеру, денежная дѣла, умѣющая правиться, заводитъ связи, окружать себя ореоломъ поклоненія, рабства, роскоши...».

Изъ мужскихъ типовъ чаще всего мы встречаемъ у автора дѣльцовъ, обладающихъ талантомъ ловко и быстро подниматься вверхъ по ступенямъ общественной лѣстницы и вмѣстѣ съ тѣмъ любящихъ всѣ тѣ житейскія блага, которыя можно приобрести за деньги. Авторъ относится къ представителямъ изображаемаго имъ міра не съ сатирической злостью, а скорѣе съ любопытствомъ, види въ этой средѣ своеобразную жизнь,—пустъ порочную, лишнюю глубокаго содержанія, но разнообразную, полную сильныхъ ощущеній. Но онъ острахованъ и отъ опасности быть не на шутку захваченнымъ этою яркою и красочною жизнью, такъ какъ даже и не слишкомъ внимательный читатель замѣтитъ явственно звучащую въ большей части его вещей ноту скептицизма.

Подводя общій итогъ впечатлѣніямъ отъ сборника рассказовъ г. Опочинина, нельзя не придти къ заключенію, что авторъ выказалъ въ немъ умѣнье и наблюдать жизнь, и облачать свои наблюденія въ художественную форму; въ особенности же сѣдуетъ отмѣтить, что автору удалось въ первой книгѣ своихъ рассказовъ показать читателю то, что чаще всего отсутствуетъ у еще молодыхъ писателей,—свое лицо, и притомъ такое, которое способно заинтересовать читателя.

Артистка Императорскаго Александринскаго театра **Е. Н. РОЩИНА-ИНСАРОВА**. Наднякъ артистка закончила свою артистическую поездку по Сибири и Дальнему Востоку, гдѣ она выступила въ восьмидесяти спектакляхъ.

Отчетъ русскаго зодчества *).

Нынешній выпускъ «Ежегодника» — юбилейный: онъ завершаетъ собою первый десятилѣтій этого изданія. Выпускъ начинается съ таблицы фасада, продольнаго разреза и различныхъ деталей «очаровательницы», Тамары Григорьевны, которая сама себя характеризуетъ, какъ «авантюристку»: «искательница приключеній»,—говоритъ она,—ловкая женщина, умѣющая устраивать свою карьеру, денежная дѣла, умѣющая правиться, заводитъ связи, окружать себя ореоломъ поклоненія, рабства, роскоши...».

Изъ мужскихъ типовъ чаще всего мы встречаемъ у автора дѣльцовъ, обладающихъ талантомъ ловко и быстро подниматься вверхъ по ступенямъ общественной лѣстницы и вмѣстѣ съ тѣмъ любящихъ всѣ тѣ житейскія блага, которыя можно приобрести за деньги. Авторъ относится къ представителямъ изображаемаго имъ міра не съ сатирической злостью, а скорѣе съ любопытствомъ, види въ этой средѣ своеобразную жизнь,—пустъ порочную, лишнюю глубокаго содержанія, но разнообразную, полную сильныхъ ощущеній. Но онъ острахованъ и отъ опасности быть не на шутку захваченнымъ этою яркою и красочною жизнью, такъ какъ даже и не слишкомъ внимательный читатель замѣтитъ явственно звучащую въ большей части его вещей ноту скептицизма.

* Ежегодникъ Императорскаго общества архитекторовъ-художниковъ. Выпускъ десятый. 1915. Птгр. Стр. 168. Ц. 5 р. 50 к.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Мастерская молодого художника. Портретъ товарища. Фото-отъодъ В. И. Милова.

ни въ современное русское зодчество то пониманіе старинныхъ образцовъ и вкусъ къ нимъ, которые возникли еще такъ недавно, на нашей памяти. Теперь, кажется, ни одной церкви въ Россіи не отстроенъ (по крайней мѣрѣ, признанными зодчими-художниками) безъ того, чтобы они такъ или иначе не воспроизводили, и въ общемъ своемъ планѣ и во множествѣ деталей, тѣ или эммы старо-русскіе образцы. Вотъ, напримеръ, любопытныя воспроизведенія деревянной русской архитектуры въ маленькой, очень стильной церковкѣ, выстроенной въ пѣтии г. Ратьковъ-Рождныхъ «Дубки», близъ Ораниенбаума (Н. Лавсера). Здѣсь даже стѣны и ящики въ церкви и табуретка рядомъ выдержаны въ своемъ типѣ, а иконостасъ (выполненный плотниками, строителями церкви) живо воспроизводитъ въ памяти деревянное кружево подлинныхъ до-петровскихъ храмовъ нашего Сѣвера. Рядомъ съ церковью—типичная сквозная звонница, походящая со своими столбами, рѣшетками и высокой кровлей на какія-то качели.

Въ другомъ родѣ превосходная небольшая каменная церковь съ одной огромной главой, новгородско-псковскаго стиля,—постройки г. Шусева, въ харьковскомъ имѣніи г. Харитоненка «Натальевкѣ». Тамъ, помимо характерной главы, интересны скульптурныя подробности работы г. Матвѣева и архаизированный барельефъ г. Коленкова «Распятіе». Внутренность церкви (роспись худ. Савинова) снова вполне воспроизводитъ внутренний видъ нашихъ древнихъ храмовъ. При взглядѣ на эти новыя созданія русскаго творчества, живописи и вапня, всегда кажется, что, проснись отъ своего вѣкового сна Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ или кто-нибудь изъ московскихъ Іоанновъ и Василеевъ, и еще того болѣе—любой изъ новгородскихъ посадниковъ,—они всѣ вошли бы въ такую церковь, какъ въ «свою», знакомую, привычную, и, оглядываясь, стали бы истово молиться на сѣ истовые, священные лики, не замѣчая даже ихъ новизны, не улавливая вообще существовавшей разницы съ тѣмъ, что запечатлѣлось въ ихъ духѣ и памяти. Эта «новизна» не смутила бы ихъ традиціонной требовательности, и незамѣтно, органически срослась бы съ ихъ «старинной».

Но такъ у насъ, на Святой Руси, подъ нашимъ сибирнымъ небомъ и среди нашей «православной» природы. Но вотъ тотъ же самый древне-русскій стиль, перенесенный подъ яркое, чужое небо далекаго, пышнаго Юга, уже кажется чѣмъ-то искусственнымъ и неприятно-экзотическимъ.

Такое впечатлѣніе даетъ типичная русская «пятитлавака» нашей новой церкви въ Ниццѣ (строеніе профессора Преображенскаго. Можетъ быть, это нужно было для «представительства», го, видъ такого соображенія, казалось бы, въ данномъ случаѣ болѣе подходило образцы новѣйшаго происхожденія, мотивы русскаго ампира или другаго формы нашего зодчества XVIII—XIX в.в.

Изъ свѣтскихъ построекъ обращаютъ на себя вниманіе въ сборникѣ снимки новаго аданія приземчатыя въ Ессентукахъ (арх.-худ. Шреттера). Казалось бы, мало благонадежная тема, зданіе для приезжихъ ваннъ, но строгость сумѣлъ создать что оригинальное и, по-своему, какъ-то странно отбѣчающее назначенію зданія. Его архаизированный античный стиль, вышность какой-то пиклосической постройки, крѣпостныхъ баціоновъ, изъ стѣной оруженности которыхъ выдвигается стройный греческій храмъ, такъ же какъ стилизныя статуи и барельефы (г.г. Дитриха и Козлова), все это говоритъ о настоящемъ художественномъ вкусѣ. Та же печать изыщества лежитъ на другомъ проектѣ г-на Шреттера—курзала для Бусскихъ водъ,—можетъ быть, даже малинне-романтическаго въ деталяхъ (главный входъ). Этого нельзя повторять о многочисленныхъ проектахъ акад. Шуко, тяжеловѣсно-орди-

варныхъ и щихъ (башни Вели Никола будетъ соор градецъ не

Право, школьникамъ классическое (надо ему былъ по св гораздо удоб распылчат пиковъ, но «освѣщеніа» длось. Изв мальчики д камышъ д дърота, поч орудій», л вѣхъ пирш ественны « тогда сообщ вляя извеѣ вѣда и о стратъ» сл самую ночь каго. Сей собою обра низма...

А теперъ культурной Артемиду, только ни классномъ возмозможн дойти къ р въ томъ н менной на отводить т культурны даже въ у хватывают греческой мисенской крытой Крита. Ни ники 80-х и всѣ наш ичерпывал томъ съ ег Книжка ковъ стар занттересо касаетса д торые дост дивнимъ р скихъ горо замъ» па ковъ. Всту понятіе о рода докум Грековъ, г щади и св пластическ печатгласъ бронзовыхъ охлатывав всю жизнь событій е стей части цахъ» Олг использовав ка, гдѣ то мятникъ и же «аллеи даке и от центровъ, о. Сантирн пяго Миле ній город пившіяся высоко па ное чело» откопанъ

* Э. Ци не-греческ цѣмъ въ ра. М. 191

варных или неудачно-оригинальничавших (башня въ проектъ кіевской управы). Если Николаевскій вокзалъ въ Петроградѣ будетъ сооруженъ по его проекту,—петроградцевъ нельзя поздравить.

И. Перовъ.

Въ дали въковы.

Право, можно позавидовать нашимъ школьникамъ! Намъ, бывало, учили по классическому «Иловайскому» и, хотя онъ (надо ему отдать эту справедливость) былъ по своей конкретности и краткости гораздо удобнѣе для усвоенія нѣтъ-нѣтъ, но уже никакого культурнаго «освѣщенія» тутъ спрашивать не приходилось. Извѣстія о томъ, какъ спартанскіе мальчишки должны были сами вѣять себѣ камыши для своихъ постелей изъ рѣки Эвроты, почему-то «безъ помощи острѣхъ орудій», или подробности о дукулловыхъ пиришествахъ,—вотъ, кажется, единственныя «черточки быта» которыя намъ тогда сообщались. Ну, разумеется, прибавляя извѣстный анекдотъ о собацѣ Алкивиада и о томъ, какъ «безумецъ Геростратъ» сжегъ храмъ Дианы Эфесской въ самую ночь рожденія Александра Великаго. Сей примѣръ долженъ былъ являть собою образчикъ историческаго синхронизма...

А теперь вотъ и Диану Эфесскую съ культурной точностью переименовали въ Артемиду. Теперь, при нѣкоторомъ только вниманіи въ классѣ и внѣ-классномъ прилежаніи, ученики имѣютъ возможность уже на школьной скамьѣ подойти къ реальной картинѣ древняго міра въ томъ видѣ, какъ она рисуется современной наукой. Даже классные учебники отводятъ теперь довольно широкое мѣсто культурнымъ свѣдѣніямъ (можетъ быть, даже въ ущербъ своей усвоимости) и захватываютъ въ своемъ изложеніи (для греческой исторіи) эпохи архаической микенской культуры и столь недавно открытой «декадентской» культуры о. Крита. Ни о чемъ подобномъ мы, школьники 80-хъ годовъ, даже не подозревали, и всѣ наши свѣдѣнія объ островѣ Критѣ исчерпывались пресловутымъ лабиринтомъ съ его быкомъ.

Книжка Цибарта* написана для учениковъ старшихъ классовъ, но она можетъ заинтересовать и всякаго читателя. Она касается тѣхъ богатыхъ результатовъ, которыя доставлены исторической наукой недавними раскопками малоазійскихъ греческихъ городовъ съ ихъ «каменными архивами» надписей и прочихъ памятниковъ. Вступительная статья даетъ общее понятіе о характерѣ и цѣнности такого рода документовъ. Общественная жизнь Грековъ, почти вся происходившая на площади и связанная съ площадью, при ихъ пластическихъ вкусахъ, естественно запечатлѣлась въ тысячахъ мраморныхъ, бронзовыхъ и каменныхъ мемориаловъ, охватывавшихъ въ своей совокупности всю жизнь страны—отъ крупнѣйшихъ событій ея исторіи до мелкихъ подробностей частнаго быта. «Въ священныя улицы» Олимпіи и Дельфы «не осталось неиспользованнымъ почти ни одного мѣстечка, гдѣ только можно было помѣстить памятникъ или плиту съ надписью». Такія же «аллеи памятниковъ» достались намъ даже и отъ скромныхъ провинціальныя центровъ, какъ г. Фрея (на теперешнемъ о. Санторинѣ) или къ Пріена близъ древняго Милета въ Малой Азіи. Этотъ послѣдній городъ, сравнительно хорошо сохранившійся и до сихъ поръ еще возносящій высоко надъ моремъ «упрямое мраморное чело» своего акрополя, окончательно откопанъ лишь въ 1895—1898 гг.

* Э. Цибартъ. «Культурная жизнь древне-греческихъ городовъ». Съ иллюстраціями въ текстѣ. Переводъ А. И. Певзнера. М. 1916. Стр. 133. Ц. 1 р. 40 к.

Вообще, только знакомясь съ этими кументамъ греческихъ городовъ въ Египтѣ, въ изобиліи сохраннымъ намъ той археологіи, представляемъ себѣ грандіозными канцелярскими архивами египца,—какъ еще свѣжа эта наука въ своихъ постоянно растущихъ результатахъ и нѣми покровами крокодиловыхъ кладбищъ (муміи крокодиловъ иногда завертывались въ исписанные листы папируса). Документы эти полны мелочей частнаго обихода, большая часть которыхъ звучитъ для насъ совершенно понятно: «Обѣдъ въ честь Казатита. Одинъ же ксахъ вина—2.000 драхмъ, шесть обѣдовъ съ хлѣбомъ 190 драхмъ, всего 2.190 драхмъ». Необычайная дороговизна вина сравнительно съ пищей заставляетъ подумать, что этотъ счетъ былъ составленъ въ какіе-либо (намъ неизвѣстные) дни насажденія все-египетской трезвости. Увы! «Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ!»—сказалъ въдѣ почти современникъ этихъ документовъ, Екклесіастъ...

Послѣдняя глава книги посвящена до-

Мелочи.

Палестина въ дни войны.

Въ теченіе болѣе столѣтія Палестина не была ареной войны. Въ глубокой древности она служила ареной кровавыхъ распрей между населявшими ее племенами индо-европейскаго и семитическаго происхожденія. Вторженіе Евреевъ положило начало многимъ годамъ кровавой грозы. Филистимляне и Вавилоняне внесли также свою долю въ годы бѣдствій Палестины. При раздѣленіи Римской имперіи въ 395 г. Палестина досталась Византіи, участь которой она раздѣлила, понавъ подъ владычество султана Омара. Она перешла лишь на короткое время къ рукамъ крестоносцевъ, и эти годы были, пожалуй, самыми кровавыми въ ея исторіи. Въ 1799 году Наполеонъ пытался захватить Палестину, однако его попытка не увѣчалась успѣхомъ: послѣ неудачной осады крѣпости Акры, выдавшей еще древніе легіоны Рима, великій корсикалецъ принужденъ былъ вернуться въ Египетъ. Въ настоящее время Палестина не из-

Е. Е.

ВЪ ЗАВИСИМОСТИ ОТЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ.

— Есть номера и на какую цѣну?
— На разную!
— Покажите!

— Вотъ этотъ номеръ—пятнадцать рублей!

— А этотъ номеръ—восемь!

— Такой—пять!

Рис. Аловъ.

бжалась общей участи и въ свою очередь захвачена войной грозой. Английскій корреспондентъ, сумавшій пробраться подъ личиной Американца въ Палестину, говоритъ, что города ея отразили всѣ волновія мировой войны. На древнихъ равнинахъ подъ Иерусалимомъ происходятъ военныя учения; желвзныя дороги—двѣ ничтожныя лини, одна отъ Яффы до Иерусалима, другая отъ Хайфы на Дамаскъ, запружены военными грузами. Высадившись въ Хайфѣ, Англичанинъ принужденъ былъ отправиться обратно по побережью къ югу, къ Яффѣ. Расстояние между этими городами, около 70 миль, пришлось сдѣлать въ первобытной колыхагѣ, запряженной четверной лошадей. Врядъ ли можно найти во всемъ мирѣ дорогу, мѣтѣ приспособленную къ їздѣ, нежелата, которая соединяетъ Хайфу и Яффу. Колыхагѣ приходилось пересѣкать поля, овраги, ручейки, холмы; оставалось только удивляться, какимъ образомъ возница могъ ориентироваться въ этой пустынѣ. Къ вечеру подобнаго путешевтвiя путники попали въ небольшое грязное еврейское селеніе Замаринъ. Трудно встрѣтить большую нищету и убожество, характеризующія впрочемъ всѣ еврейскія селенія Палестины. Необходимо отмѣтить, что палестинскіе Евреи не являютъя потомками древнихъ обитателей этой страны. Всѣ они выходцы изъ Европы и въ рѣдкихъ случаяхъ селятся по деревнямъ, предпочитая заниматься ремеслами и торговлей въ городахъ. Отъ Яффы до Иерусалима проведена желваподорожная линія, подобно которой трудно найти во всемъ мирѣ. Испанскія желвзныя дороги прославились своей медлительностью, но онѣ быють рекордъ быстротой по сравнению съ этой. Возможно, что медленность движевнiя есть временное явление—результатъ войны, но корреспондентъ утверждаетъ, что въ чынахъ мѣстахъ, погодя на чернашій ходъ поезда, онъ высказывалъ изъ вагона, бжалась ридомъ съ паровозомъ и достигалъ одновременно съ нимъ стаяціи. Подобное поведение вызвало горячее неодобреніе кондуктора въ виду несмолкаемыхъ взрывовъ смѣха остальныхъ пассажировъ. Онъ пригрозилъ Англичанину посадить его на одной изъ большихъ стаяціи и тѣмъ пресѣчь его дальнѣйшія спортивныя стремленія. Показъ идти по мѣстности, гдѣ на каждомъ шагѣ вставють историческія воспоминанія. Вотъ Шаронская долина, гдѣ происходили простыня схватки крестоносцевъ съ крестовыми, дальше селеніе Тимпатъ, гдѣ Самсонъ принужденъ былъ въ неволѣ молотъ зерно Филитимлянъ, Аскалонская долина, гдѣ Исусъ Навинъ остановилъ солнце въ его движевнiи. Корреспондентъ прибылъ въ Иерусалимъ въ солнечникъ и желать вести собя въ американскую колонию. Это очень любопытное общество, основанное около 100 лѣтъ назадъ небольшой группой лицъ, увѣрившихся въ близости

НЕДОКОНЧЕННАЯ ПОЧИНКА.

Клею больше нѣтъ!

суднаго дня. Онѣ рѣшили встрѣтить этотъ день въ колыхагѣ христианства—Иерусалимѣ. Но шли годы, не пришло съ собой ожидаемой катастрофы, и мало-помалу разраставшаяся колонія превратилась въ наши дни просто въ религиозное братство, какими изобилуютъ Англія и Америка. Колонія владѣетъ цѣлымъ кварталомъ каменныхъ домиковъ, имѣетъ общую казну и обшій столъ. Каждый членъ общества долженъ работать на пользу колоніи, сообразно своимъ способностямъ. Женщины смотрять за хозяйствомъ, за дѣтьми, за благоустройствомъ жилищъ. Мужчины открыли переплетное заведение и фотографическое ателье, а также выколаютъ тяжелыя домашнія работы. Всѣ Американцы, яли называвшіся таковыми могутъ быть увѣрены въ самомъ радушномъ приѣмѣ. Денегъ чле-

ны колоніи не берутъ, но не отказываются отъ пожертвованій въ пользу ея. Лица, ожидающія увидѣть въ Иерусалимѣ весь современный комфортъ, сильно ошибутся. Это грязный въ санитарномъ отношеніи и неуютный городъ. Около 80.000 жителей, главнымъ образомъ бѣдноты, мало оживляютъ его. Улицы грязны, узки, а мѣстами можно даже встрѣтить странныя улочки въ видѣ туннеля, со сводчатой крышей надъ ямами. Въ такихъ улочкахъ черезъ нѣсколько ярдовъ продѣланы въ крышѣ отверстія, откуда проникаетъ дневной свѣтъ. Экшажетъ вы не встрѣтите въ Иерусалимѣ, за рѣдкими исключениями,—ихъ замѣняютъ верблюды и мулы. Свѣтлое мѣсто имѣетъ довольно убогій видъ. Находящеся внутри здания турецкіе солдаты, роль которыхъ заключается

въ водвореніи порядка между представителями разныхъ христианскихъ церквей, сильно расхолаживаютъ каждого входящаго въ храмъ. Внутри храма пыльно, грязно—видно, что служки мало заботятся о благолѣпн святаго мѣста. Еще болѣе обидно становится за эту халатность христианъ, когда входишь въ мечеть Омаръ «Кубетъ-Дѣль-Сакра»,—одно изъ самыхъ величественныхъ зданій Иерусалима. Оно построено, по преданію, на мѣстѣ древлаго храма Соломона. Въ мечети находится обломокъ священнаго утеса, на которомъ отпечатался слѣдъ ноги Магомета. Какъ христиане такъ и магометане вѣрятъ, что на этомъ именно камнѣ Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву Богу Исаака. Тщетно пытался авторъ статьи вемотрѣться поближе въ военныя приготовления Турокъ. Первый же его попытка приблизиться къ Голгоетѣ, въ окрестностяхъ которой происходятъ военныя учения, была встрѣчена весьма недружелюбно германскимъ офицеромъ-инструкторомъ. Велѣдствіе этого онъ предпочелъ обратиться въ простого туриста, осматривающаго святаго мѣста, во избѣжаніе обвиненія въ шпіонажѣ. При такихъ условіяхъ пребываніе въ Иерусалимѣ представляло мало интереса, и журналистъ рѣшилъ пробраться въ Дамаскъ, осматривая по дорогѣ всѣ извѣстныя въ библейской исторіи мѣста. Но его мѣтвнiю, населеніе относится весьма пассивно къ военной грозѣ, отголоски которой успѣли захватить и Палестину. Смѣшанныя племена Бедуновъ, Евреевъ и т. д., смотрять болѣе чѣмъ хладнокровно на то, кто будетъ ихъ владыкой.

Мы не будемъ приводить путевыхъ впечатлѣній журналиста на этомъ пути—они были много разъ описаны паломниками и туристами. Авторъ приводитъ одно любопытное замѣчаніе, касавшееся плодородія Палестины. Въ настоящее время это средняя по плодородію страна, весьма далекая отъ того восторженнаго описанія, какимъ наградили ея послы еврейскаго народа при вступленіи въ Ханаанъ. Авторъ поинтересовался узнать мнѣніе одного свѣдущаго натуралиста по этому поводу. Тотъ возразилъ ему, что нѣтъ основаній предполагать столь крупныя измѣненія въ климатѣ и почвѣ Палестины, и что все говоритъ за то, что въ дни Моисея Палестина была такою же, какъ и въ наши дни. Лишь изголодавшіеся въ длинныхъ страствованіяхъ по пустынѣ Евреи могли расписать се такими яркими красками.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

BRITISH-AMERICAN TOBACCO CO, LTD,
LONDON.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКІЕ
ТРУБОЧНЫЕ ТАБАКИ и ПАПИРОСЫ.

Съ требованіями обращаться въ
СКЛАДЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТАБАКОВЪ, СИГАРЪ и ПАПИРОСЪ
АРИСТОТЕЛЕСЬ КАЛОГЕРОПУЛО.

Контора и оптовый складъ: Петроградъ, Ждановская набер. № 3. Телефонъ 153-98.
Опково-розничные магазины: 1) Нюнкналь, противъ зданія вокзала. Телефонъ 16.
2) Теріоки, Большая дорога, в. Богомолова, возлѣ аптеки.

Гг. ОФИЦЕРАМЪ
ЭЛЕКТРИЧ. ФОНАРИ
небывало СВѢТЛО и ДОЛГО
горящіе.
ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 33
Складъ новыхъ изобрѣтеній

НОВАЯ КНИГА
ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ:
„ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ“
(ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ).
Продается въ магазинахъ „Новое Время“
Цѣна 1 рубль.

ВЛАДѢТЬ ЯЗЫКАМИ

является мечтой каждого человѣка, но не всякій знаетъ о пользующейся
громаднымъ успѣхомъ

ЗАОЧНОЙ МЕТОДЪ
обученія иностраннымъ языкамъ по изданію «АКАДЕМІЯ ИНОСТРАН-
НЫХЪ ЯЗЫКОВЪ». Легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучи-
ванія наизусть грамматическихъ правилъ и словъ, каждый можетъ
въ короткое время изучитъ

ФРАНЦУЗСКІЙ, АНГЛІЙСКІЙ и НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКИ.
КУРСЪ НАИДАГО ЯЗЫКА СОСТОИТЬ ИЗЪ 10 ВЫП. Каждый выпускъ стоить 1 руб. 40 коп.
Краткій проспектъ бесплатно. Подробный за 15 коп.
Всякую корреспонденцію адресовать: въ Главную Контору Книгоиздательства
«БЛАГО», Петроградъ, Николаевская, 41.
Собств. магазинъ: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 66; МОСКВА, Мясницкая, 14.
Съ 1-го Августа Гл. Контора перемѣстится на Глазовую ул., соб. домъ № 18

Поступила въ продажу новая
книга:
ЦАРЬГРАДЪ
и
ОКРЕСТНОСТИ.
Историко-художественное
описаніе А. Барта.
248 стр. съ 58 рисунками и
чертежами, въ художествен-
ной обложкѣ.
Перевелъ Н. М. Лаговъ.
Дополнено Н. Н. Пѣшкскимъ.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Въ продажѣ въ книжныхъ ма-
газинахъ «Нового Времени»
(Петроградъ, Москва, Харьковъ,
Саратовъ и др.) и въ книжныхъ
инкшпахъ желвзнодоро. стаяціи.